

TECONOMICUS

номер

Часть 3

TERRA ECONOMICUS

До 2009 г. — Экономический вестник Ростовского государственного университета

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

Журнал издается с 2003 г., выходит 4 раза в год. Подписной индекс 81958

Учредитель:

Южный федеральный университет

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Мамедов О.Ю., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор, **Вольчик В.В.** (зам. главного редактора), доктор экономических наук, профессор,

Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор,

Овчинников В.Н., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор.

Редакционный совет:

Овчинников В.Н. (председатель редакционного совета), Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Белокрылова О.С., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,

Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор,

Белоусов В.М., доктор экономических наук, профессор,

Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор,

Германова О.Е., доктор экономических наук, профессор, **Кетова Н.П.,** Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Кольвах О.И., доктор экономических наук, профессор,

Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор,

Лукьянцев А.А., доктор юридических наук, профессор,

Макаренко В.П., доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, **Мамедов О.Ю.,** Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Наймушин В.Г., доктор экономических наук, профессор,

Цыганенко С.С., доктор юридических наук, профессор,

Чернышев М.А., доктор экономических наук, профессор.

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105.

тел.: (863) 2653-158, 2648-466 факс: 2645-255, 265-31-58, 264-84-66

e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88, к. 211. тел.: (863) 240 96-27

e-mail: terraeconomicus@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ	
Зумакулова Ф.С. Современные проблемы регулирования финансовой системы	5
Ширяев И.М. Принципы и проблемы эволюционного подхода	
Фридриха Августа фон Хайека	9
Хачатурян Н.С. Мировой опыт формирования эффективных механизмов	
взаимодействия государства и бизнеса в современных условиях	14
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ	
Анопченко Т.Ю., Шамардин Д.Н. Формирование и управление производственными	
кластерами	19
Галазова С.С., Цоков А.В. Конкурентная динамика развития российского продуктового	
ритейлинга	24
Неровня Т.Н., Хачиров А.Д. Оценка мультипликативных эффектов от инвестиций	
в промышленность	28
Гранкина Н.Г. Эволюция целеориентации маркетинговой деятельности компаний	
в направлении усиления социальных приоритетов	35
Рожков В.А. Эволюция принципов и направлений реформы энергетической отрасли	
в постреформенный период	40
Гурова Е.А. Особенности формирования инновационного потенциала организации	44
Афанесян М.К. Подходы к повышению эффективности инструментов снижения	
трансграничных загрязнений	47
Левушкина С.В. Предпринимательская среда как условие устойчивого развития малого	
и среднего бизнеса	52
Терешев М.А. Стратегические аспекты организационной модернизации коммерческих	
банков	58
Овчаренко Г.В. Управление социальными нововведениями в организациях	62
Бабаева А.А. Позиционирование инструментов публичного размещения акций	
российскими транснациональными компаниями в структуре источников	
внешнего долевого финансирования	65
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	
Баккуев Э.С. Регион как открытая система. Роль агроэкономического роста	
в развитии региональных территориальных образований	71
Дончевский Г.Н., Шафиров Л.А., Карлина А.А. Депрессивные территории: модель	
фазовой возгонки (концепция, рабочие гипотезы и программа исследования)	75
Чумакова И.Ю. Инновационные механизмы развития государственного финансового	
контроля в Украине	86
Каплина А.В. Современная роль кластерных объединений в формировании	
финансового потенциала региона	93
Безирова З.Х., Журтова З.В. Концепция развития венчурного инвестирования	
инновационной деятельности региона	98

Кашникова Т.В. Направления и инструменты повышения эффективности социальной
защиты населения региона (на примере Ростовской области)
Григорьева О.П., Герасимов А.Н., Скребцова Т.В. Системная интеграция как форма
взаимодействия бизнес структур на современном этапе развития традиционно
аграрных регионов России108
Кузьменко В.В., Трысячный В.И. Концептуальное обоснование развития предприятий
химического комплекса региона114
Герасимов А.Н., Громов Е.И., Шаталова О.И. Системная диагностика
социально-экономического положения макрорегионов Российской федерации117
Клишина Ю.Е., Оботурова Н.П., Углицких О.Н. Мониторинг инновационного развития
Северо-Кавказского макрорегиона
Тельнова Н.Н., Остапенко Е.А, Кобозев А.К. Сельские домашние хозяйства как объект
управления в инновационной экономике региона127
Королева Н.А. Ресурсное инвестирование мега-корпорацией зон постиндустриального
роста во внутренней среде региональной экономической системы132
Гладилин А.В., Шаталова О.И., Кобозев М.Н. Позицирование совокупности
локальных рынков растиниеводческой продукции в экономике макрорегиона136
Громов Е.И. Принципы управления и планирования социо-эколого-экономической
системы макрорегиона140
Пархоменко Т.В. Разработка и реализация логистической стратегии развития
электроэнергетического комплекса региона145
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА
Цыганенко С.С. Дифференциация в свете категории уголовно-процессуальная стратегия
(молельный полхол и концептуальные основания)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

ЗУМАКУЛОВА Ф.С..

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова, e-mail: f.zumakulova@yandex.ru

В статье рассматривается изменение роли банковского сектора в механизме антикризисного регулирования финансовой системы и усиление значимости регулирующей функции рынка ценных бумаг.

Ключевые слова: коммерческие банки; рынок ценных бумаг; антикризисное регулирование.

CONTEMPORARY PROBLEMS OF THE FINANCIAL SYSTEM REGULATION

ZUMAKULOVA F.S.,

PhD, Associate Professor at the department of «Finance and Credit», Kabardino-Balkaria State Agrarian University named after. V.M. Kokov, e-mail: f.zumakulova@yandex.ru

This article examines the changing role of the banking sector in the mechanism of regulation of the financial system crisis and the growing importance of the regulatory function of the securities market.

Keywords: commercial banks; securities markets; anti-crisis regulation.

JEL classification: E44, G18.

В последний период повысился теоретический и практический интерес к модернизации финансовых институтов в корпоративном секторе, что отразило попытку построения организационно-управленческих моделей оптимизации функционирования этих институтов на базе использования ограниченной информации. Конечно, такие модели в настоящее время носят ограниченный характер, охватывая преимущественно сферу финансового поведения фирм. Тем не менее, их актуальность состоит в том, что они распространяются на ведущий сектор общей финансовой системы страны. А.Б. Аюрзанайн подчеркивает, что «в настоящее время анализ деятельности финансовых институтов основан на методике дискретного анализа, учитывающего только количественные характеристики трансакционных услуг без учета структурного аспекта, в том числе и в динамике. В условиях трансформации современной экономики и осуществления институциональных изменений требуется применение новых подходов к анализу деятельности финансовых институтов с учетом детализации структуры трансакционных услуг и возможностью отслеживания изменений данной структуры в динамике» (Аюрзанайн, 2010. С. 84).

Основная проблема состоит в том, что в разных странах сложились различные варианты структурного строения национальной финансовой системы. Традиционный центр классической финансовой системы – крупные коммерческие банки, которые длительный период исполняли роль двигателя национальной экономики. Однако доминирование банковских институтов и инструментов стало терять свою эффективность по мере формирования и развития рынков ценных бумаг. В более поздней публикации А.Б. Аюрзанайна аргументируется, что «экономические факторы, влияющие на развитие финансовых институтов, составляют основу функционирования. Спрос на финансовые услуги (инвестирование, сбережение, страхование и др.) со стороны населения предопределяет успешность финансовой отрасли в экономике» (Аюрзанайн, 2011. С. 40). Поэтому в эпоху глобализации рынков ценных бумаг, функции банков подвергаются коррекции в направлении доступности и сроков предоставления кредитов, а также в выполнении посреднической роли между заемщиками и кредиторами в корпоративном сегменте экономики.

Роль банков будет возрастать по мере перехода от преимущественно наличного денежного оборота к безналичным расчетам. Прогнозируется, что к 2015 г. наличный оборот в Российской Федерации снизится до 18% (диаграмма 1 – *Миркин, 2010. С. 76*).

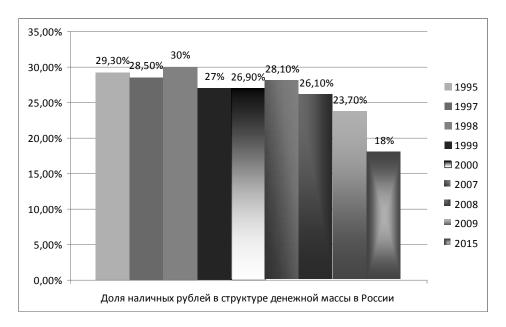

Диаграмма 1. Динамика оборота наличных денег в экономике России

В финансовой системе фактически произошел передел рыночных источников концентрации капитальных ресурсов. Практика показала, что совокупный объем ресурсов в банковском секторе и в секторе ценных бумаг значительно опережает размеры и темпы прироста реального сектора национальной экономики (табл. 1). Об ускоренном развитии банковского сектора свидетельствует тот факт, что лишь в течение месяца (ноябрь-декабрь 2012 г.), активы банковского сектора возросли на 1,2%; объем собственных средств кредитных организаций увеличился на 4,1%; объем кредитования населения – на 2,4%; в течение 2012 г. эти показатели составили 14,5%, 15,3% и 36,3% соответственно (табл. 1).

Такое опережение свидетельствует о том, что связь между увеличением объема производства и увеличением финансовых ресурсов в банковском секторе становится все менее корреляционной, тогда как между увеличением объема производства и увеличением масштабов рынка ценных бумаг связь становится все более тесной. Отсюда следует стратегический вывод, согласно которому по мере развития форм и инструментов предоставления рынками ценных бумаг финансовых услуг значимость этих рынков становится более важной для национальной экономики, чем значимость банковского сектора национальной финансовой системы. Это вывод носит долгосрочный характер и формирует вектор развития российской финансовой системы.

 $ag{Ta}$ блица 1 Динамика показателей развития банковского сектора (млрд руб.) 1

	-		- ,		
Показатель	Ha 01.11.2012	Ha 01.12.2012	Изменение за месяц	Ha 01.01.2012	Изменение с 01.01.2012
Активы банковского сектора	47 095,7	47 668,90	1,2%	41 627,5	14,5%
Объем собственных средств (капитала) кредитных организаций	5 805,4	6 042,50	4,1%	5 242,1	15,3%
Объем субординированных кредитов, выданных Внешэкономбанком и Банком России	-	-	-	704,0	-
Объем кредитования кредитными организациями реального сектора	19 773,1	19 822,70	0,2%	17 715,3	11,9%
В том числе кредиты, выданные на срок свыше 3-х лет	8 118,30	-	0,1%*	7 058,8	15,0%
Объем кредитования кредитными организациями населения	7 387,5	7 564,0	2,4%	5 550,9	36,3%
Объем вкладов населения	13 196,5	13 434,2	1,8%	11 871,4	13,2%
В том числе вклады населения в рублях	10703,7	10 956,3	2,4%	9 702,3	12,9%
Объем вкладов организаций	9 308,5	9 210,10	-1,1%	8 367,4	10,1%

¹ Мониторинг социально-экономического развития РФ // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ (http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/monitoring/).

Согласно среднесрочному прогнозу развития финансовой системы до 2015 г., посткризисное возобновление экономики в том же качестве, что и в 2000-е гг. неизбежно воссоздаст сырьевую финансовую систему. В третий раз формируется спекулятивная модель финансового рынка, основанная на «горячих деньгах нерезидентов. Существует, как новое явление, угроза расстройства сферы государственных финансов, перехода к постоянно дефицитной модели консолидированного бюджета и наращивания государственного долга, как следствие посткризисной экспансии расходов государства. Сохранятся эксцессии в рисках, волатильности рынков, цене денег, монетизации, насыщенности финансовыми активами, фискальной нагрузке, внешних долгах, портфельных и прямых иностранных инвестициях, капитализации, состоянии отдельных категорий финансовых институтов, международных резервах (Миркин, 2010. С. 35).

Таким образом, по мере развития экономики финансовая система увеличивает спрос на услуги, предоставляемые рынками ценных бумаг, по сравнению с теми услугами, которые предоставляются банками, в связи с чем рынки ценных бумаг становятся все более важными для будущего экономического развития страны. Полноценная, развитая финансовая структура страны будет представлять в перспективе сочетание коммерческих банков и рынков ценных бумаг, при этом доминирующая роль банков была бы своеобразным показателем относительного отставания в модернизации национальной финансовой системы. Т.Г. Ржевская справедливо отмечает, что «финансовая система является составной частью национальной экономики и механизмом ее воспроизводства. Функционирование финансовой системы выражает: внутренние процессы, происходящие в самой финансовой системе; процессы воздействия финансовой системы на воспроизводство, развитие национальной экономики, в первую очередь, ее реального сектора (финансовая политика); обратное воздействие экономических процессов в реальном секторе экономики на финансовую систему, особенно на бюджетную систему, систему коммерческих банков и фондовый рынок» (Ржевская, 2011. С. 163).

Изменение соотношения роли коммерческих банков и рынков ценных бумаг в национальной финансовой системе имеет объективным следствием формирование нового механизма регулирования их взаимодействия, который по традиции обладает в каждой стране своей регулятивной спецификой.

Основным аргументом в пользу преимущественно банковского регулирования обычно является соображение финансовой безопасности, – предотвращение системных рисков, позволяющих минимизировать возможность наступления финансовых кризисов. С другой стороны, повышение регулирующей роли рынков ценных бумаг позволяет усилить защиту прав корпоративных инвесторов и в целом повысить эффективность рынков ценных бумаг. Одновременно можно прогнозировать, что контроль над рынками ценных бумаг способствует достижению более широких социальных целей, таких, например, как борьба с организованной преступностью.

Следует отметить, что по названным выше иным причинам отношения между банковским регулированием и регулированием рынка ценных бумаг перешли в разряд актуальных проблем финансовой теории и практики. Особую остроту им придал финансовый кризис в развитых и развивающихся странах. И российской финансовой системы было бы очень важно извлечь урок из знания об истоках такого кризиса, поскольку он возник в банковском секторе, в результате принятия коммерческими банками страны повышенного объема финансовых обязательств. «Особенностями последнего кризиса стало не только сочетание спада в реальном секторе и кризиса финансового сектора, но и использование нетрадиционных антикризисных мер в различных странах. Несомненно, опыт преодоления кризиса 2008-2009 годов будет привлекать внимание исследователей еще длительное время, а даваемые оценки, скорее всего, будут изменяться в зависимости от дальнейшего хода экономической истории» (Алексашенко, Мирошниченко, Смирнов, Чернявский, 2011. С. 23).

Поэтому еще важнее осознать то, что само же внутрибанковское регулирование не смогло предотвратить возникновение кризиса в банковском секторе, перекинувшимся позже на другие сектора финансовой системы, а затем – и на всю экономическую систему страны. Это позволяет утверждать, что в современной финансовой системе следовало бы больше полагаться на финансовые рынки (для привлечения финансовых средств) и не исключать возможности снижения роли коммерческих банков. В литературе отмечается, что «использование Центральными Банками мер нестандартной монетарной политики сделало кредитный канал основным каналом передачи монетарного шока на экономику, поскольку действие большинства мер нестандартной монетарной политики предполагает влияние на экономику именно через него» (Кавицкая, 2012. С. 78).

В этой связи возникает новый важный аспект рассматриваемой проблемы – регулирование рынка ценных бумаг должно быть изменено таким образом, чтобы оно могло охватывать и инструменты предотвращения системных финансовых рисков. Другими словами, можно полагать, что рассмотрение взаимосвязи банковского регулирования и регулирования рынка ценных бумаг свидетельствует о постепенном переходе от «банковского централизма» в национальной финансовой системе к «рыночной вертикали», в основе которых находятся рынки ценных бумаг. Только такой переход становится сегодня гарантом предотвращения системных финансовых кризисов, хотя между ними по прежнему существует своеобразное разделение труда – банковское регулирование направлено на предотвращение системных рисков, в то время как регулирование ценных бумаг – на защиту прав инвесторов и повышение эффективности. На практике это означает необходимость органичного включения коммерческих банков в систему регуляторов рынков ценных бумаг, а вовсе не уход коммерческих банков из финансовой системы.

Конечно, усложнение и изменение зависимости между регулированием банковского сектора и регулированием рынка ценных бумаг не обязательно означает, что переход от банковского рынка к финансовому рынку непосредственно приводит к сокращению системных рисков. Усложнение механизма функционирования финансовых рынков требует участия множества посредников и из других сфер, однако это – исходная организационная мера минимизации системных рисков.

TERRA ECONOMICUS ♦ 2013 ♦ Tom 11 № 1 Часть

ЛИТЕРАТУРА

Алексашенко С., Мирошниченко Д., Смирнов С., Чернявский А. (2011). Опыт других стран: есть чему поучиться. Экономическая политика. № 1. С. 23–54.

Аюрзанайн А.Б. (2010). К вопросу о методологии изучения деятельности финансовых институтов и их роли в обеспечении роста в современной экономике. Экономические науки. № 12(73). С. 84–89.

Аюрзанайн А.Б. (2011). Институциональное доверие как фактор развития финансовых институтов в современной экономике. Экономические науки. № 7(80). С. 40–48.

Кавицкая И.Л. (2012). Институциональные детерминанты эффективной монетарной политики. Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 4. № 4. С. 73–82.

Ржевская Т.Г. (2011). Финансовая система и финансовая политика России в эволюционном аспекте. Экономические науки. № 7(80). С. 163–167.

Среднесрочный прогноз развития финансовой системы России (2010–2015 гг.). (2010). Аналитический доклад. Коллектив авторов под руководством Я.М. Миркина. М.

REFERENCES

Aleksashenko S. Miroshnichenko, D., Smirnov, Chernyavskii A. (2011). The experience of other countries have much to learn. Economic policy. No. 1. P. 23–54. (In Russian).

Ayurzanayn A.B. (2010). On the methodology for the study of financial institutions and their role in the growth in modern economies. *Economic Sciences*. No. 12 (73). P. 84–89. (In Russian).

Ayurzanayn A.B. (2011). Institutional trust as a factor in the development of financial institutions in the current economy. *Economic Sciences*. No. 7 (80). P. 40–48. (In Russian).

Kavitskaya I.L. (2012). Institutional determinants of effective monetary policy. Journal of Institutional Studies (Journal of Institutional Research). T. 4. No. 4. P. 73–82. (In Russian).

Rzhevskaya T.G. (2011). The financial system and financial policy in the Russian evolutionary aspect. Economic Sciences. No. 7 (80). P. 163–167. (In Russian).

The medium-term forecast of the financial system of Russia (2010–2015). (2010). Analytical report. The team of authors led by Ya.M. Mirkina. M. (In Russian).

 $^{\circ}$

ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИОННОГО ПОДХОДА ФРИДРИХА АВГУСТА ФОН ХАЙЕКА

ширяев и.м..

магистр экономики, аспирант, Южный федеральный университет, e-mail: Shiriaev@sfedu.ru

Данная статья посвящена теории культурной эволюции, разработанной Фридрихом Августом фон Хайеком. В статье перечислены сходства и различия между биологической и культурной (общественной) эволюцией. На основе выделенных различий между ламаркизмом и дарвинизмом относительно понимания причин эволюции рассмотрен вопрос, является ли теория культурной эволюции в своей основе дарвинистской или ламаркистской. Проанализированы основные проблемы теории культурной эволюции: использование спорной концепции группового отбора и отрицание законов эволюции. Продемонстрированы отличия группового отбора в интерпретации Ф. Хайека от биологического группового отбора. Уточнено определение законов эволюции в понимании Ф. Хайека. Определены последствия попыток кардинального сознательного вмешательства в ход общественной эволюции.

Ключевые слова: Фридрих Август фон Хайек; культурная эволюция; групповой отбор; законы эволюции.

PRINCIPLES AND PROBLEMS OF FRIEDRICH AUGUST VON HAYEK'S EVOLUTIONARY APPROACH

SHIRYAEV I.M.,

Master of Economics, a graduate student, Southern Federal University, e-mail: Shiriaev@sfedu.ru

The paper is devoted to Friedrich August von Hayek's theory of cultural evolution. This article discusses the similarities and differences between biological and cultural (social) evolution. The author describes the differences between Lamarckism and Darwinism on the understanding of the causes of evolution, and on this basis author considers the question: Hayek's theory of cultural evolution is basically Darwinian or Lamarckian? Main problems with theory of cultural evolution - application of the controversial group selection theory and negation of laws of evolution - have been analyzed. Differences between group selection in accordance with the Hayek's opinion and group selection in biology have been revealed. Hayek's definition of laws of evolution has been clarified. Consequences of attempts at radical deliberate intervention in the course of social evolution have been specified.

Keywords: Friedrich August von Hayek; cultural evolution; group selection; laws of evolution.

JEL classification: B25.

Фридрих Август фон Ф. Хайек является одним из ведущих представителей австрийской школы экономической мысли. Некоторые идеи австрийской школы имеют эволюционный характер; многих представителей данной школы можно считать одновременно и сторонниками эволюционного подхода¹. Но в первую очередь эволюционные идеи австрийской школы связываются с работами Ф. Хайека. В своих поздних работах он часто использовал термин «эволюционный» и создал свою собственную теорию культурной (или общественной) эволюции.

¹ Например, Карла Менгера и Людвига фон Мизеса. См. (Ширяев, 2012a, 2012b).

MOM

Важность изучения эволюционного подхода Ф. Хайека определяется необходимостью выявления причин и механизмов институциональных изменений и оценки эффективности институтов. Его теория культурной эволюции дает ответ на вопрос, каким образом происходят изменения правил, норм и традиций в обществе. Ф. Хайеком была установлена связь эффективности институтов с возможностью их эволюционных изменений. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить фундаментальные принципы теории культурной эволюции Ф. Хайека, а также решить некоторые мешающие развитию данной теории проблемы.

Существует несколько различных интерпретаций исследовательского подхода Ф. Хайека к общественной эволюции. Исследования зарубежных авторов породили споры как относительно ламаркистского или дарвинистского характера его подхода, так и о наличии или отсутствии противоречия между концепцией группового отбора и методологическим индивидуализмом Ф. Хайека. Данные вопросы практически не представлены в отечественной научной литературе.

Эволюционные идеи появляются в поздних работах Ф. Хайека. Замечательный исторический обзор возникновения эволюционного подхода в творчестве Ф. Хайека представлен в статьях Брюса Колдуэлла (Caldwell, 2000, 2001). Б. Колдуэлл отмечает, что «эволюционная концепция» Ф. Хайека впервые появляется с публикацией в 1960 г. его «Конституции свободы», где он использует понятие «общественная эволюция». Б. Колдуэлл выявляет, что большое влияние на создание Ф. Хайеком эволюционной концепции оказало его взаимодействие в 50-х гг. ХХ в. с ученымиестественниками из Университета Чикаго, в том числе с генетиком Сьюэллом Райтом, одним из первых сторонников группового отбора и создателем модели дрейфа генов (Caldwell, 2001). В развитом виде эволюционный подход Ф. Хайека представлен в его работе «Право, законодательство и свобода», где он использует понятие «культурная эволюция». Более того, он признает, что концепция эволюции играет центральную роль в его анализе (Хайек, 2006. С. 41). Дальнейшее развитие теории культурной эволюции представлено в последней крупной работе Ф. Хайека «Пагубная самонадеянность». Некоторые идеи данной работы возникли в результате контактов в начале 80-х годов ХХ века Ф. Хайека с Карлом Раймундом Поппером (Caldwell, 2000) — одним из разработчиков эволюционной эпистемологии. В «Пагубной самонадеянности» целью Ф. Хайека является развитие эволюционной этики (Хайек, 1992), которая должна стать дополняющей, но значительно отличающейся от далеко продвинувшейся в своем развитии эволюционной эпистемологии.

Эволюционные концепции Ф. Хайека тесно связаны с его субъективизмом и методологическим индивидуализмом, а также идеями о большом значении свободы, частной собственности и рынков для современного экономического развития. Данные идеи были развиты Ф. Хайеком для критики и опровержения социалистических и других конструктивистских теорий.

Спор интерпретаторов идей Ф. Хайека относительно того является ли его подход к общественной эволюции дарвинистским или ламаркистским возникает, по-видимому, из-за неопределенности того, что понимают под дарвинизмом и ламаркизмом в экономической теории. Данные подходы различаются взглядами на факторы, или причины, эволюции. Кратко данное различие можно описать следующим образом. В соответствии с общепринятыми представлениями, ламаркистский подход объясняет эволюцию стремлением к совершенству, прямым приспособлением к условиям внешней среды (путем изменения под влиянием действий сообразно новым потребностям и привычкам) и наследованием приобретенных изменений (Ширяев, 2009. С. 23). Дарвинистский подход основывается на принципах изменчивости, отбора и наследственности. Мутации (это, как правило, случайные генетические изменения), создают разнообразие. В результате различных форм борьбы естественный отбор уничтожает неприспособленных, или точнее, препятствует их размножению. Приспособленные субъекты дают потомство, обладающее схожими с ними чертами, таким образом, сохраняется результат изменений. «Первоначальный дарвинизм был усовершенствован в рамках синтетической теории эволюции путем объединения с идеями генетики: потомки имеют гены, унаследованные от родителей» (Ширяев, 2009. С. 23). Таким образом, в отличие от ламаркизма, дарвинизм не признает наличия «целей эволюции», а также, за редкими исключениями, наследования изменений, приобретенных организмами в ходе индивидуального развития.

Недостаточно четкое представление о сущности ламаркизма и дарвинизма, а также отождествление дарвинизма и идей самого Чарльза Дарвина (что является неверным²) привели интерпретаторов эволюционного подхода Ф. Хайека к путанице.

Статья Элиаса Халила «Дарвинистская теория эволюции институтов Фридриха Хайека: две проблемы» (*Khalil, 1996*) является редким примером интерпретации Ф. Хайека как сторонника дарвинизма. Автор утверждает, что Ф. Хайек разработал дарвинистскую теорию эволюции институтов.

Согласно Алену Марчиано, «Хайек отвергает Дарвина и дарвинизм, потому что он считает, что общественная эволюция и биологическая эволюция не связаны одинаковым механизмом. У Хайека, общественная эволюция основывается на передаче приобретенных признаков, в то время как биологическая – не предполагает такой передачи» (Marciano, 2009). При этом А. Марчиано стремится показать, что теорию культурной эволюции Ф. Хайека можно считать дарвинистской, если под дарвинизмом понимать подход Ч. Дарвина к общественной эволюции.

Томас Мармефельт считает подход Ф. Хайека ламаркистским (Marmefelt, 2009), поскольку в его подходе важную роль в общественной эволюции играет обучение, представляющее собой ламаркистский механизм наследования. Однако Т. Мармефельт признает, что Ф. Хайек отрицал наличие законов эволюции, признаваемых в ламаркистском подходе.

² По мнению Дж. Ходжсона, сам Ч. Дарвин не был дарвинистом, так как неоднократно рассматривал возможность наследования приобретенных признаков. См. (*Hodgson*, 2001).

Ясность в данный вопрос можно внести, если признать, что теория общественной (или культурной) эволюции Ф. Хайека включает в себя элементы как ламаркистского, так и дарвинистского подхода. Данная особенность подхода Ф. Хайека проявляется в результате противопоставления им биологической и культурной эволюции. В первую очередь он выделяет различия между этими видами эволюции:

- 1) развитие культуры основано на наследовании не врожденных, а приобретенных признаков в виде правил, регулирующих взаимоотношения индивидов;
- 2) культурная эволюция осуществляется через передачу навыков и информации не только от биологических родителей индивида, но и от огромного числа его предков;
 - 3) культурная эволюция развивается значительно быстрее, чем биологическая;
 - 4) «культурная эволюция проявляется в основном в групповом отборе» (Хайек, 1992).
 - Но затем Φ . Хайек признает и сходства между биологической и культурной эволюцией:
- 1) любая эволюция, будь то культурная или биологическая, представляет собой процесс непрерывного приспособления к случайным обстоятельствам, к непредвиденным событиям, которые невозможно предсказать;
- 2) ни в биологической, ни в культурной эволюции нет ничего похожего на «законы эволюции» или «незыблемые законы исторического развития» т. е. законы, определяющие стадии или этапы эволюции и позволяющие предсказывать будущее развитие;
- 3) оба вида эволюции «опираются на один и тот же принцип отбора принцип выживания, или репродуктивного преимущества» (Хайек, 1992).

Из анализа различий между биологической и культурной эволюцией, которые выделяет Ф. Хайек, можно сделать вывод о близости его подхода к ламаркизму: культурная эволюция основана на наследовании приобретенных признаков. Именно с этой позиции Ф. Хайек критиковал так называемый «социальный дарвинизм», утверждая, что ошибка данного учения заключается в сосредоточенности на естественном отборе индивидов, а не институтов, и на передаче врожденных, а не приобретенных культурных особенностей индивидов (Хайек, 2006. С. 42). Выделяемые Ф. Хайеком сходства биологической и культурной эволюции, напротив, показывают близость его идей к дарвинизму и их отличие от ламаркизма. Он подчеркивал отсутствие телеологической направленности эволюции (у эволюции нет цели), и в своей теории отбора групп основывался на действии механизма отбора, а не механизма стремления к совершенству.

Механизм отбора в теории культурной эволюции Ф. Хайека также является объектом критики и споров его интерпретаторов и последователей. Согласно Ф. Хайеку, «культурная эволюция проявляется в основном в групповом отборе» (Хайек, 1992). Большая часть институтов не является объектом выбора действующих индивидов, но результатом некоторого механизма отбора, в соответствии с которым некоторые крайне неудачные институты исчезают, а другие – более успешные – напротив, получают широкое распространение. Эта успешность институтов определяется тем, насколько велика и сильна группа индивидов, которые следуют этим институтам. Группы, придерживающиеся эффективных институтов, процветают и увеличивают свою численность. Группы, придерживающиеся неэффективных институтов, страдают от бедности и сокращаются в результате перехода их членов в другие группы либо просто вымирают от низкой рождаемости или высокой смертности. С исчезновением группы исчезают и институты, которым следовали члены группы. Группы индивидов выступают непосредственным объектом отбора в ходе культурной эволюции, а институты, которых они придерживаются, являются опосредованным объектом отбора.

Общественный порядок, согласно Ф. Хайеку, является в основном результатом действия эволюционных процессов, а не результатом конструирования институтов. Институты, возникшие либо случайно, либо сконструированные кем-либо для некоторой цели, «сохраняются благодаря тому, что группа, в которой они закрепились, получает превосходство над другими» (Хайек, 2006. С. 28). Большое значение для культурной эволюции имеет конкуренция между группами. Данная конкуренция, как правило, проходит в мирной форме. Ф. Хайек подчеркивает, что когда он говорит о «группах, получающих преобладание над другими», «это не обязательно означает победу в вооруженном столкновении или даже вытеснение членами такой группы отдельных членов в других группах. Намного вероятнее, что успех группы привлечет посторонних, которые вольются в нее и станут своими» (Хайек, 2006. С. 526). В качестве примера действия группового отбора Ф. Хайек рассматривает распространение институтов рыночной экономики. Правила рыночного порядка распространялись не потому что люди сознавали их большую эффективность или предполагали, что они приведут к росту населения, а просто потому что придерживавшиеся их группы успешнее воспроизводились и включали в свой состав чужаков (Хайек, 1992).

Отбор в культурной эволюции, основанный на конкуренции групп индивидов, был назван Ф. Хайеком групповым отбором (Хайек, 2006. С. 494) по аналогии с довольно схожим понятием группового отбора в биологии. Проблема с данной аналогией состоит в том, что концепция группового отбора в биологии в основном признана ложной (Соупе, 2012): теория группового отбора является более запутанной и сложной и не объясняет ничего того, чего не могла бы объяснить теория родственного отбора. Более того, концепция группового отбора в биологии входит в противоречие с индивидуалистическим подходом Ф. Хайека, так как объясняет успех групп альтруистическим поведением их членов и стремится «объяснить появление индивидуального поведения, выгодного для группы и вредного для индивида» (Апdreozzi, 2005). Лучано Андреоззи стремится оправдать Ф. Хайека: во-первых, Ф. Хайек рассматривал специфический вид группового отбора, в котором альтруизм не играет никакой роли, и, во-вторых, теория культурной эволюции Ф. Хайека сформировалась в основном в 60-х гг. ХХ в., когда аргументы группового отбора были приемлемы в биологии (Andreozzi, 2005). Необходимо отметить, что Ф. Хайек был в курсе споров о том, действует

ли механизм группового отбора в ходе биологической эволюции, но продолжал считать, что его выводы не зависят от результатов решения этого вопроса (*Хайек, 1992*) и групповой отбор применим по крайней мере к культурной эволюции.

Можно выделить несколько важных отличий концепции группового отбора Ф. Хайека от биологического группового отбора. Если в биологии групповой отбор ведет к тому, что отбираются индивиды, действующие в интересах группы, то в обществе отбираются группы, действующие более эффективно. Группа в биологическом групповом отборе и группа в групповом отборе в интерпретации Ф. Хайека различаются тем, что формируются в соответствии с различными принципами. В биологическом групповом отборе принадлежность индивида к группе жестко задана его генами, в теории культурной эволюции, напротив, нет такого ограничения, и индивиды могут переходить из одной группы в другую. Хотя подобный переход должен быть достаточно трудным для индивида, он имеет большое значение для отбора групп в теории культурной эволюции. Именно переход индивидов в некоторую группу свидетельствует о ее успехе.

Ф. Хайек отрицал существование так называемых «законов эволюции» общества. Его «вера в эволюционный отбор не имеет ничего общего с верой в законы эволюции» (Хайек, 2006. С. 601). При буквальном понимании такого утверждения возникает проблема: если мы изучаем эволюцию общества с позиции науки, то значит, мы ищем некоторые закономерности в данном процессе, которые и следовало бы назвать законами эволюции общества, а если их не существует в реальности, то наши исследования не имеют смысла. Даже сам Ф. Хайек выявил некоторые эмпирические закономерности общественной эволюции, например, взаимосвязь уровня свободы и скорости эволюции правил (чем выше уровень свободы, тем быстрее могут меняться правила), возникновение у людей культурных традиций, аналогичных по своему смыслу высокоритуализованным формам поведения некоторых видов животных (собственность в человеческом обществе является аналогом территориального поведения некоторых животных (Хайек, 2006. С. 94)). Решением данной проблемы является уточнение того, что понимал Ф. Хайек под законами эволюции. В его интерпретации законы эволюции – это не любые значимые закономерности, причинно-следственные связи явлений в ходе культурной эволюции, а закономерности, определяющие направление и темп будущей культурной эволюции на основе прошлых событий и положения дел в настоящее время. Такие законы должны были бы давать возможность предсказывать результат культурной эволюции в каждом конкретном случае, а не просто утверждать, что эволюционный процесс необратим, или его невозможно остановить. Представляется очевидным, что подобные законы, предсказывающие результаты эволюции, не будут открыты никогда, так как «результат процессов отбора всегда зависит от непредвиденных обстоятельств» (Хайек, 2006. С. 601). «Эволюционная теория в принципе не может позволить нам рационально прогнозировать и контролировать будущую эволюцию» (Хайек, 1992). Однако это не снижает ценности эволюционной теории (Вольчик, 2007. С. 109). Теория культурной эволюции доказывает пагубность попыток кардинального сознательного вмешательства в ход общественной эволюции. Конкретные результаты подобного вмешательства трудно предсказуемы, но скорее всего сконструированные институты приведут в расстройство общественное сотрудничество и станут причиной экономического упадка. Для успешного развития в обществе должны происходить постепенные, частичные изменения существующих институтов. Данные изменения не должны навязываться правительством: «развивающееся общество движется вперед не идеями правительства, но открытием новых путей и методов в процессе проб и ошибок, иногда весьма болезненных» (Хайек, 2006. С. 462).

Таким образом, культурная эволюция в подходе Ф. Хайека представляет собой изменение норм, правил и традиций, существующих в обществе. Данные изменения являются результатом конкуренции и отбора групп индивидов, которые придерживаются различных норм, правил и традиций, т. е. следуют различным институтам. Группы, которые придерживаются эффективных институтов, со временем усиливаются и увеличивают свою численность, а институты, которых они придерживались, получают все большее распространение. Отдельный индивид может в некоторой степени отклоняться от принятых в обществе и его группе норм и правил, не следовать некоторым традициям. Если он в своей деятельности достигает успеха, и не подвергается санкциям со стороны других индивидов, то он может стать примером для других членов его группы, и запустить процесс изменения существующих норм, правил и традиций. Процесс общественной эволюции зависит от множества непредвидимых обстоятельств; невозможно заранее предсказать конкретные результаты институциональных изменений. В отличие от конструктивистов, Ф. Хайек считал, что в этом заключается основное преимущество эволюционных процессов. По его словам, «эволюция традиции сделала возможной цивилизацию, ... стихийная эволюция есть необходимое, если не достаточное, условие прогресса» (Хайек, 2006. С. 490). Попытки кардинального вмешательства в ход общественной эволюции, как например, построение социализма, не способны улучшить ситуацию, но способны разрушить порядок в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Вольчик В.В. (2007). «Затерянный мир» австрийской экономической теории. Экономический вестник Ростовского государственного университета, т. 5, № 3, с. 101–110.

Хайек Φ .А. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости.

Xайек Φ .A. (2006). Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. M.: ИРИСЭН.

Ширяев И.М. (2009). Компаративистский анализ эволюции экономических институтов донского региона в XIX – начале XX века. *Выпускная работа бакалавра*. Ростов-на-Дону.

Ширяев И.М. (2012а). Методология исследования экономической эволюции в работах Людвига фон Мизеса. *TERRA ECONOMICUS*, т. 10, № 4, ч. 2, с. 33-35.

Ширяев И.М. (2012b). Эволюционный подход в австрийской школе экономической мысли на примере теории денег К. Менгера. Материалы Всероссийской молодежной конференции «Развитие студенческих научных обществ и молодежных инновационных центров для решения задач регионального социально-экономического развития». Ростов-на-Дону: Издательство Южного университета, с. 191-193.

Andreozzi L. (2005). Hayek Reads the Literature on the Emergence of Norms. Constitutional Political Economy, vol. 16, iss. 3, pp. 227-247.

Caldwell B. (2000). The Emergence of Hayek's Ideas on Cultural Evolution. Review of Austrian Economics, vol. 13, pp. 5-22. Caldwell B. (2001). Hodgson on Hayek: a critique. Cambridge Journal of Economics, vol. 25, pp. 539-553.

Coyne J.A. (2012). The demise of group selection. Доступно на: http://whyevolutionistrue.wordpress.com/2012/06/24/the-demise-of-group-selection/

Hodgson G.M. (2001). Is Social Evolution Lamarckian or Darwinian? Darwinism and Evolutionary Economics. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 87-118.

Khalil E.L. (1996). Friedrich Hayek's Darwinian theory of evolution of institutions: Two problems. Australian Economic Papers, vol. 35, pp. 183-201.

Marciano A. (2009). Why Hayek is a Darwinian (after all)? Hayek and Darwin on social evolution. Journal of Economic Behavior and Organization, vol. 71, iss. 1, pp. 52-61.

Marmefelt Th. (2009). Human Knowledge, Rules, and the Spontaneous Evolution of Society in the Social Thought of Darwin, Hayek, and Boulding. *Journal of Economic Behavior and Organization*. vol. 71, iss. 1, pp. 62-74.

REFERENCES

Volchik V.V. (2007). «The lost world» of the Austrian economic theory. Economic Herald of Rostov State University, vol. 5, No. 3, pp. 101-110. (In Russian).

Hayek F.A. (1992). The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. Moscow: Novosti. (In Russian).

Hayek F.A. (2006). Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy. Moscow: IRISEN. (In Russian).

Shiriaev I.M. (2009). Comparative Analysis of the evolution of economic institutions of the Don region in the XIX – early XX century. Bachelor graduation work. Rostov-on-Don. (In Russian).

Shiriaev I.M. (2012a). The methodology of the economic evolution study in the works of Ludwig von Mises. TERRA ECONOMICUS, vol. 10, No. 4, part 2, pp. 33-35. (In Russian).

Shiriaev I.M. (2012b). Evolutionary approach of the Austrian school of economic thought: the example of the C. Menger's theory of money. Proceedings of the all-Russian youth conference «The development of students' scientific societies and youth innovation centers to problem of regional social and economic development solving». Rostov-on-Don: Southern University Publ., pp. 191-193. (In Russian).

Andreozzi L. (2005). Hayek Reads the Literature on the Emergence of Norms. Constitutional Political Economy, vol. 16, iss. 3, pp. 227-247.

Caldwell B. (2000). The Emergence of Hayek's Ideas on Cultural Evolution. Review of Austrian Economics, vol. 13, pp. 5-22.

Caldwell B. (2001). Hodgson on Hayek: a critique. Cambridge Journal of Economics, vol. 25, pp. 539-553.

 ${\it Coyne J.A.}~(2012). The demise of group selection. Available at: http://whyevolutionistrue.wordpress.com/2012/06/24/the-demise-of-group-selection/$

Hodgson G.M. (2001). Is Social Evolution Lamarckian or Darwinian? Darwinism and Evolutionary Economics. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 87-118.

Khalil E.L. (1996). Friedrich Hayek's Darwinian theory of evolution of institutions: Two problems. Australian Economic Papers, vol. 35, pp. 183-201.

Marciano A. (2009). Why Hayek is a Darwinian (after all)? Hayek and Darwin on social evolution. Journal of Economic Behavior and Organization, vol. 71, iss. 1, pp. 52-61.

Marmefelt Th. (2009). Human Knowledge, Rules, and the Spontaneous Evolution of Society in the Social Thought of Darwin, Hayek, and Boulding. Journal of Economic Behavior and Organization. vol. 71, iss. 1, pp. 62-74.

МИРОВОЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

хачатурян н.с.,

аспирант кафедры мировой экономики и международных отношений, Южный федеральный университет, e-mail: narine711@qmail.com

На современном этапе развития общества многие государства, вне зависимости от уровня экономического развития и рыночной ситуации, апеллируют к необходимости установления государственно-частного партнерства. Прежде всего сотрудничество возникает в тех сферах, за которые государство традиционно несет ответственность — это объекты общего пользования (транспортная, коммунальная, социальная инфраструктура, жилищно-коммунальное хозяйство и др.).

Бурное развитие многообразных форм государственно-частного партнерства (ГЧП) во всех регионах мира, их широкое распространение в самых разных отраслях экономики позволяют трактовать эту форму взаимодействия государства и бизнеса как характерную черту современной экономики. Развивающееся партнерство, в отличие от традиционных административных отношений, создает свои отношения собственности и методы управления ею. Проекты ГЧП представляют собой особую конфигурацию интересов и взаимодействий партнеров.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; государство; частный бизнес; социальная инфраструктура; общественный сектор.

WORLD EXPERIENCE IN CREATING EFFECTIVE MECHANISMS OF INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT AND BUSINESS IN PRESENT CONDITIONS

KHACHATURIAN N.S.,

Graduate student, Department of World Economy and International Relations,
Southern Federal University,
e-mail: narine711@gmail.com

At the present stage of development of society many countries, regardless of level of economic development and a market situation, appeal to need of establishment of public-private partnership. First of all, cooperation arises in those spheres for which the government traditionally bears responsibility are public objects (transport, municipal, social infrastructure, housing and communal services, etc.).

Rapid development of diverse forms of the public-private partnership (PPP) in all regions of the world, their wide circulation in the most different branches of economy allow to treat this form of interaction of the state and business as characteristic feature of modern economy. The developing partnership, unlike the traditional administrative relations, creates the relations of property and methods of control over it. The PPP projects represent a special configuration of interests and interactions of partners.

Keywords: public-private partnership; government; private business; social infrastructure; public sector.

JEL classification: F21, F23, G38.

В начале 1980 гг. появилась особая форма отношений между государством и частным сектором. Как правило, эти отношения складывались и развивались в сфере производственной и социальной инфраструктуры. Это касалось автомобильных и железных дорог, аэропортов, морских портов, энергетических сетей, коммунального хозяйства, телекоммуникаций, объектов образования, здравоохранения и культуры. Сложные формы организации хозяйства и в современных условиях диктуют необходимость государственного участия. Вместе с тем институциональная среда (нормативно-правовая база, система управления, механизмы регулирования и т.д.), в условиях которой функционирует государственно-частное партнерство в течение последних лет, представляет собой новую ступень в развитии взаимоотношений государства и бизнеса.

ГЧП формируется в виде системы отношений субъектов предпринимательской деятельности в определенной институциональной среде и распространяется на широкий спектр отраслей и видов производства товаров и услуг.

Вместе с тем, понятия «смешанная экономика» и «государственно-частное партнерство» далеко не тождественны. Справедливо замечание М.В. Клиновой о том, что не всякое взаимодействие государства и частного капитала в смешанной экономике можно отнести к категории ГЧП, а лишь такое, когда бизнес по поручению и при поддержке государства выполняет функции, которые раньше возлагались на последнее, когда рыночные начала внедряются в традиционную сферу активности государства, в том числе в инфраструктуру (Клинова, 2009, С. 89–90).

Сложные формы организации и ведения современного хозяйства невозможны без государственного регулирования экономики, отдельных отраслей и деятельности компаний.

Одна из регулирующих функций государства состоит в создании политических, экономических и правовых условий для субъектов предпринимательской деятельности при реализации ими конкретных проектов. В то же время необходимо разграничить ГЧП и другие инструменты государственного регулирования.

В каждой стране существует разветвленная система общественного сектора, в рамках которой функционируют государственно-частные партнерства. Масштабы этого сектора в той или иной стране периодически меняются, что определяется приоритетами экономической политики, фазой хозяйственного развития, внешнеэкономическими условиями и другими факторами. Роль государства может ослабляться в одних и усиливаться в других направлениях. В контексте теории общественного сектора государственно-частное партнерство призвано решать задачи экономического развития, совершенствования производственной инфраструктуры, ликвидации и смягчения провалов рынка.

По мнению специалистов, в теоретическом смысле государственно-частное партнерство выгодно всем: государству, бизнесу, обществу. Заинтересованность государства в ГЧП связана с тем, что, во-первых, оно перекладывает на бизнес бремя расходов по инвестированию и содержанию своего имущества в надежде на то, что таким образом удастся повысить эффективность его функционирования. Во-вторых, посредством ГЧП государство отказывается от неэффективных форм ведения хозяйства, освобождается от ряда экономических функций (строительства, эксплуатации, ремонта и пр.), которые частные компании выполняют более качественно. В-третьих, прибегнув к ГЧП, государство отчасти смягчает остроту социально- экономических проблем (Варнавский, 2011. С. 44).

Специалисты определяют интерес частного бизнеса в проектах ГЧП, прежде всего в том, что частная компания получает в долговременное владение государственные активы, часто на льготных условиях. В рамках долгосрочного контракта с государством она располагает гарантированным рынком сбыта своей продукции. Далее, осуществляя инвестиции, частная компания имеет высокие гарантии их возврата, поскольку государство, как ее партнер, разделяет риски по обеспечению минимального уровня рентабельности. В отдельных случаях, например в сфере ЖКХ, государство идет на то, чтобы доплачивать из бюджета частному оператору при условии повышения им качества коммунального обслуживания. И, наконец, частные компании, обладая хозяйственной свободой, могут повышать доходность своего бизнеса за счет опыта, знаний, ноу-хау, инвестиций при минимизации рисков предпринимательской деятельности.

Как свидетельствует мировой опыт ГЧП, мера конкретного участия государства и частного бизнеса и условия их сочетания могут существенно различаться. Статистические данные по осуществленным проектам ГЧП в мировой экономике фрагментарны. Многочисленными зарубежными исследовательскими центрами приводятся разные оценки масштабов ГЧП в различных странах. Наиболее системно информация по проектам реализуемым в развивающихся странах представлена Всемирным банком. По оценкам Всемирного банка, в 1990–2009 гг. там выполнялось более 4,5 тыс. проектов ГЧП с объемом привлеченных инвестиций 1,5 трлн долл. (Варнавский, 2011. С. 41).

Потребность в образовании ГЧП возникает, как правило, при наличии проблем в области реализации задач, традиционно считающихся прерогативой государства. Создание ГЧП предполагает, что инициатором сотрудничества является государство, которое приглашает частных инвесторов принять участие в реализации общественно-значимых проектов. Однако инициатива бизнеса в сфере разработки, строительства, финансирования и работы объектов общественной инфраструктуры или общественных услуг также приветствуется. Условие в таком случае выдвигается одно: предложения должны соответствовать требованиям, выдвинутым государством.

Преимущественная отрасль, которая выбирается для привлечения в нее инвестиций с помощью ГЧП, зависит от социальноэкономического уровня развития страны и реализуемой политики государства. Во всем мире преобладает использование ГЧП при реализации инфраструктурных проектов в транспортной сфере. Чем выше уровень производительности труда, уровень потребления ВВП на душу населения, уровень социальной защиты, качество медицинского обслуживания и образования, средняя продолжительность жизни, тем чаще используется ГЧП в таких отраслях, как здравоохранение и образование (Лохтина, Батуев, 2010).

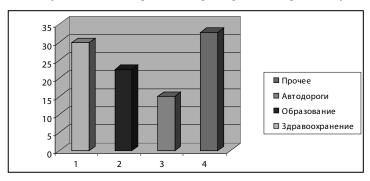

Рис. 1. Структура ГЧП – проектов по отраслям в развитых странах (Лохтина, Батуев, 2010).

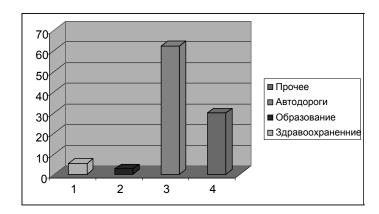

Рис. 2. Структура ГЧП – проектов по отраслям в странах с переходной экономикой (Лохтина, Батуев, 2010).

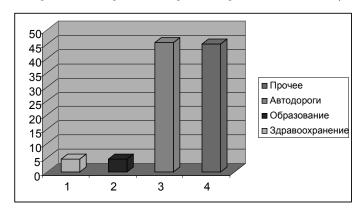

Рис. 3. Структура ГЧП – проектов по отраслям в развивающихся странах (Лохтина, Батуев, 2010).

Анализ проектов ГЧП в странах с разным уровнем развития экономики показал, что здравоохранение стоит на первом месте только в странах «Большой семерки» (184 из 615 проектов, или 29,92%). (Кузнецов, 2012. С. 196). В развивающихся странах отрасли здравоохранения и образования не являются приоритетными в сравнении с отраслями, связанными со строительством и реконструкцией автодорог. Проекты в других, не менее важных, но менее приоритетных отраслях (ЖКХ, оборона, тюрьмы, развлечения, туризм, железнодорожный и трубопроводный транспорт и пр.) в большинстве стран занимают в структуре ГЧП от 30 до 45% (Рожкова, 2008).

Структура наиболее часто задействованных направлений по отраслям также различается по странам, ориентируясь на конкретные существующие проблемы. Так, в здравоохранении из 91 проектов 76 посвящены предотвращению инфекционных заболеваний, таких как СПИД, туберкулез и малярия; 4 — вопросам репродуктивного здоровья, 3 — пищевым дефицитам, тогда как меньшинство сосредотачивается на других проблемах (политика и исследования в области здравоохранения, химическая безопасность, слепота и катаракта и др.)

Для выделения приоритетных направлений деятельности развития ГЧП специалисты выделяют ряд факторов (табл. 1). По мнению В.Г. Варнавского, А.В. Клименко, В.А. Королева, развитие ГЧП определяется несколькими основными факторами, которые влияют на расширение масштабов и форм взаимодействия государства и бизнеса. Во-первых, ГЧП является одним из механизмов смешанной экономики, который позволяет развивать отношения бизнеса и государства. Во-вторых, ГЧП вовлекает ресурсы частного сектора в процессы воспроизводства в отраслях и сферах, находящихся в собственности государства и местных органов власти, а также использует частную предпринимательскую инициативу для повышения эффективности расходования бюджетных средств. В-третьих, объединение усилий и ресурсов бизнеса и государства в рамках конкретных проектов формирует их дополнительные конкурентные преимущества (Варнавский, Клименко, Королев, 2010).

Например, М.А. Дерябина выделяет следующие приоритетные направления действий государства при формировании партнерских отношений с частным сектором (Дерябина, 2011). Прежде всего, это выработка стратегии и принципов взаимодействия общества и бизнеса и формирование институциональной среды для разработки и реализации партнерских отношений. Далее организация и управление государственно-частным партнерством, и разработка форм, методов и конкретных механизмов реализации совместных проектов.

Обобщение теоретического и практического международного опыта осуществления проектов в сфере государственночастного партнерства подтверждает тезис о том, что с ГЧП связано принципиально новое качество реализации суверенных функций государства. Здесь важны два взаимосвязанных аспекта.

Во-первых, ГЧП способствовало некоему переосмыслению самого содержания суверенных функций государства, публичной стороны властных отношений. Публичные интересы, публично-правовые имущественные отношения претер-

ന

певают явные изменения в сторону сужения, происходящего на основе более глубокого структурирования. Типичный пример – реформирование естественных монополий, в ходе которого естественномонопольное, контролируемое государством ядро отделяется от широкого спектра функций, передаваемых на откуп частному бизнесу. Нельзя не учитывать также и перемен, происходящих в сфере собственно публичных предпочтений общества. С ростом уровня жизни, образовательного и культурного уровня населения изменяется характер реализации традиционных публичных товаров и услуг. Ряд классических публичных благ – образование, здравоохранение, жилищно-коммунальные услуги, культура – население предпочитает полностью или частично оплачивать самостоятельно, т. е. рассматривает их как частные блага. В этой связи суверенитет государства перемещается с проблемы обеспечения общественными благами как таковыми в сторону гарантирования их достаточности и надлежащего качества.

Таблица 1

Факторы развития государственно-частного партнерства¹

Группа факторов	Содержание	
Политические	Стабильность республиканского и местного самоуправления.	
	Ясность стратегии, целей и задач развития региона, отдельных сфер деятельности.	
	Четкое определение компетенции органов управления различного уровня и взаимоотношений между ними.	
	Развитие планирования (программирования) отдельных видов деятельности.	
	Транспаретность всех вопросов инициации, разработки и реализации проекта ГЧП	
Экономические Стабильность экономической ситуации и транспарентность экономической, финансовой и и политики.		
	Развитие финансовых институтов, в т.ч. инвестиционных, венчурных фондов и т.д.	
	Разработка и принятие программ развития определенных видов деятельности с предусмотренным участием предпринимательских структур.	
	Экономическое стимулирование предпринимательских структур к участию в выполнении стратегии, целей и задач развития региона.	
	Конкурентный механизм выбора предпринимательской структуры – партнера ГЧП	
Правовые	Модернизация законодательства, касающегося ГЧП, в соответствии с нормами международной практики.	
	Развитие институтов защиты интересов и прав сторон в ГЧП	

Во-вторых, относительное сокращение сферы традиционных публичных интересов, изменение их структуры и возможное формирование новых требуют ответа на вопрос о том, насколько государство вообще может поступиться частью своего суверенитета в пользу частного бизнеса. В настоящее время в развитых странах под действие публичного права подпадают объекты государственной собственности, публичные службы, природные ресурсы и отдельные виды монопольной деятельности государства. Публично-правовая собственность принадлежит обществу в целом и никому в отдельности. Государство как суверен сохраняет необходимый в каждом конкретном проекте объем властных функций в партнерских отношениях с частным бизнесом.

В качестве публичной стороны партнерских отношений с частным бизнесом государство выполняет определенные задачи. Во-первых, выявление необходимости партнерских соглашений с частными бизнес-структурами в конкретных сферах экономики; во-вторых, выработка предложений и рекомендаций по проектам ГЧП; в-третьих, описание ключевых характеристик проектов с учетом публичных интересов, организация процедур отбора частных партнеров; в-четвертых, подготовка документации для проектов, и заключение соглашений с частными партнерами; (Портал Государственночастное партнерство...) в-пятых, контроль за исполнением соглашений, мониторинг и гарантию реализации публичных интересов в рамках партнерства; в-шестых, анализ выполнения условий соглашения частным партнером; в-седьмых, разработка рекомендаций о продолжении или прекращении договорных отношений с частным партнером.

Государство организует регулирующую деятельность в сфере партнерства с частным бизнесом в трех направлениях. Во-первых, оно разрабатывает принципы и стратегию, на которых действуют отношения бизнеса с обществом в целом и с публичной властью в частности. Во-вторых, формирует институциональную среду для разработки и реализации партнерских проектов. В-третьих, напрямую занимается организацией и управлением государственно-частным партнерством, вырабатывает его формы и методы, а также конкретные механизмы.

Контрольные и регулирующие функции в сфере государственно-частного партнерства от имени государства могут осуществляться либо профильными министерствами и ведомствами, либо специально уполномоченными органами. При этом специальные агентства могут создаваться государством для каждой отрасли экономики, в которой развиваются партнерства, главным образом концессии (например, в Польше созданы соответствующие институциональные структуры отдельно для автомобильных, железных дорог, электроэнергетики, лесного хозяйства и др.).

Современные тенденции развития большинства стран мира свидетельствуют о сохранении значительной роли государства в экономике. Наряду с крупными корпорациями и мощными профсоюзами государство продолжает оставаться активным участником экономических процессов, функции которого не ограничиваются регулированием социальноэкономических отношений. Но в тоже время эволюция роли государства в экономике свидетельствует о том, что характер и методы его участия в экономических процессах постоянно меняются. Можно согласиться с мнением исследователей, что до сих пор у государства преобладали функции компенсации несовершенства рыночного механизма. Реализация

¹ Таблица составлена автором по данным: Варнавский В.Г., Клименко А.В., Королев В.А., 2010.

Часть

многочисленных социально-экономических проектов сопряжена с постоянно растущими ограничениями в бюджетной и финансовой сферах, а также с нарастающими требованиями населения к качеству общественных услуг и инфраструктуре. В этих условиях становится актуальным поиск новых форм и инструментов влияния на экономику, альтернативных прямому регулированию. Одной из новых форм, доказавших свою эффективность как в национальной экономике, так и за рубежом, является система партнерских отношений между государством и частным сектором. Институт партнерства государства и бизнеса формируется в рамках развития эффективной институциональной среды как один из важнейших.

В последние десятилетия в экономике развитых и развивающихся стран складывается совершенно особое взаимодействие государственного и частного секторов, выходящее за рамки патернализма со стороны государства, а также вовлечения бизнеса в решение общественно важных задач. Таким образом, формирование и развитие эффективных механизмов взаимодействия государства и бизнеса в современных экономических и политических условиях является одним из важнейших факторов динамичного и устойчивого развития экономики и роста благосостояния населения.

ЛИТЕРАТУРА

Варнавский В.Г. (2011). Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики. *Мировая экономика и международные отношения*, № 9, С. 41.

Варнавский В.Г., Клименко А.В., Королев В.А. (2010). Государственно-частное партнерство: теория и практика. Учебное пособие. М: Магистр.

Дерябина М.А. (2011). Доклад на секционном ученом совете научного направления «Теория экономики» «Теоретические и практические проблемы государственно-частного партнерства». Сайт Института экономики РАН http://www.inecon.ru, C. 19-20.

Клинова М.В. (2009). Государство и частный капитал в поисках прагматического взаимодействия. *Экономист*, С. 89-90.

Кузнецов И.В. (2012). Зарубежный опыт государственно-частного партнерства (США, Европа, Канада). *Экономические науки*, № 8, С. 196.

Похтина Л.К., Батуев Э.Д. (2010) Понятие и сущность государственно-частного партнерства. Социальные аспекты здоровья населения. Доступно на: http:// vestnik.mednet.ru.

Портал Государственно-частное партнерство в России. Доступно на: http://www.ppp-russia.ru.

Рожкова С. (2008). Анализ мирового опыта использования государственно-частного партнерства в различных отраслях экономики. Рынок ценных бумаг, № 1, С. 352. Доступно на: http://www.rcb.ru.

REFERENCES

Varnavsky V.G. (2011). Public-private partnership: some questions of the theory and practice. World economy and international relations, no. 9, p. 41. (In Russian).

Varnavsky V.G., Klimenko A.V., Korolyev V.A. (2010). Public-private partnership: theory and practice. M: Master. (In Russian). Derjabin M.A. (2011). The report on a section academic council of the scientific direction "Economy Theory" "Theoretical and practical problems of public-private partnership". Site of Institute of economy of the Russian Academy of Sciences. Available at: http://www.inecon.ru, pp. 19-20. (In Russian)

Klinova M.V. (2009). The state and the private capital in search of pragmatical interaction. Economist, pp. 89-90. (In Russian). Kuznetsov I.V. (2012). Foreign experience of public-private partnership (USA, Europe, Canada). Economic sciences, No. 8, p. 196. (In Russian)

Lokhtina L.K., Batuyev E.D. (2010) Concept and essence of public-private partnership. Social aspects of health of the population.

Available at: http:// vestnik.mednet.ru. (In Russian)

Portal Public-private partnership in Russia. Available at: http://www.ppp-russia.ru (In Russian).

Rozhkova S. (2008). The analysis of world experience of use of public-private partnership in various branches of economy. Securities market, No. 1, p. 352. Available at: http://www.rcb.ru (In Russian).

ФОРМИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ КЛАСТЕРАМИ

АНОПЧЕНКО Т.Ю.,

доктор экономических наук, профессор кафедры «Теории и технологий в менеджменте» экономического факультета, Южный федеральный университет, e-mail: tyanopchenco@sfedu.ru;

ШАМАРДИН Д.Н.,

аспирант, Южный федеральный университет, e-mail: shamardyn_dn@list.ru

В статье рассматриваются методы создания производственных кластеров на основе оценке основных подходов к формированию и развитию социально-экономической стратегии региона. Анализ конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: предприятие; кластер; политика; стратегия.

THE FORMATION AND MANAGEMENT OF INDUSTRIAL CLUSTERS

ANOPCHENKO T.Y.,

doctor of Science, professor at the department of «Theories and Technologies in Management» Faculty of Economics,
Southern Federal University,
e-mail: tyanopchenco@sfedu.ru;

SHAMARDIN D.N.,

graduate student, Southern Federal University, e-mail: shamardyn_dn@list.ru

The paper discusses methods for creating industrial clusters based on the assessment of the main approaches to the formation and development of the social, economic strategy in the region. Analysis of competitive advantage.

Keywords: enterprise; cluster policy; strategy.

JEL classification: R10, R11.

Процессы глобализации, усиление конкуренции, развитие информационных технологий, растущая взаимосвязь между рынками капитала и новыми технологиями, масштабный характер создания и использования знаний, технологий, продуктов, услуг, обусловили возникновение кластера как институциональной основы, инновационного развития и повышения конкурентоспособности региона и страны в целом.

В развитых странах кластерная теория и практика начала применяться в начале 1990-х гг. благодаря трудам М. Портера, М. Энрайта, Дж. Даннинга, Р. Мартина.

В отечественной практике применения кластерной теории связано с имена таких ученных, как М.К. Бандман, Н.Н. Колосовский, Н.И. Ларина, И.В. Пилипенко и. др.

По определению профессора гарвардской школы бизнеса М. Портера, «кластер или промышленная группа – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» (Портер, 2005. C. 256).

М. Портер также охарактеризовал признаки кластера, которые позднее экономисты стали называть «правилом четырех «К»»:

- 1. Концентрация предприятий одной или смежных отраслей в одной географической точке.
- 2. Конкурентоспособность выпускаемой ими продукции.
- 3. Конкуренция за завоевание и удержание клиента.
- 4. Кооперация с высокой степенью развитости.

Мировой опыт развитых стран убедительно доказывает как эффективность, так и неизбежную закономерность возникновения разного рода кластеров. В последние 10–15 лет формирование кластеров стало важной частью государственной политики в области регионального развития во многих странах мира. Интегрирующий характер кластерного подхода как инструмента регионального развития, заключается в возможности комплексного решения задач.

Промышленные ассоциации играют важную роль в совершенствовании рынка деловых услуг, оценивая активность всех компаний, специализирующихся в этой сфере деятельности.

В соответствии со спецификой своей деятельности агентства координируют выполнение программ по развитию производственных кластеров, обеспечивают накопление финансовых ресурсов и осуществляют их последующее распределение между исполнительными агентствами.

В роли исполнительных агентств выступают негосударственные организации, частные компании и различные институты, обладающие необходимым опытом создания и развития кластеров.

Развитие кластеров нацелено на создание экономических связей множества взаимодействующих предприятий, охватывающих все процессы от поставки исходных материалов до производства товаров и услуг с последующим их продвижением к конечному потребителю. Все эти процессы, при создании кластера инициируются «Исполнительными агентствами», которые осуществляют непосредственные связи с поставщиками материалов и оборудования, с производителями, с посредниками в сфере продаж и т. д.

Процесс создания и развития таких кластеров состоит из нескольких этапов, общая длительность которых составляет не менее 3-х лет.

В центре программы создания кластеров стоит задача развития человеческих ресурсов, которые будут самой активной частью социально-экономических преобразований. Решение организационных, финансовых, технических, производственных и социально-экономических проблем в процессе формирования кластеров требует применения различных методических подходов на каждом этапе создания и развития кластера.

Опыт различных стран свидетельствует об отсутствии единых унифицированных механизмов по созданию, развитию и стимулированию кластеров. Поэтому для реализации вектора модернизации региональной экономики на базе кластерных принципов необходимо разработка обоснованной кластерной политики, включающий детальный механизм формирования и государственной поддержки кластеров применительно к российским условиям (Лаврикова. 2008. С. 232).

Центральным этапом формирования кластерной политики является разработка кластерной стратегии, которая, в соответствии с принципом многоуровневости формирования, должна разрабатываться на уровне государства (национальная), на местном (региональная) и на уровне субъектов кластеров (микроуровень). Исходя из обозначенного системного подхода, кумулятивного характера процесса кластеризации, а также роли кластеров в повышении конкурентоспособности экономических систем, региональная кластерная стратегия должна быть составной частью стратегии социально-экономического развития региона.

Эффективное функционирование кластера на каждой стадии своего жизненного цикла предполагает формирование адекватной особенностям конкретной стадии стратегии развития (*Клейнер, Качалова, Нагрудная, 2008. С. 9-39*).

В работе Н.С. Григорьевой выделены следующие стадии жизненного цикла экономического кластера (*Григорьева, 2012. С. 85-92*):

- 1. Зарождение кластера.
- 2. Рост и развитие кластера.
- 3. Стабилизация и зрелость кластера.
- 4. Фаза бифуркации.

Особенность стадии зарождения состоит в агломерации хозяйствующих субъектов в кластер, интенсивной кооперации компаний относительно вида деятельности, позволяющей реализовать совокупный потенциал и преимущества.

Стадия роста (развития) кластера характеризуется становлением эффективного взаимодействия между участниками кластера, вовлечением новых участников смежной или взаимосвязанной деятельности в рамках региона, активизацией формальных и неформальных институтов, обеспечивающих поддержку сотрудничества. На этой стадии проявляются эффекты от создания кластера как для отдельно взятой структуры и составляющих ее субъектов, так и для региона в целом.

Стадия зрелости кластера характеризуется полным развитием внутренних и внешних связей участников кластера, возникновением институциональных координирующих органов. Формируются научно-исследовательские и образовательные институты, разрабатывающие технологии и готовящие кадры для нужд кластера.

Фаза бифуркации определяется техническими, структурными, технологическими и другими сдвигами, вслед за которыми происходит модификация кластера. На основе обобщения результатов анализа стадий жизненного цикла кластера (*Григорьева, 2012; Лаврикова, 2008; Портер, 2005*) представим краткую характеристику стадий жизненного цикла кластера в табл.1.

Таблица 1

Характеристика стадий жизненного цикла кластера

Стадия жизненного цикла	Характеристика		
Зарождение	Появление системообразующей бизнес-идеи (базовая технология и наличие перспектив ее коммерциализации). Формирование связей между элементами потенциального кластера. Небольшое количество участников кластера. Слабый уровень разделения труда. Низкий уровень экономического потенциала. Приоритетные направления государственного регулирования: развитие инфраструктуры; финансирование инновационных проектов		
Рост	Формирование устойчивых связей между элементами кластера. Углубления степени разделения труда. Увеличение количества и разнообразия участников кластера, укрупнение фирм. Рост экономического потенциала кластера. Приоритетные направления государственного регулирования: формирование платежеспособного спроса на продукция кластера; внешнеторговая стратегия, ориентированная на увеличение экспорта		
3релость	Достижение хозяйствующими субъектами масштабов деятельности, достаточных для самостоятельного функционирования и максимизации синергетического эффекта от взаимодействия внутри кластера. Высокий уровень разделения труда. Большое количество участников кластера, наличие крупных фирм. Высокий уровень экономического потенциала кластера. Приоритетные направления: формирование платежеспособного спроса на продукция кластера; внешнеторговая стратегия, ориентированная на увеличение экспорта		
Бифуркация	Стадия характеризуется раздвоением возможной траектории дальнейшего развития: в направлении спада активности кластера либо его дальнейшего роста на качественно новом уровне		

В литературе (Клейнер, Качалова, Нагрудная, 2008. С. 9-39) выделяют следующие типы кластерных стратегий:

- объектная;
- процессная;
- проектная;
- средовая.

На стадии зарождения кластера основную роль играет проектная стратегия кластера. Вовлечение участников в состав кластера облегчается, если существует достаточно крупный проект, носящий, с одной стороны, стратегический характер для дальнейшего функционирования кластера, с другой, — предполагающих участие потенциальных организаций — участников в обеспечении ресурсами данного проекта и в получении выгод от его реализации.

На начальной стадии роста кластера главную роль играет процессная стратегия кластера, отражающая планируемые к реализации в рамках кластера сквозные бизнес — процессы. Они должны затрагивать по возможности значительную долю участников кластера, вовлечь их в «повседневную», циклическую жизнь кластера в целом и стать связующим звеном для участников кластера.

На конечной стадии роста кластера основная роль принадлежит объектной стратегии. Эта стратегия формируется на базе объектных стратегий участников, что предполагает достаточно высокий уровень их менеджмента, а также достаточно высокую степень взаимного доверия участников, готовность к раскрытию стратегической информации. Кроме того, создание такой стратегии невозможно без готовности участников к достижению договорного компромисса.

На этапе зрелости кластера особую роль в его устойчивости играет средовая стратегия. Ее задача – формирование внутрикластерной среды, прежде всего – институциональной среды, т.е. формальных и неформальных норм, правил, регламентирующих поведение и взаимоотношение участников кластера.

Стратегия кластера, таким образом, должна развиваться вместе с кластером и проходить стадии жизненно цикла синхронно. Распределение указанных видов стратегий по стадиям жизненно цикла кластера не означает, что на любом их них не могут формироваться, обсуждаться и реализовываться стратегии других видов. В условиях стабильного состава кластеров на самых первых этапах его функционирования может разрабатываться комплексная стратегия, включающая в себя все четыре типа стратегии. Общая стратегия такова, что стратегия возрастает по мере развития кластера (Клейнер, Качалова, Нагрудная, 2008. С. 9-39).

Реализация проектов создания новых кластеров является весьма дорогостоящим мероприятием, особенно в случаях большой разобщенности среди предприятий, намеренных идти по пути объединения в кластер. Наибольшие финансовые расходы и затраты времени связаны с формированием условий для развития отношений доверия и взаимодействия, с реализацией планов развития кластеров и с контролем их исполнения.

Создание атмосферы доверия и взаимопомощи является наиболее сложным, длительным и трудным процессом, который продолжается в течение всего времени формирования кластера.

Одной из важнейших особенностей формирования кластеров является зарождение и развитие «социального капитала», который проявляется как комплекс доверительных взаимоотношений, возникающих между участниками кластера, упрочняющих их личные и деловые связи друг с другом и содействующих дальнейшему совершенствованию производственных отношений.

По мере формирования все расширяющейся группы предпринимателей, заинтересованных в совместной производственной деятельности в составе создаваемого кластера, происходит постепенный переход к «Фазе страте-

곢

Часть

гического и институционального взаимодействия», которая нацелена на реализацию долговременных проектов по технологическому обновлению и модернизации производства с полным технико-экономическим обоснованием.

Выполнение планов развития кластера и переход к самоуправлению – обеспечивается достижением намеченных стратегических целей по созданию и развитию кластера на основе радикального улучшения производственного взаимодействия между всеми его участниками.

В концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. (Концепция долгосрочного..., 2008) выявление и стимулирование развития возникающих территориально-производственных кластеров ставится как одно из важнейших направлений создания общенациональной системы поддержки инноваций и технологического развития, обеспечивающий прорыв России на мировые рынки высоко- и средне- технологичной продукции.

В Ростовской области также разработана стратегия социально-экономического развития на период до 2020 г. В документе указывается необходимость перехода от малоэффективного выравнивая экономического развития региона и создания условий к мобилизации имеющихся условий экономического роста. Одним из механизмов решения этой проблемы является формирование и развитие производственных кластеров.

В настоящее время на территории Ростовской области развиваются следующие основные кластеры – агропромышленный, сельхозмашиностроения, легкой промышленности, строительный. В стадии становления находятся станкостроительный кластер.

Инновационный кластер биотехнологий, биомедицины и экологической безопасности создан в ЮФУ в форме некоммерческого партнерства. Учредителем его выступил Южный федеральный университет и Ростовский государственный медицинский университет, несколько коммерческих фирм. В ближайшей перспективе, как ожидается, участниками кластера станут, Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт), Донской государственный технический университет, некоторые другие вузы и инновационные предприятия Юга России. Создание кластера как части инфраструктуры поддержки инновационной деятельности позволяет решать проблемы интеграции элементов инновационной системы на региональном уровне, тесно увязывая ее с необходимостью мобилизации ресурсов для реализации стратегических задач развития региона.

В рамках партнерства предполагается создание, производство и реализация наукоемкой продукции в области биомедицины и медицинского приборостроения, современной биотехнологии микроорганизмов, растений и животных, экологии, природопользования и охраны природы.

Кластерных подход позволяет привлекать инвестиции, в том числе финансовых ресурсов Инвестиционного фонда РФ, Внешэкономбанка и других структур для обеспечения эффективной поддержки кластерных проектов и поддержки развития и включения в поле кластера малого и среднего инновационного предпринимательства.

Исполнительным директором партнерства избран начальник управления инновационной деятельности ЮФУ Леонид Кучинский.

Поддержкой малого и среднего бизнеса, развитием территориальных кластеров, продвижением инноваций и обеспечением доступа к ним занимается Центр инновационного развития Ростовской области.

Кластерная система организации экономики требует соответствующей инфраструктуры. В области созданы и функционируют Инновационно-технологический центр, Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере региона, Ростовский областной фонд поддержки жилья и ипотеки и т.д.

Одним из инструментов стратегического управления кластером весьма актуальным в настоящее время является внедрение инструментов бережливого производства и системы менеджмента качества в соответствии с требованиями международных стандартов.

Исследования в сфере разработки стратегий, исходя из стадии жизненного цикла организации, подтверждают, что на ранних стадиях преобладают стратегии, связанные с продуктовыми инновациями, на более поздних стадиях основной акцент смещается к снижению издержек и лоббированию (*Казанцева, Клиросов, 2011*).

Серьезное эмпирическое исследование в этой области было проведено Г.В. Широковой, И.С. Меркурьевым, О.Ю. Серовой (Широкова, Меркурьева, Серова, 2006. С. 3-26). В результатах анализа было выявлено, что стратегия географической экспансии является доминирующей. Эта стратегия предполагает физический рост организации, выражающийся в открытии филиалов и представительств в других регионах. Рост, однако, не означает развития. Увлечение физическим ростом без повышения внутренней эффективности большинства организаций представляет серьезную опасность при участии России в ВТО, других международных альянсах. Низкая эффективность менеджмента не позволяет промышленным предприятиям быть полноправными партнерами в глобальной экономике (Казанцева, Клиросов, 2011).

Контроль и оценка деятельности кластера – заключается в количественном и качественном определении результатов выполнения ежегодных планов, которые были получены благодаря применению передового опыта и новых знаний, а также за счет повышения уровня делового взаимодействия.

В заключение необходимо отметить, что единой для всех кластеров модели жизненного цикла не существует, все зависит от способа создания кластера (создание по частной, государственной инициативе, на базе существующих компаний, вновь создаваемых и т. п.) Однако общие стадии жизненного цикла, характерные своими особенностями, охватывают большую часть кластеров. Эффективное функционирование кластера на каждой стадии своего жизненного цикла предполагает формирование адекватной особенностям конкретной стадии стратегии кластерного развития.

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко В.А. (2010). Методы создания и развития кластеров малых предприятий в Индии. НП «Московский центр развития предпринимательства». Доступно на: http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_266B8FFD-4A6E-4DC5-844C-D3CB156A744B.html.

Григорьева Н.С. (2012). Исследование стадии жизненного цикла экономического кластера. Конкурентоспособность компаний и территорий: кластерные технологии: сборник научных статей. Под. ред. Т.В. Миролюбовой; Пермский государственный национальный исследовательский институт. Пермь. С. 85-92.

Казанцева С.М., Клиросов Д.Е. (2011). Особенности разработки стратегии развития исходя из стадии жизненного цикла организации. *Академический вестник*. Специальный выпуск. Доступно на: http://rusdocs.exdat.com/navigate/index-142157.html.

Клейнер Г.Б., Качалова Р.М., Нагрудная Н.Б. (2008). Синтез стратегии кластера на основе системноинтеграционной теории. Отраслевые рынки. № 5-6 (18). С. 9-39.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, от 17 ноября 2008 г. №1662-р. Доступно на: www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/concept.

 $\mathit{Кудряшов}\,A.$ (2012). Бережное производство. Проблемы внедрения. $\mathit{Журнал}\,$ « $\mathit{ЮНИД0}\,$ в Poccuu ». № 6, Доступно на: http://www.unido-russia.ru/archive/.

Паврикова Ю.Г. (2008). Кластеры: стратегия формирования и развития в экономическом пространстве региона. Екатеринбург.

Портер М. (2005). Конкуренция. М.: Изд. дом «Вильямс», С. 256.

Проект: Развитие кластера и интернационализация предприятий приграничных регионов России и Эстонии. Руководство по развитию кластеров. (2009). Материал экспертов проекта EstRuClusters Development.

Рыгалин Д.Б. (2006). Механизмы повышения инновационной активности при реализации кластерного подхода. *ИнВестРегион*. № 5. С. 56-63.

Суровицкая Г.В., Фролов И.И. (2011). Стратегическое управление человеческим капиталов мебельного кластера. Пензенский государственный университет. Пенза.

Широкова Г.В., Меркурьева И.С., Серова О.Ю. (2006). Особенности формирования жизненных циклов российских компаний (эмпирический анализ). Российский журнал менеджмента. Т. 4, № 3. С. 3-26.

REFERENCES

Bondarenko V.A. (2010). Methods for the establishment and development of small enterprises clusters in India. "Moscow Center for Enterprise Development." Available at: http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_266B8FFD-4A6E-4DC5-844C-D3CB156A744B.html. (In Russian).

Grigorieva N.S. (2012). The research phase of the life cycle of economic cluster. The competitiveness of companies and areas: clustering technologies: a collection of scientific articles. Under. Ed. TV Mirolyubovo, Perm State National Research Institute. Perm. Pp. 85-92. (In Russian).

Kazantseva S.M., Klirosov D.Ye. (2011). Features of a development strategy based on the organization life cycle stage. Academic Bulletin. Special Issue. Available at: http://rusdocs.exdat.com/navigate/index - 142157.html. (In Russian).

Kleyner G.B., Kachalova R.M., Nagrudnaya N.B. (2008). The synthesis of the cluster strategy based on system-integration theory. *Industrial markets*. No 5-6 (18). Pp. 9-39. (In Russian).

The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020. November 17, 2008 № 1662-p. Available at: www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/concept. (In Russian).

Kudryashov A. (2012). Careful production. Problems of implementation. Journal "UNIDO in Russia". No 6, Available at: http://www.unido-russia.ru/archive/. (In Russian).

Lavrikova J.G. (2008). Clusters: A Strategy for the formation and development of the region economic environment. Yekaterinburg. (In Russian).

Porter M. (2005). Competition. M.:. House "Williams", P. 256. (In Russian).

Project: Development of the cluster and the internationalization of enterprises border regions of Russia and Estonia. Guidelines for the development of clusters. (2009). Material experts EstRuClusters Development Project. (In Russian).

Rygalin D.B. (2006). Mechanisms for increasing innovation activity in the implementation of the cluster approach. InVestRegion. No. 5. Pp. 56-63. (In Russian).

Surovitskaya G.V., Frolov I.I. (2011). The strategic management of human capital furniture cluster. Penza State University. Penza. (In Russian).

Shirokov G.V., Merkureva I.S., Serova O.Y. (2006). Features of the Russian companies life cycles formation (empirical analysis). Russian Management Journal. Vol. 4, No 3. P. 3-26. (In Russian).

КОНКУРЕНТНАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПРОДУКТОВОГО РИТЕЙЛИНГА

ГАЛАЗОВА С.С.,

доктор экономических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Хетагурова, e-mail: webmaster@nosu.ru;

цоков А.В.,

соискатель кафедры экономики и предпринимательства, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, e-mail: av_tsokov@yandex.ru

Рассматриваются основные этапы развития российского продуктового ритейлинга, определены основные конкурентные особенности каждого этапа, выявлена специфика конкуренции на российском рынке розничных сетей в продуктовом сегменте, источники конкурентных преимуществ, динамика становления новых торговых форматов, государственное регулирование торговой деятельности. Определены противоречия и тенденции развития российского продуктового ретейлинга.

Ключевые слова: экономическая теория; торговые сети; конкуренция; конкурентные преимущества; государственное регулирование торговой деятельности.

COMPETITIVE DYNAMICS OF THE RUSSIAN GROCERY RETAILING

GALAZOVA S.S..

doctor of Science, Professor, North Ossetian State University named after K. Khetagurov, e-mail: webmaster@nosu.ru;

TSOKOV A.V.,

applicant of department Economics and Business, North Ossetian State University named after K. Khetagurov, e-mail: av_tsokov@yandex.ru

The paper examines the main stages of development of the Russian food retailing from 1990 to the present time. The main competitive features of each stage, revealed the specificity of competition in the Russian market retailers in the grocery sector, the sources of competitive advantage, the dynamics of the emergence of new retail formats, government regulation of trading activities. Contradictions and tendencies of development are identified in the Russian food retailing.

Keywords: economics, trade networks; competition; competitive advantage; government regulation of trading activities.

JEL classification: L66, L81.

Динамичность российской отрасли продуктового ритейлинга привлекает к ней пристальное внимание, как в теоретическом плане, так и практическом аспекте развития отрасли, отражающими особенности функционирования российских операторов розничной торговли, закономерности формирования новых форматов торговли, специфику взаимодействий с поставщиками и зарубежными ритейлерами в данном сегменте рынка.

В отличие от зарубежных стран, где появление крупных торговых сетевых структур являлось закономерным результатом постепенного развития интеграции в торговой отрасли и «наращивания мультиформатного развития крупных торговых компаний, на долю которых приходится более 70% торгового оборота, осуществляется через торговые сети» (Па-

ന

нова, 2008), в России рынок продуктового ритейлинга не столь крупно концентрирован, на уровне – 17%. К тому же развитие торговых сетей шло скачкообразно, через смену государственной системы перераспределения товаров, затем стихийного развития открытых уличных рынков и более позднего перехода к мультиформатной конкурентной стратегии развития торговых предприятий. Все это накладывает определенные особенности поэтапного развития конкуренции российского продуктового ретейлинга, отражающиеся в неравномерном институциональном движении российской торговой отрасли.

1-й этап (1990-1992) связан с появлением негосударственной розничной торговли в результате рыночной трансформации экономических отношений в РФ. Произошла ликвидация административно-хозяйственного распределения товаров и отказ от системы выделения фондов, а торговые структуры оказались в условиях свободы выбора поставщиков, существенно усиленной связи между производством и потреблением, жесткой конкуренции за лучшее удовлетворение покупательского спроса. В данный период проходила «малая приватизация» российских предприятий торговли и общественного питания через денежные аукционы. Однако развитие розничной торговли носило стихийный характер, в основном в уличном формате – мелких магазинов, палаток и т.д. В крупных российских городах появляются точки иностранных розничных сетей – элитные продуктовые магазины в формате крупных торговых центров – Stockmann (Финляндия), Julius Meinl (Австрия), ориентированные на небольшую часть потребительского сегмента – зарубежных потребителей и очень богатых россиян.

2-й этап (1993-1997) связан с появление первых российских сетевых супермаркетов – «Садко», «Эльдорадо», «Перекресток», – которые представляли собой разноформатные конгломераты магазинов, принадлежащих одному собственнику. Для них было характерно отсутствие единых условий поставок с контрагентами, разные стандарты обслуживания клиентов, поставщиков, производителей. В этом периоде начали открываться магазины мелкооптовой торговли, которые также имели различные стандарты обслуживания своих клиентов и поставщиков, однако их деятельность позволила в определенной степени обеспечить регулярность поставок товаров на розничный рынок.

3-й этап (1998 – экономический кризис в РФ) ознаменовался появлением отечественных магазинов дискаунтеров («Копейка», «Пятерочка», «Дикси»), прежде всего, в московском регионе. Принципами дискаунтера как особого формата розничной торговли является работа с ограниченным набором проверенных на оборачиваемость товарных позиций, закупки крупнооптовыми партиями, отсутствие или сведение к минимуму предпродажной подготовки товара, организация торговли на базе 100-процентного самообслуживания, полное отсутствие аттрактивности и выделения одних товаров больше, чем других. Формат дискаунтера не подразумевает дорогого ремонта и оборудования - товар выставляется на полках, на поддонах, в коробках. Закупки также не требуют больших оборотных средств, поскольку в дискаунтерах, как правило, продается небрэндовый, хотя и качественный товар. Дискаунтеры опираются на конкурентное преимущество крупных логических распределительных центров, маркетинговых акций по снижению цен вплоть до уровня оптовых на различные группы товаров, стандартизации обслуживания поставщиков и клиентов. За счет вышеперечисленных качеств дискаунтеры оказались способны конкурировать по цене с оптово-розничными рынками и быстро заняли свою рыночную нишу на российском рынке продуктового ретейлинга. В этот же период активно развиваются региональные сети розничной торговли.

4-й этап (1999-2001) связан с появлением глобальных игроков продуктового ритейлинга на российском рынке — Coca Cola, Nestle, Metro, Океу и др. и знаменовал новый уровень развития конкуренции и отраслевой структуры российского продуктового ретейлинга. Крупнейшие мировые ритейлеры (такие, как «Метро»), опираясь на широкий ассортимент (25 000 наименований) и объем поставок (оборот \$54 млрд в 300 странах мира), предоставляли большие торговые площади покупателям, обладая надежной логистикой, едиными стандартами обслуживания клиентов и поставщиков.

5-й этап (2002–2004) — появление нового глобального игрока на российском рынке продуктового ритейлинга — «Ашан», который еще более укрепил позиции мировых ритейлеров на отечественном рынке. Ашан (оборот \$28,8 млрд 750 гипер- и супермаркетов в мире) и магазины Marktkauf — немецкого продуктового ритейлера AVA (оборот около \$30 млрд) продолжили активную ценовую политику, поддерживая цены на уровне оптовых рынков, часть товаров реализуя вообще без наценки. Их тактика дала результаты — соседние магазины пересмотрели цены, а некоторые из них собираются закрываться. Сочетание таких факторов как рост конкуренции и сокращение свободных торговых площадей создали предпосылки для зарождения нового этапа в развитии российской сетевой торговли — первой волны слияний и поглощений в данном сегменте рынка.

6-й этап (2005–2007) связан с переходом российских ритейлеров от моноформатных конкурентных стратегий развития торговых предприятий к мультиформатным стратегиям (*Радаев, 2007*). В ответ на конкурентное давление со стороны глобальных ритейлеров в 2006 г. возник стратегический альянс группы российских компаний X5 (Пятерочка», «Перекресток», «Карусель», «Копейка»), который начал активно скупать региональные розничные сети, укрепляя и свои позиции и усиливая распространение консолидированной группы на региональные рынки. В этот же период активно происходит формирование закупочных альянсов («Виктория» и «7 Континент») и выход на украинский продуктовый рынок (Окей). Российские ритейлеры используют в своем развитии и финансовые инструменты фондового рынка, например IPO («Дикси» в 2007 г.), развивают брэнды своих сетей, приобретают новые структурные элементы ритейлинга для обеспечения своей конкурентоустойчивости, тем самым наращивая финансовую мощь на национальном и международных финансовых рынках. Осуществляется очередной виток усиления конкуренции внутри торговых сетей между поставщиками и ритейлерами, между крупными и средними оптовиками, а также между российскими и зарубежными розничными сетями. Напряжение на рынке розничной торговли настолько велико, что возникают различные перебои в работе ритейлеров.

7-й этап (2008) — наступление глобального финансового кризиса очень отчетливо выявило гамму противоречий и тенденций развития российского продуктового ретейлинга, а также отсутствие эффективного государственного регулирования торговой деятельности. Кризис 2008 г. остановил активное развитие гипермаркетов «Мерка до суперцентр» группы компаний X5 и развитие мультиформатного формата у данного оператора розничной сети. Противоречивость конкурентного развития российского рынка продуктового ритейлинга проявляется в том, что с одной стороны, российский рынок розничной торговли развивается под воздействием глобальных тенденций морового рынка, характеризую-

ω

щегося высокими тепами консолидации крупных игроков, неравномерностью распределения рыночной власти в продуктовых цепочках, переходом управленческих функций к торговым предприятиям, принимающих формы международных корпоративных гигантов. С другой стороны, глобальные тенденции для отечественного рынка имеют определенную специфику, поскольку он не сильно концентрирован, с недостаточной развитостью производственной, логистической и транспортной инфраструктуры. Кроме того, пространственная ненасыщенность продуктовыми сетями, представляет конкурентный простор в выборе региона экспансии. В то же время предшествующие этапы функционирования российского ритейлинга свидетельствуют о важных тенденциях его развития, связанных с тем, что конкурентная борьба между федеральными сетями («сверху-вниз») и региональными сетями («снизу-вверх») еще более усиливается, заставляя «перекраивать» и «уплотнять» рыночные ниши розничных продавцов и поставщиков сетей.

8-й этап (2009–2010) характеризуется развитием вертикальной интеграции торговых сетей продуктового и непродуктового ритейлинга (Окей – ТРЦ «Золотой Вавилон»), что еще больше усиливает конкурентные позиции мультиформатности продуктового ретейлинга. Обострение конкуренции в российских торговых сетях приводит к новой волне слияний и поглощений (Х5 в 2010 г. приобрела региональные сети «Экономная семья», «Симбирка», «Тройка», «Мы»). Российские ритейлеры наращивают финансовые ресурсы, в том числе при помощи фондовых инструментов (SPO «Магнит» в 2009 г.) Однако данный период характеризуется новым всплеском продуктовых бумов в РФ, а именно – «сахарный бум» (2009), «гречневый бум» (2010), что накладывает отпечаток на окончательную фазу принятия ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ», в котором государственное регулирование и ограничения в большей степени коснулись розничный сетей и поставщиков продовольственного рынка, а не соседнего непродовольственного сегмента (Радаев, 2011). В результате акцент в государственном регулировании торговой деятельности смещен в сторону регулирования конкуренции на входе в торговые сети, а не на выходе, как это используется при госрегулировании торговых сетей зарубежных стран (Авдашева, 2011).

9-й этап (с 2011) характеризуется усилением конкуренции между глобальными ритейлерами – как на российском рынке, так и на других рынках. Так, глобальные игроки («Ашан», «Метро») занимают доли рынка ритейлеров «Окей» на Украине. Активно осуществляется экстенсивное развитие крупный торговых сетей на региональном уровне в средние и малые города розничных продуктовых сетей («Магнит», «Х5», «Дикси»). В свою очередь, иностранные ритейлеры сконцентрированы в крупных российских городах. Однако для большинства российских ритейлеров характерна неравномерность региональной экспансии: в большей степени российские операторы розничных сетей сосредоточены в Московском регионе, достигающим предела своего экстенсивного роста торговых сетей. Российские ритейлеры идут по пути увеличения масштабов бизнеса на региональном уровне, что дает им некоторые конкурентные преимущества перед иностранными торговыми операторами и в целом способствует расширению целевой аудитории данного формата. «Для крупных зарубежных ритейлеров, не испытывающим недостатка в инвестиционных ресурсах и работающим по отлаженным многими десятилетиями технологиям, более легко обойти протекциониские меры защиты барьеров для входа на рынок или поддержки отечественных торговых сетей, чем для российских продуктовых компаний» (*Кузьменко, 2011*).

В этот период активно развиваются закупочные альянсы в средних и малых продуктовых сетях для регулирования политики ценообразования и повышения стандартизации и единых требований к поставщикам с целью улучшения складского, транспортного и экспедиторского обслуживания поставщиков – формируют дополнительные стимулы у усилению торговой интеграции и межфирменным сетевым альянсам.

Рассмотрение конкурентной динамики развития российского ритейлинга позволяет сделать следующие выводы:

- российский рынок розничной торговли в своем продуктовом сегменте является быстро развивающийся отраслью, которая за двадцатилетний период прошла путь от стихийного развития уличной торговли до развития новых торговых форматов сетевых структур (ритейлинг в супермаркеты, гипермаркеты, дискаунтеры, магазины «у дома», интернет торговля и др.), пройдя конкурентный путь интеграционного развития за более короткий срок, чем другие старейшие торговые рынки Европы;
- российские торговые сети неравномерно развиты в территориальном и конкурентном аспекте большинство крупных торговых сетей сосредоточено в столице и крупных российских городах, приближающихся к пределам экстенсивного роста торговых сетей, что заставляет российских ритейлеров под давлением конкуренции глобальных операторов наращивать свое присутствие на региональных рынках, скупая средние и малые торговые сети в небольших российских городах, тем самым обеспечивая себе конкурентное преимущество в большей степени от «масштаба производства», а не от развития мультиформатной конкурентной стратегии;
- стандартизация и единые правила взаимодействия ритейлеров и своих поставщиков происходит не только в крупных сетях, но и в средних и малых, что подготавливает почву для конкурентного развития межфирменных альянсов и торговой интеграции, как с отечественными, так и с зарубежными розничными операторами;
- государственное регулирование российской торговой отрасли не в полной мере отвечает сегодняшнему уровню и формату конкурентного развития отрасли, находящейся на первоначальном этапе своей консолидации и усиления конкурентных позиций торговых сетей, что накладывает серьезный отпечаток на развитие конкуренции в отрасли и взаимодействие ритейлеворов и поставщиков.

ЛИТЕРАТУРА

Авдашёва С. (2011). Развитие и применение антимонопольного законодательства в России: по пути достижений и заблуждений. М.: ГУ ВШЭ.

Кузьменко В.Л. (2011). Розничные торговые сети: состояние и перспективы развития Автореф. к.э.н. 08.00.05. Москва.

Панова Е.Н. (2008). Обеспечение конкурентоспособности торговых предпринимательских сетей на основе изменения ассортиментной политики: Автореф. к.э.н.: 08.00.05. Санкт-Петербург.

 $Padaes\ B.B.$ (2007). Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. М.: ГУ ВШЭ.

Радаев В.В. (2011). Кому принадлежит власть на потребительских рынках: отношения розничных сетей и поставщиков в современной России: отношение розничных сетей и поставщиков в современной России. М. ГУ ВШЭ.

REFERENCES

Avdasheva S. (2011). Development and application of competition law in Russia: towards the achievements and errors. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian).

Kuz'menko V.L. (2011). Retail trade networks: state and development prospects. Autoabstract. PhD. Moscow. (In Russian).

Panova E.N. (2008). Competitiveness trading enterprise networks based on the change of assortment policy: Autoabstract. PhD. St. Petersburg. (In Russian).

Radaev V.V. (2007). Russian seizure of territories: the new competitive situation in the retail trade. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian).

Radaev V.V. (2011). Who holds power in consumer markets: the relationship between retailers and suppliers in modern Russia: the ratio of retailers and suppliers in modern Russia. Higher School of Economics, Moscow. (In Russian).

ОЦЕНКА МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫХ ЭФФЕКТОВ ОТ ИНВЕСТИЦИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

НЕРОВНЯ Т.Н.,

доктор экономических наук, профессор кафедры мировой и региональной экономики, Северо-Кавказский институт — филиала ФГБОУ ВПО «РАНХ и ГС» при Президенте РФ, e-mail: ntn200853@mail.ru;

хачиров а.д.,

аспирант, ий институт

Кисловодский гуманитарно-технический институт, e-mail: khachirov.askhat@googlemail.com

В настоящей работе на основе построения моделей с распределенными лагами произведена оценка мультипликативных эффектов от инвестиций в различные отрасли российской промышленности, сделаны выводы об эффективности инвестиционного процесса с точки зрения создания синергетических эффектов и положительных обратных связей в экономической системе. Замедление темпов экономического роста в глобальном масштабе и кризисные явления, сохраняющиеся в экономике высокоразвитых стран мира, послужили импульсом к переосмыслению мировым научным сообществом многих постулатов экономического мейнстрима, доминировавших в неолиберальном общественном сознании на протяжении последних десятилетий. Это, в первую очередь, коснулось популярной в начале 2000-х гг. концепции постиндустриального общества, формирование и развитие которой было «ответом» на бурное развитие нематериального сектора экономики в наиболее богатых странах мира, производящего нематериальные блага – информацию, знания, даже «впечатления», «смыслы» и т.п. Однако, как показывает практика, «экономика знаний» в настоящее время является далеко не самодостаточной, а опирается на индустриально-технологическую мощь промышленно развитых регионов мира. Наибольший эффект от развития инновационной деятельности наблюдается там, где имеются возможности для промышленного освоения инноваций. Предложены инструменты совершенствования государственной промышленной политики, направленные на мониторинг эффективности инвестиций. Без этого все усилия, направленные на искусственное стимулирование инновационной активности, бесконечное совершенствование методов и подходов к организации инновационных процессов и создание все новых институтов поддержки инновационной деятельности, наталкиваются на невостребованность и невосприимчивость низкотехнологичных отраслей экономики с высокой долей низкоквалифицированного дешевого живого труда к техническим новинкам, требующих для их освоения значительных объемов высокорисковых инвестиций.

Ключевые слова: промышленная политика; инвестиции; инвестиционный процесс; мультипликативный эффект; моделирование; временные ряды; модели с распределенными лагами; мониторинг эффективности инвестиций.

THE PROBLEM OF ESTIMATIONOF THE MULTIPLICATIVE EFFECTS FROM INVESTMENT IN INDUSTRY

NEROVNYA T.N.,

Doctor of Sciences, professor, Department of global and regional economies, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation e-mail: ntn200853@mail.ru;

KHACHIROV A.D.,

graduate student, Kislovodskiy Humanitarian-Technical Institute, e-mail: khachirov.askhat@googlemail.com

In this paper, based on the construction of models with distributed lags evaluated multiplicative effects of investments in various sectors of Russian industry and draw conclusions about the effectiveness of the investment process from the

ന

point of view of creating synergies and positive feedbacks in the economic system. The economic slowdown in the global crisis and persisting in the economy of the advanced countries of the world, the impetus to rethink the global scientific community, many mainstream economics postulates that dominated neoliberal public consciousness over the past decades. This is, first of all, touched popular in the early 2000s, the concept of post-industrial society, the formation and development of which was to «answer» to the rapid development of the intangible economy in the richest countries in the world that produces intangible benefits - information, knowledge, and even the «impressions», «meaning», etc. However, as practice shows, the 'knowledge economy' is currently not self-sufficient, and relies on industrial and technological might of the industrialized regions of the world. The greatest effect on the development of innovation occurs where there are opportunities for commercial development of innovations. Offered tools to improve the state's industrial policies aimed at monitoring the effectiveness of investments. Without this, all efforts to artificially stimulate innovative activity, the infinite perfection of methods and approaches to innovation processes and the creation of new institutions to support innovation, hampered by lack of demand for immunity and low-tech industries with a high proportion of low-skilled cheap human labor to technical newest, requiring for their development of significant volumes of high-risk investments.

Keywords: industrial policy; investment; investment process; multiplier effect; modeling; time series; models with distributed lags; monitoring investment performance.

JEL classification: 016, R42.

Вопросы формирования экономической политики государства в различных высокотехнологичных отраслях российской экономики в настоящий момент приобрели особую актуальность, как в связи с общим изменением парадигмы экономического роста, так и в связи с неотложными и нерешенными до настоящего момента проблемами структурного дисбаланса в экономической системе.

Ряд последних работ междисциплинарных научных коллективов РАН посвящен поиску путей и методов, а также разработке организационно-экономических механизмов восстановления ведущих позиций России в авиастроении (Клочков, Байбакова, 2013) промышленном комплексе (Хрусталев, Хрусталев, 2013) машиностроении (Ратнер, Иосифов, 2012) как наиболее инновационно-восприимчивых отраслях экономики. В частности, в указанных работах особое внимание уделяется вопросам оценки и мониторинга эффективности инвестиционной деятельности.

Действительно, исследование динамики инвестиций в основных отраслях российской экономики (рис. 1) позволяет сделать вывод о наличии устойчивых положительных тенденций увеличения объемов инвестиций в основной капитал предприятий и организаций, которая по логике экономического развития должна привести к существенному улучшению качества структуры промышленности и повышению эффективности функционирования промышленных организаций. Однако на практике в масштабах всей национальной экономики этого пока не происходит (*Pamнер, Иосифов, 2012*). Поэтому целью настоящей работы является оценка эффективности инвестиционных процессов в различных отраслях промышленности с точки зрения максимизации мультипликативных и синергетических эффектов развития.

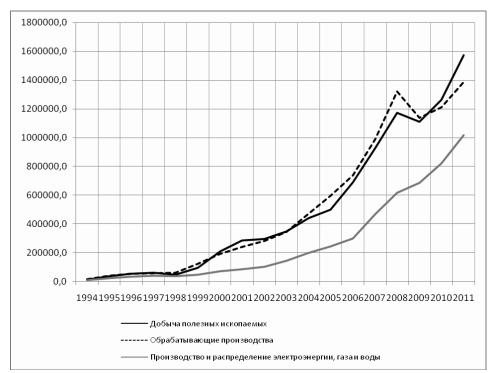

Рис. 1. Динамика инвестиций по основным видам экономической деятельности в России за период 1994-2011 гг. (в тыс. долл. США)

Следует отметить, что в мировой экономике существует множество примеров того, как эффект от развития одной отрасли экономики передается с помощью механизмов кластерной организации производства другим отраслям, расположенным ниже и выше по технологической цепи создания стоимости, а также смежным отраслям. Так, например, в работе (*Ратнер, 2011*) рассмотрен процесс формирования высокотехнологичных кластеров в области энергетики в Германии, условия для которого были созданы благодаря развитию кооперационных связей, предполагающих как диффузию технологий и знаний, так и «перелив» инвестиционных ресурсов между энергетическими компаниями и предприятиями отрасли энергетического машиностроения в нескольких регионах ФРГ. В работе (*Горидько, Нижегородцев, 2011*) исследованы факторы, влияющие на величину мультипликативного эффекта, возникающего в экономической системе мезоуровня с наличием положительных и отрицательных обратных связей.

Для того, чтобы выявить наличие или отсутствие мультипликативных эффектов в инвестиционном процессе, исследуем совместную динамику временных рядов, представляющих собой официальные данные Федеральной службы государственной статистики по объему инвестиций в основной капитал предприятий и организаций (www.gks.ru, Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991-2011 гг., Приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник, 2012»). На рис. 2 представлена совместная динамика инвестиций в основной капитал по отраслям обрабатывающих производств, являющихся лидерами инвестиционного развития.

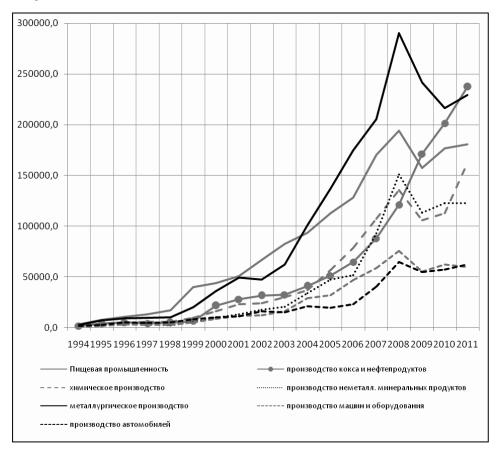

Рис. 2. Динамика инвестиций по основным отраслям обрабатывающей промышленности за период 1994-2011 гг. (в тыс. долл. США)

Как видно из графика, представленного на рис. 2, в период с 1994 по 2003 гг. наибольшие объемы инвестиций поступали на предприятия пищевой промышленности, а с 2004 г. бессменным лидером по объему инвестиций среди обрабатывающих производств является металлургия. Объем инвестиций в основной капитал предприятий по производству кокса и нефтепродуктов демонстрирует на протяжении всего исследуемого периода экспоненциальный рост, характер которого не был нарушен даже в кризисный период. В частности благодаря этому, объем инвестиций в основной капитал предприятий данного вида производства в 2011 г. превысил даже объем инвестиций в металлургические производства и пищевую промышленность.

Среди отраслей промышленности, не являющихся лидерами инвестиционных процессов, подобную экспоненциальную динамику по объему инвестиций в основной капитал демонстрирует производство судов, космических и летательных аппаратов и прочих транспортных средств (рис. 3).

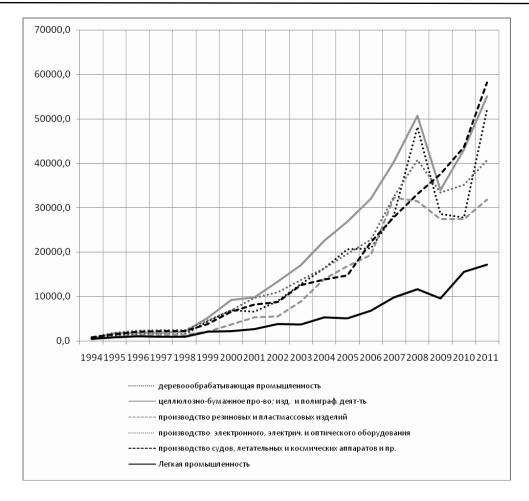

Рис. 3. Динамика инвестиций по остальным отраслям обрабатывающей промышленности за период 1994-2011 гг. (в тыс. долл. США)

Однако объемы инвестиций, полученные за исследуемый период данной отраслью в несколько раз уступают объемам инвестиций в металлургическое производство. Самой недоинвестированной отраслью промышленности на протяжении всего исследуемого периода остается легкая промышленность (рис. 3).

Для моделирования совместной динамики временных рядов, представляющих из себя указанные статистические показатели в период с 1994 по 2011 гг. используем один из наиболее информативных статистических методов моделирования и прогнозирования - модели с распределенными лагами вида

$$y_t = \sum_{j=0}^q \alpha_j x_{t-j} + \varepsilon_t,$$

где

 $x_i,\ y_i$ — временные ряды, описывающие изучаемые взаимосвязанные экономические процессы,

q — величина наибольшего лага,

 α_i — некоторые коэффициенты,

 $\varepsilon_{\scriptscriptstyle t}$ — случайное возмущение, ошибка.

Данные модели относятся к группе динамических моделей, учитывающих ожидаемые уровни переменных, которые определяются экономическими субъектами на основе информации, которой они располагают в текущий и предыдущий момент времени (Ратнер, Иосифов, 2012).

Основную проблему при оценке параметров $lpha_i$ составляет, как правило, сильная корреляция между факторами x, $x_{\!\scriptscriptstyle L,l}, x_{\!\scriptscriptstyle L,l}$ \ldots . Для ее преодоления на практике обычно применяется преобразование лаговых переменных либо делаются определенные предположения о характере коэффициентов регрессии (Ратнер, Иосифов, 2012). При построении моделей с рапределенными лагами будем использовать метод Алмона, в котором для преодоления сильной корреляции между значениями ряда в близкие моменты времени используется переход к новым переменным и представление коэффициентов модели в виде полиномов заданной степени k от величины лага j $b_j = c_0 + c_1 j + c_2 j^2 + c_3 j^3 + \ldots + c_k j^k$

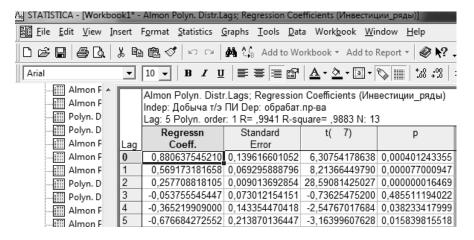
$$b_i = c_0 + c_1 j + c_2 j^2 + c_3 j^3 + \dots + c_k j^k$$

Расчет коэффициентов проведем в пакете прикладных программ STATISTICA 8.0. Варьируя длину лага и степень полинома Алмона находим, что для описания зависимости между объемом инвестиций в добычу топливно-энергетических

곢

Часть

полезных ископаемых и объемом инвестиций в обрабатывающие производства наилучшим качеством приближения R^2 =0,9883 обладает модель со степенью 1. Наивысший уровень статистической значимости (p=0,000000016469) при этом соответствует длине лага 2 (рис. 4).

Puc. 4. Диалоговое окно пакета STATISTICA 8.0 с результатами анализа распределенных лагов

Полученный результат свидетельствует о том, что между отраслями «добыча топливно-энергетических полезных ископаемых» и «обрабатывающие производства» существует определенный «перелив» инвестиционных ресурсов с лагом в 2 года. Другими словами, инвестиции в основной капитал предприятий отрасли «добыча топливно-энергетических полезных ископаемых» частично трансформируются в инвестиции в основной капитал обрабатывающих производств через закупку их продукции и повышение объемов прибыли, часть из которых может быть направлена на модернизацию основных фондов.

Рассмотрим теперь вопрос о том, какие именно из отраслей промышленности участвуют в процессе «перелива» инвестиционных ресурсов от отрасли-лидера российской экономики. На рис. 5 представлены результаты анализа распределенных лагов методом полиномов Алмона между инвестициями в основной капитал добывающих предприятий и инвестициями в основной капитал предприятий металлургической отрасли.

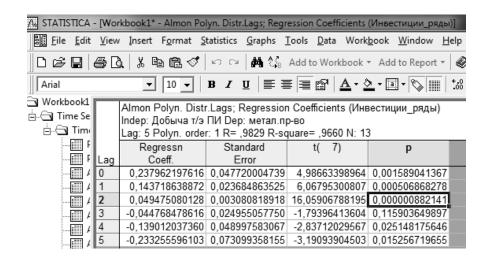

Рис. 5. Результаты анализа распределенных лагов между инвестициями в основной капитал добывающих предприятий и металлургических

Как видно из рис. 5, наивысший уровень статистической значимости соответствует лагу в 2 года. Качество построенной модели высокое (коэффициент детерминации R^2 =0,966). Порядок полинома Алмона равен 1. Коэффициент регрессии, соответствующий лагу 2 приблизительно равен 0,049475, что говорит о невысоком мультипликативном эффекте. Подобные результаты дает также исследование распределенных лагов между рядами «инвестиции в основной капитал добывающих предприятий» и «инвестиции в основной капитал машиностроительных предприятий» (рис. 6). Коэффициент детерминации модели R^2 =0,9619, порядок полинома Алмона 1, наивысший уровень статистической значимости p=0,000000128839 соответствует лагу 2-го года.

		Almon Polyn. Distr.Lags; Regression Coefficients (Инвестиции_ряды)					
2		Indep: Добыча т/э ПИ Dep: пр-во машин					
1		Lag: 5 Polyn. order: 1 R= ,9808 R-square= ,9619 N: 13					
F		Regressn	Standard	t(7)	р		
F	Lag	Coeff.	Error				
L	0	0,060531575131	0,013233609753	4,57407889925	0,002561695125		
t	1	0,036755641549	0,006568235746		0,000819400845		
t	2	0,012979707967	0,000854366120	15,19220819938	0,000001288390		
t	3	-0,010796225616	0,006920483295	-1,56003925679	0,162716161697		
L	4	-0,034572159198	0,013587905045	-2,54433329369	0,038420132534		
ı	5	-0,058348092780	0,020271757815	-2,87829468525	0,023709274779		

Рис. 6. Результаты анализа распределенных лагов между инвестициями в основной капитал добывающих и машиностроительных предприятий

Построение аналогичных моделей между временными рядами, представляющими собой статистические данные по объемам инвестиций в основной капитал добывающей отрасли и других отраслей промышленности (входящих в группу «обрабатывающие производства»), позволяет получить результаты, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Результаты анализа распределенных лагов - авт.

Независимая переменная	Зависимая переменная	Лаг; коэффициент регрессии	Метод построения модели	Качество модели
Добыча топливно- энергетических	Химическое производство	2 года; 0,02679	Полином Алмона, первая степень	R ² =0,9736 p=0,00000025
полезных ископаемых	Производство кокса и нефте- продуктов	2 года; 0,03666	Полином Алмона, первая степень	R ² =0,9898 p=0,00000000
	Производство пластмасс	2 года; 0,0063	Полином Алмона, первая степень	R ² =0,9602 p=0,00000136
	Производство автомобилей	2 года; 0,01153574	Полином Алмона, первая степень	R ² =0,9901 p=0,00000000
	Производство электрического и электронного оборудования	2 года; 0,00778299	Полином Алмона, первая степень	R ² =0,9839 p=0,00000057
	Производство минеральных продуктов (неметаллических)	2 года; 0,0242880164	Полином Алмона, первая степень	R ² =0,9656 p=0,00000078
	Пищевая промышленность	0 лет (нет лага); 0,311117	Полином Алмона, третья степень	R ² =0,9773 p=0,002850
	Производство судов, летательных и космических аппаратов	0 лет (нет лага); 0,02751168	Неограниченные распреде- ленные лаги	R ² =0,9994 p=0,000169
	Деревообрабатывающая про- мышленность	0 лет (нет лага); 0,04727	Неограниченные распреде- ленные лаги	R ² =0,9836 p=0,03875

На основании полученных результатов моделирования можно сделать несколько следующих выводов качественного характера:

- 1. Между различными отраслями промышленности России существуют определенные «инвестиционные переливы», которые характеризуются мультипликативными эффектами. В частности, наблюдается трансформация части инвестиционных ресурсов, вкладываемых в основной капитал добывающих предприятий в инвестиции в основной капитал обрабатывающих производств с временным лагом 2 года;
- 2. Наиболее сильные мультипликативные эффекты можно наблюдать в промышленных кластерах, объединяющих добывающую отрасль с металлургическим производством, производством кокса и нефтепродуктов и производством минеральных продуктов (неметаллических). Однако даже между этими отраслями величина мультипликативных эффектов невысокая;
- 3. Очень слабые мультипликативные эффекты наблюдаются между инвестиционными процессами в добывающей отрасли и машиностроении, производстве электрического, электронного и оптического оборудования. Это говорит о том, что предприятия добывающей отрасли предпочитают закупать оборудование и технологии за рубежом, нежели налаживать партнерские связи с отечественными машиностроительными и приборостроительными предприятиями. Данная ситуация требует немедленной разработки и практической реализации кластерных механизмов взаимодействия пред-

приятий данных отраслей с целью повышения конкурентоспособности отечественной промышленности в целом за счет создания синергетических эффектов диффузии знаний и технологий и мультипликативных эффектов инвестиций;

4. Инвестиции в основной капитал добывающих компаний не оказывают никакого мультипликативного эффекта на инвестиционные процессы в пищевой промышленности, деревообрабатывающие промышленности и производстве судов, летательных и космических аппаратов, что обусловлено естественными различиями в технологических цепочках созлания стоимости.

Предложенный метод исследования эффективности инвестиционного процесса по критериям максимизации мультипликативных эффектов на основе построения моделей временных рядов с распределенными лагами может быть использован на мезоуровне для оценки уровня развития региональных и межрегиональных промышленных кластеров и выработки системы мер, направленных на корректировку и совершенствование промышленной политики государства. Для
этого необходимо лишь накопление статистических данных по объемам инвестиций в основной капитал предприятий,
составляющих технологическое ядро кластера и предприятий, продукция которых представляет собой смежные звенья
технологической цепи создания стоимости.

ЛИТЕРАТУРА

Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М. (2011). Современный экономический рост: теория и регрессионный анализ. Новочеркасск: «НОК». 343 с.

Иосифов В.В., Ратнер С.В. (2011). Проблемы и перспективы развития машиностроения России в посткризисный период. Краснодар: Издательский Дом – Юг. 150 с.

Клочков В.В., Байбакова Е.Ю. (2013). Анализ проблем и рисков реструктуризации авиапромышленного комплекса России. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, № 4. с. 7–17

Клочков В.В., Болбот Е.А. (2012). Глобальные ограничения экономического роста и приоритеты инновационного развития России. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, № 23. с. 2–12.

Ратнер С.В. (2011). Возможности адаптации опыта Германии по созданию рамочных условий для промышленного использования инновационных технологий в области энергетики. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, № 43 (136). с. 71–78.

Ратнер С.В., Иосифов В.В. (2012). Исследование динамики инвестиционных процессов в машиностроении на основе моделей с распределенными лагами. Экономический анализ: теория и практика, № 29. с. 43–49.

Ратнер С.В., Иосифов В.В. (2012). Стимулирование развития высокотехнологичных отраслей экономики (на примере машиностроения в Германии). Вестник Уральского Федерального университета. Серия «Экономика и управление». № 4. с. 46–58.

Ратнер С.В., Ушнов В.В. (2009). Анализ возможностей реализации концепции открытых инноваций на базе существующих институциональных систем. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, № 2 (35). с. 80–85.

Хрусталев Е.Ю., Хрусталев О.Е. (2013). Когнитивное моделирование развития наукоемкой промышленности (на примере оборонно-промышленного комплекса). *Экономический анализ: теория и практика*, № 10. с. 2–10.

Хрусталев Е.Ю., Хрусталев О.Е. (2012). Финансово-экономический и социальный анализ военно-региональной политики. Экономический анализ: теория и практика, № 27. с. 2–8.

REFERENCES

Goridko N.P., Nizhegorodtsev R.M. (2011). Modern Economic Growth: Theory and regression analysis. Novocherkassk, "NOC". 343 p.

Joseph V., Ratner S. (2011). Problems and prospects of Russian machine-building in the post-crisis period. Krasnodar Publishing House - South. 150.

Khrustalyov E.J., Khrustalyov O.E. (2013). Cognitive modeling of knowledge-based industries (for example, the military-industrial complex). Economic Analysis: Theory and Practice, No. 10. pp. 2–10.

Khrustalyov E.J., Khrustalyov O.E. (2012). Financial and economic and social analysis of the military-regional policy. Economic Analysis: Theory and Practice, No. 27. pp. 2–8.

Klochkov V.V., Baybakova E.J. (2013). An analysis of the problems and risks of restructuring aviation industry complex of Russia. National interests: priorities and security, No. 4. pp. 7–17.

Klochkov V.V., Bolbot E.A. (2012). Global economic growth restrictions and priorities for innovation development in Russia. National interests: priorities and security, No. 23. pp. 2–12.

Ratner S. (2011). The possibility of adapting the experience of Germany to create the framework conditions for industrial application of innovative technologies in the energy field. National interests: priorities and security, No. 43 (136). p. 71–78.

Ratner S., Joseph V. (2012). The study of the dynamics of investment processes in mechanical engineering from models with distributed lags. Economic Analysis: Theory and Practice, No. 29. p. 43–49.

Ratner S., Joseph V. (2012). Promote the development of high-tech industries (for example, mechanical engineering in Germany). Bulletin of the Ural Federal University. Series "Economics and Management". No. 4, p. 46–58.

Ratner S., Ushnov V.V. (2009). An analysis of the feasibility of the concept of open innovation based on existing institutional systems. National interests: priorities and security, No. 2 (35). p. 80–85.

 $^{\circ}$

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕЛЕОРИЕНТАЦИИ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ В НАПРАВЛЕНИИ УСИЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

ГРАНКИНА Н.Г.,

аспирант, Южный федеральный университет, e-mail: granochka@mail.ru

В статье рассмотрены теоретические подходы относительно генезиса социальной сущности маркетинга, представленные в работах западных экономистов-маркетологов, разработана авторская этапизация становления социального маркетинга. Выявлен ряд объективных тенденций, сложившихся в экономике, которые стимулировали целеориентацию маркетинговой деятельности компаний в направлении усиления социальных приоритетов. Предложено авторское определение социально-ориентированного маркетинга.

Ключевые слова: генезис социальной сущности маркетинга; этапы становления социального маркетинга; социально-ориентированный маркетинг.

EVOLUTION OF ENTERPRISE'S GOAL-ORIENTED MARKETING ACTIVITY TOWARDS THE REINFORCEMENT OF SOCIAL-ORIENTED PRIORITIES

GRANKINA N.G.,

Post graduate student, Southern Federal University, e-mail: granochka@mail.ru

Paper details on theoretical approaches towards the genesis of social essence of marketing, presented within the works of foreign economists-marketers. Author elaborated typology of main stages of socially-oriented marketing. A ray of objective tendencies developed within the economy which stimulated enterprise's goal-oriented marketing activity aimed at social-oriented priorities have been identified. Author's definition of social-oriented marketing has been suggested.

Keywords: the genesis of the social essence of marketing; the stages of the social marketing formation; socially-oriented marketing.

JEL classification: M14, M31, M38.

Значимость выявления эволюционных изменений, происходящих в маркетинговой целеориентации компаний, обусловлена необходимостью подтверждения (или опровержения) гипотезы относительно реально существующего тренда усиления социальных приоритетов в бизнесе, а также потребностью в классификации мнений различных авторов относительно развития модели социального маркетинга в целом.

В современных условиях сформировалось несколько самостоятельных направлений историкософской рефлексии относительно генезиса социальной сущности маркетинга (Хачатурян, 2006).

1. Структурно-логический подход, согласно хронологии, возник ранее других. Он отражает процесс развития бизнес-деятельности по защите публичных интересов. Автором данного подхода является американский специалист по маркетинговой теории Р. Дж. Кейт. Им была исследована эволюция маркетинга с начала XIX в. до средины XX в. Суть схемы, предложенной автором, заключается в представлении современной стадии развития маркетинга как следствия двух предшествующих этапов производства и продаж. Производственная стадия (1850 — конец 1930-х гг.) выражается в доминирующем внимании к производимой продукции. Стадия продаж (1930 — средина 1950-х гг.) сводится к тому, что перенасыщение рынка привело к усилению конкуренции и как следствие — концентрации сил на продаже продукции, рекламе, продвижении товаров (Keith, 1960).

곢

Часть

- 2. Социально-исторический подход к определению оснований развития социальной сущности маркетинга, представляющийся следующим важным направлением в теории процесса развития социального маркетинга, был обобщен и обоснован Р. Фуллертоном. Он предложил социально-историческую модель «непрерывного потока», которая включает четыре стадии:

 «создание предпосылок» (XVI–XVIII вв.): развитие торговли, проникновение рыночных отношений во все
 - «создание предпосылок» (XVI–XVIII вв.): развитие торговли, проникновение рыночных отношений во все сферы экономики;
 - «появление современного маркетинга» (XVIII в. сер. XIX в.): миграция населения в города, создание новых рынков, стимулирование спроса;
 - «создание надстройки» (сер. XIX в. сер. XX в.): появление институтов и инструментов современного маркетинга, возникновение торговых центров, товарных экспозиций, индустрии рекламы и т.п.;
 - «эпоха совершенствования и формализации» (с сер. ХХ в. по сегодняшний день): совершенствование и формализация разработанных прежде инструментов (Fullerton, 1988).
- 3. Концептуальный подход к обоснованию этиологии формирования социально направленного маркетинга получил свое развитие в трудах Ф. Котлера. В качестве базиса своего учения он избрал взаимозависимость маркетинговой теории и практики в совокупности с этапностью формирования черт социального маркетинга, в основе которых лежит постулат изменения приоритетов современного рынка. Автор выделил ряд концептуальных стадий развития маркетинга: совершенствование производства, вариация свойств товара, интенсификация коммерческих усилий, маркетинговая ориентация, социальный маркетинг, маркетинг взаимодействия, просвещенный маркетинг. Доминирующим принципом предложенной классификации является нарастание социальной составляющей в маркетинге (Kotler, Armstrong, 1998).
- 4. Современный интегрированный подход к исследованию причин возрастания значимости социальноориентированного маркетинга сформировался вследствие усовершенствования рядом других исследователей, таких как Дж. Блайт, В. Э. Гордин, О.А. Третьяк, классификации стадий развития маркетинга, разработанной Ф. Котлером. Сформулированный в их трудах, новый подход имеет следующие отличия:
- 1) Концепция усовершенствования производства имела наибольшее распространение до 1920-х гг. и ставила в качестве приоритетной задачу организации рыночной деятельности хозяйствующего субъекта, увеличение объемов производства с целью максимальной уценки.
- 2) Концепция усовершенствования товара была наиболее распространенной в 1920—1930-х гг. Она обосновывала приоритетность деятельности по обеспечению высоких потребительских показателей и улучшившихся эксплуатационных характеристик качества товара.
- 3) Концепция интенсификации коммерческих усилий (1930–1950-е гг.) ориентировала товаропроизводителей на направление финансовых и трудовых ресурсов в сферу стимулирования сбыта, что означало утверждение перехода к рынку потребления.
- 4) Концепция комплексного маркетинга (1960–1970-е гг.) основывается на следующем постулате: повышение прибыльности компании зависит прежде всего от определения потребностей целевых рынков; максимальное их удовлетворение достигается при реализации более эффективных, чем у конкурентов, методов.
- 5) Концепция социально-ответственного маркетинга (с 1970-х гг.) дополняет предыдущую концепцию важной социоцентрической составляющей: удовлетворение потребностей клиентов (покупателей) должно осуществляться не просто конкурентно более эффективным методом, но ориентироваться на благополучие потребителя.
- 6) Концепция маркетинга взаимодействия (с 1980-х гг.) расширяет общесоциальную направленность рыночного производства, провозглашая главной целью удовлетворение запросов не только потребителей, но и партнеров, а также государства в процессе их коммерческого и некоммерческого взаимодействия (Блайт, 2003).
- 7) Концепция маркетинга человеческих стремлений, ценностей и духа (с начала XXI в.) направлена на исследование и учет требований, реально сложившихся у потенциальных потребителей на конкретном сегменте рынка, а также разработку и предложение в соответствии с выявленными требованиями к конкретным товарам и услугам (Кетова, 2006).

Основываясь на анализе рассмотренных моделей эволюции маркетинга, предложенных зарубежными авторами, целесообразно представить авторское видение этапизации становления социального маркетинга, с выделением маркетинговых концепций, сформировавшихся на каждом этапе развития маркетинговой деятельности.

Эволюция социально ориентированной маркетинговой деятельности и динамика ее развития тесно связаны с тенденциями развития экономики. Они предопределяются большим числом социальных процессов и сил, которые формировались в обществе. В данной связи можно выделить ряд объективных трендов, сложившихся в современной глобализированной экономике, которые стимулировали возникновение и развитие концепции социальноориентированного маркетинга.

- 1. Появление в западном обществе «оппозиции миру бизнеса» (60–70-е гг. XX в.), что проявилось в возникновении активного интереса к таким вопросам, как гражданские права, равноправие женщин, загрязнение среды отходами промышленности и состояние среды обитания в целом (потепление климата, сокращение озонового слоя и т.д.).
- 2. Повышение степени глобализации рынка товаров и услуг и усиление хозяйственных связей (80–90-е гг. XX в.). Усложнилась возможность установки фирменной принадлежности товара. Это связано с тем, что товар мог быть произведен в какой-либо одной стране с использованием технологии другой страны, а также с участием спе-

циалистов из третьих стран. Глобализация предъявляла повышенные требования не только к качеству производимых товаров и услуг, к ценностно-потребительской и экологической составляющей, но и к этическим принципам маркетингового инструментария и маркетинговых технологий фирмы.

- 3. Поиск альтернативных методов маркетинговых технологий (1990–2000-й гг.) в противовес доминированию в западной маркетинговой практике 1980-х гг. ХХ в. агрессивной и настойчивой рекламы, которая становится для западного потребителя массовым, привычным и зачастую негативным явлением, значительно понижающим уровень покупательной способности товара (Феофанов, 1974).
- 4. Усиление в рамках рынка товаров и услуг, взаимодействий производственно-экономической и социальнопотребностной составляющей (2001 г. – настоящее время), имеющей в качестве своей доминантной основы усиление общественно-полезной функции капитала и его социально-ответственного позиционирования (Титова, 2010).

Таблица 1

Этапы становления социально-ориентированного маркетинга, нашедшие отражение в зарубежной литературе*

Этап	Содержание	Концепции, разработанные на данном этапе	Представители основных школ маркетинга
До 1960-х годов	Обоснование базиса становления маркетинга в его современном представлении. Маркетинг развивается в контексте концентрации производства, автоматизации, усиления концентрации капитала, создания монополистических союзов, укрупнения масштабов производства, усиления конкуренции	— маркетинг — микс, — жизненного цикла товара, — имиджа товара, — сегментации рынка, — маркетинга, — классического маркетинга — маркетинговых ревизий	П. Друкер, У. Крюзи, Р. Бартел, С. Маккормик, Н. Бодэн, Дж. Дил, Т. Левитт, С. Лэви, Д. Огилви, У. Смит, Дж. МакКиттерик, Э. Шукман
1961-1970	Формирование парадигмы классического маркетинга. Междисциплинарное взаимодействие стратегического управления и маркетинга. Маркетинг приобретает концептуальный характер. Формирование подходов к организации маркетинга: фундаментального, институционального, товарного	 «П» - классификация маркетинг - микс, маркетинговой близорукости, стилей жизни, теория поведения покупателя, расширенная концепция маркетинга 	Дж. МакКартни, Дэй, Винсли, Ф. Котлер, Т. Левитт, У. Лазер, Дж. Ховард, Дж. Шэт, С.Лэви, Р. Ло- терборн
1971-1980	Эра стратегического планирования , акцент на СБЕ, портфельный анализ, используемый при размещении ограниченных ресурсов	— стратегического маркетинга, — социального маркетинга, — демаркетинга, — позиционирования товара, — маркетинга услуг	Дж. Зальтман, Ф.Котлер, БКГ, Ж.Ж. Ламбен, С. Лэви, Э.Райз, Дж.Траут, Л. Шостак
1981-1990	Период главенствования стратегического управления Понимание маркетинга как философии бизнеса. Эра стратегического управления с использованием инструментария маркетинга	— социально-ответственного маркетинга, — маркетинговых войн, — внутреннего маркетинга, — глобального маркетинга, — прямого маркетинга	БКГ, Ж.Ж. Ламбен, Ф.Котлер, Р.Синг, Э.Райз, Дж. Траут, К. Гронрус, Т. Левитт, Б. Джексон
1991-2000	Этап развития маркетинга, ориентированного на потребителя: концептуальная установка развития маркетинга на производство товаров и услуг, которые в дальнейшем точно будут реализованы потребителем	— индивидуализированного маркетинга, — интегрированного маркетинга, — этического маркетинга, — маркетинга партнерских взаимоот- ношений	Ф. Котлер, Г. Арм- стронг, В. Вонг, Дж. Сондерс, Н. Ли
2001- на- стоящее время	Эра активного поиска новых форм организа- ции бизнеса, отвечающих требованиям повы- шения гибкости, адаптивности, использования современных IT — технологий	— маркетинга взаимодействия — социально ориентированного мар- кетинга, — интерактивного маркетинга — маркетинга человеческих стремлений, ценностей — цифрового маркетинга	Ф.Котлер К. Вертайм, Ян Фен- вик, Дж. Траут

^{*} Составлено автором самостоятельно на основе (Keith, 1960; Котлер; 1998; Бутчер, 2004; Третьяк, 2006)

Учитывая тенденции эволюции маркетинговой целеориентации компаний в направлении социально ориентированной модели маркетинга, важным представляется уточнение определения категории социально ориентированного маркетинга.

Проблемой определения понятия *«социально-ориентированный маркетинг»* занимались многие отечественные авторы. В их числе Г.Г. Абрамиашвили, А.Н. Асаул, Г.Л. Багиев, И.С. Березин, Б.М. Голодец, Е.П. Голубков, С.А.Захарова, Н.П. Кетова, Н.Я. Колюжнова, А.П. Панкрухин, А.Я. Якобсон, и др. Определения вышеперечисленных авторов целесообразно представить в соответствии с критерием очередности появления термина «социальный маркетинг» в литературе.

Обобщение представленных определений авторов позволяет предложить следующее авторское определение социального маркетинга.

**Mexahusm реализации концепции социальной ответственности бизнеса посредством использования инструментов маркетинговой деятельности, ориентированной на модернизацию системы рыночных отношений в направлении формирования набора социальных взаимодействий, обеспечивающих рост благосостояния отдельных потребителей и общества в целом, при соблюдении требований рационального использования всех ресурсов и достижения соответствующих социальных стандартов. Под благосостоянием в данном определении понимается совокупность материальных, духовных, социальных благ, которыми владеет субъект благосостояния и использует для удовлетворения своих потребностей.

 Таблица 2

 Трактовки понятия «социальный маркетинг» в работах современных российских авторов°

Автор	Наименование термина	Содержания термина	Ссылка на литературный источник
Г.Г. Абрамишвили	Социальный маркетинг	Совокупность методов осуществления социальных программ государственными и общественными организациями, а также социальные аспекты деятельности рыночных корпораций	Абрамишвили Г.Г., Война В.А., Трусов Ю.Ф. Операция «маркетинг». М.: Международные отношения. 1976.
С.А. Захарова	Социальный маркетинг	Установление нужд, потребностей и интересов целевых рынков и обеспечение желаемой удовлетворенности более эффективными, чем у конкурентов, способами с единовременным сохранением и укреплением благополучия потребителя и общества	Захарова С.А. Кризис индустриализма и концепция социального маркетинга // Маркетинг. 1996. № 5. С. 3-7.
И.С. Березин	Этико-социальный маркетинг	Изучение и формирование потребностей покупателей и удовлетворение их более эффективными методами, чем конкуренты, при условии повышения благосостояния всех членов общества	Березин И. Маркетинг и исследования рынков. М., 1999. С. 121
Е. П. Голубков	Социально- этический маркетинг	Представляет собой маркетинговую деятельность по наиболее полному и эффективному удовлетворению выявленных запросов потребителей, более эффективно, чем конкуренты, а также поддержанию и улучшению благосостояния как отдельных потребителей, так и общества в целом	Е.П. Голубков Основы маркетинга. М., 1999. С. 49-55
Г.Л. Багиев А.Н. Асаул	Социальный маркетинг	Маркетинговая деятельность, связанная с разработкой, реализацией и контролем социальных программ, на- правленных на повышение уровня восприятия опре- деленных слоев общественности к социальным идеям или практическим действиям	Г. Л. Багиев, А. Н. Асаул. Организация предпринимательской деятельности. СПб.: Питер, 2000. С. 63
А.П. Панкрухин	Социально- ориентированный маркетинг	Маркетинговая деятельность, связанная с решением новых глобальных проблем человечества -экологических, этических, воспитательных, - порожденных развитием постиндустриального общества.	Панкрухин А.П. Маркетинг. 3-е изд. М.: Омега-Л, 2005. С. 19
Н.Я. Колюжнова, А.Я. Якобсон	Социальный маркетинг	Направление, использующее инструменты маркетинга для улучшения жизни отдельных людей, и всего обще- ства в целом	Маркетинг — общий курс. под ред. Н.Я. Колюжновой А.Я. Якобсона. М.: Изд-во Омега-Л. 2006. С. 212
Н.П. Кетова	Маркетинг человеческих стремлений, ценностей и духа	Исследование и последующий учет требований, устремлений и предпочтений (в т.ч. нематериаль- ного характера) реально сложившихся и потен- циальных потребителей на конкретном сегменте рынка, а также формирование предложения в со- ответствии с выявленными требованиями	Кетова Н.П. Сущность маркетинга, его задачи, основные направления развития //Маркетинг и коммуникации в бизнесе: сборник публ. № 19. Ростовн/Д. Изд-во АкадемЛит, 2012. С. 3-17

^{*} Составлено автором посредством систематизации наиболее значимых работ отечественных исследователей

Таким образом, изучение проблемы выявления эволюции целеориентации маркетинговой деятельности компаний в направлении усиления социальных приоритетов позволяет сделать ряд выводов:

- 1. Тенденция усиления социальных приоритетов в маркетинговой деятельности современных бизнес-структур предопределяется все большей социализацией общества, возрастающей ролью удовлетворения социальных потребностей людей в общей системе их ценностей, а также переформированием ориентиров компаний с максимизации прибыли на удовлетворение социально значимых потребностей не только потенциальных потребителей, но и всех членов общества.
- 2. Появление социальной направленности в деятельности явилось своего рода ответом на появление определенных социальных проблем в обществе, и как следствие выражением недовольства со стороны потенциальных потребителей. В результате возникла необходимость направления маркетинговых усилий компаний на построение долгосрочных отношений с потребителем и обществом в целом, определение баланса в системе «потребности производство», оценка возможностей и пределов удовлетворения запросов потребителей.

3. Социально-ориентированный маркетинг представляет собой вид деятельности по модернизации системы рыночных отношений в направлении формирования набора социальных взаимодействий, направленных на согласование интересов потребителей, общества и бизнеса, (с учетом социально обоснованных нормативов). Его основными задачами являются поддержание, при этом, роста благосостояния отдельных потребителей и общества в целом, а также соблюдение требований рационального использования всех ресурсов и достижения соответствующих социальных стандартов.

ЛИТЕРАТУРА

Блайт Дж. (2003). Основы маркетинга: Изд-во: «Знание – Пресс», С. 25-29.

Бутчер С. (2004). Программы лояльности и клубы постоянных клиентов. М.: Вильямс, С. 45.

Кетова Н.П., Федотова А.Ю. (2006). Стратегия рыночного поведения предприятий сферы потребительских услуг: адаптация к принципам социально-ориентированного маркетинга. Изд-во СКНЦ Вш, С. 87.

Титова Л. (2010). Концептуальное обоснование системной модели социально-этического маркетинга и ее востребованности в современной рыночной экономике. *РИСК*. № 1. С. 74-79.

Третьяк О.А. (2006). Эволюция маркетинга: этапы, приоритеты, концептуальная база, доминирующая логика. Российский журнал менеджмента. Т. 4. № 2. С. 135.

Хачатурян Х.В. (2006). Становление социально ориентированного маркетинга как управленческого феномена. *Ста- тистика Украины*. № 3. С. 104-107.

Феофанов О.А. (1974). США: реклама и общество. М., Изд-во: «Мысль». С. 19, 59.

Keith R.J. (1960). The marketing revolution. *Journal of Marketing*. № 24. P. 35–38.

Kotler F., Armstrong G. (1998). Principles of Marketing. P. 541-545.

Fullerton R.A. (1988). How modern is modern marketing? Marketing's evolution and the myth of the production era. Journal of Marketing. № 52. P. 108–125.

REFERENCES

Blythe J. (2003). Marketing bases: Publishing house: "Knowledge – the Press", P. 25-29. (In Russian).

Butcher S. (2004). Loyalty program and clubs of regular customers. M: Williams, P. 45. (In Russian).

Feofanov O.A. (1974). USA: advertising and society. M, Publishing house: "Thought". P. 19, 59. (In Russian).

Fullerton R.A. (1988). How modern is modern marketing? Marketing's evolution and the myth of the production era // Journal of Marketing. No. 52. P.108–125.

Keith R.J. (1960). The marketing revolution. Journal of Marketing. No. 24. P. 35–38.

Ketova N.P., Fedotova A.Yu. (2006). Strategy of market behavior of the enterprises of the sphere of consumer services: adaptation to the principles socially – the focused marketing. Publishing house of SKNTs of Vsh, P. 87. (In Russian).

Khachaturian H.V. (2006). Formation of socially focused marketing as administrative phenomenon. Statistics of Ukraine. No. 3. P. 104-107. (In Russian).

Kotler F. Armstrong G. (1998). Principles of Marketing. P. 541-545.

Titova L. (2010). Conceptual justification of system model of social and ethical marketing and its demand in modern market economy. *RISK*. No. 1. P. 74-79. (In Russian).

Tretiak O.A. (2006). Marketing evolution: stages, priorities, the conceptual base, dominating logic. *The Russian journal of management*. Tom 4. No. 2. P. 135. (In Russian).

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ И НАПРАВЛЕНИЙ РЕФОРМЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В ПОСТРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

РОЖКОВ В.А.,

кандидат экономических наук, Северо-Кавказский научный центр высшей школы, Южный федеральный университет, e-mail: 2420070@mail.ru

В статье предлагается авторский подход к модернизации принципов и направлений реформирования энергетической отрасли, учитывающих положительные и негативные последствия предыдущих этапов реформ.

Ключевые слова: реформирование; энергетическая отрасль; положительные и негативные последствия предыдущих этапов реформ.

THE EVOLUTION OF THE PRINCIPLES AND DIRECTIONS OF REFORM OF THE ENERGY SECTOR IN THE POST-REFORM PERIOD

ROZHKOV V.A.,

Candidate of economic scienses, North Caucasian Scientific Center of High School, Southern Federal University, e-mail: 2420070@mail.ru

In article being offered author's approach to modernization of the principles and the direction of reforming of the power branch, considering positive and negative consequences of the previous stages of reforms.

Keywords: reforming; power branch; positive and negative consequences of the previous stages of reforms.

JEL classification: 013, Q43.

Последовательный переход России от сырьевой экономики к инновационной является важнейшей задачей национального масштаба, требующей консолидации усилий и потенциала разных уровней управления – от федерального до отдельных промышленных предприятий. При этом модернизационными преобразованиями, в силу объективных причин, в первую очередь должны быть охвачены основные производственные фонды базовых отраслей, в числе которых электроэнергетика, которая по своей системообразующей роли в экономике сопоставима только с нефтегазовым комплексом страны. Это подтверждают также неоднозначные результаты прошедших трех этапов реформы PAO «ЕЭС России», свидетельствующие не только о кардинальных изменениях в структуре и производственной базе отрасли (которые были направлены на повышение энергоэффективности), но также и об отрицательных последствиях реформирования. Результаты ретроспективного анализа функционирования отрасли, сформировавшие базовую платформу для ее масштабного реформирования, показывают, что негативные тенденции в российской электроэнергетике сформировались еще в 1980-х гг., когда в условиях спада отечественной экономики энергетика стала фактическим донором для других отраслей промышленного сектора страны. Ланная ситуация преимущественно складывалась под влиянием макроэкономических факторов, но большую роль играли также неплатежи, поскольку применяемый в тот период подход к формированию цен в отрасли на основе издержек (в тарифы включались все фактические расходы) стал причиной практического отсутствия стимулов к снижению производственных затрат энергетическими компаниями. Низкая прозрачность деятельности и невозможность в силу этого достоверного определения рационального объема ресурсов, необходимых для их устойчивого функционирования и развития, а также сдерживание тарифов государством в сопряжении с неоправданно завышенными производственными издержками имели следствием то, что к началу реформ убыточными считались более половины предприятий отрасли.

Наличие перечисленных, а также целого ряда других факторов (существование оптовых перепродавцов электроэнергии, задолжавших энергетикам огромные суммы, но не имеющих практически никакой ответственности за них; сильное влияние политических, институциональных, человеческих и других факторов на процесс формирования тарифов на электроэнергию; использование модели перекрестного субсидирования, в соответствии с которой потребители – промышлен-

ные предприятия были вынуждены переплачивать за электроэнергию и осуществлять дотацию населения; практическое отсутствие у энергетиков реальных мотивационных факторов к сокращению производственных издержек, а у потребителей – к экономии электричества) определило базис структурной перестройки всей работы энергетической отрасли России. Она выразилась в разделении естественно-монопольных (диспетчеризация и транспорт) и конкурентных (сбыт и генерация электроэнергии) видов деятельности с целью внедрения цивилизованных рыночных отношений в конкурентном секторе отрасли.

В результате проведенной реформы вертикально интегрированные компании, совмещавшие производство, передачу, распределение и сбыт электроэнергии, были разделены по видам деятельности: монопольные (передача, распределение и диспетчерское управление) переданы под полный государственный контроль, а конкурентные, которые могут привлечь частное финансирование (генерация, сбыт, сервис) — частным инвесторам. В рамках этой основной цели реформ бизнес приобретает доминирующее влияние, постепенно охватывая все виды оперативно-хозяйственной конкурентной деятельности, с одновременным снижением сферы влияния государства, которая ограничена управлением естественномонопольным сегментом отрасли, обеспечивающим надежность функционирования энергосистемы. Иными словами, созданные в ходе реформы новые самостоятельные компании специализируются на определенных видах деятельности (генерация, передача электроэнергии и др.) и контролируют соответствующие им профильные активы. Они по своему масштабу превосходят прежние монополии регионального уровня, поскольку объединяют профильные предприятия сразу нескольких регионов, либо имеют общероссийский статус (Гевондян, 2009).

Таким образом, к числу отрицательных итогов проведенной реформы электроэнергетики можно отнести следую-

- растет уровень задолженности на оптовом рынке электроэнергии (ОРЭМ) страны, который по состоянию на 1 января 2013 г. достиг 58,3 млрд руб. (за 2012 г. долги выросли на 70%);
- параллельно с возрастающим воровством электроэнергии энергетика становится все более дорогой и все более недоступной для конечного потребителя: за последние 5 лет тарифы на электроэнергию для предприятий выросли в 2 раза;
- подтверждаемая реальной практикой неправильная основа расчленения единого технико-технологического комплекса на монопольные и конкурентные секторы;
- несмотря на определенные достижения в виде появления новых подстанций, современных энергоблоков и ЛЭП, тарифы являются чрезмерно высокими для потребителя: с января 2011 г. цены на услуги по передаче электрической энергии (за исключением цен для населения) стали формироваться на «свободном рынке», ввиду чего во многих регионах стоимость этих услуг выросла с начала года более чем на треть, а в некоторых более чем на 40% (табл. 1).
- с 2006 по 2008 гг. из-за роста энергопотребления Россия оказалась в ситуации катастрофического дефицита мощностей сразу в целом ряде регионов; в 2008 г. начался рост вводов, основная часть которых приходится на 2011-2012 гг. и др. (рис.1).

Несмотря на эти факты, в конце марта 2013 г., в канун десятилетия закона «Об электроэнергетике», заместитель главы Министерства энергетики объявил, что реформации в электроэнергетике стали единственной инфраструктурной реформой, которая реализована полноценно. В результате прошедших преобразований были созданы рыночные механизмы, перестроено государственное регулирование, создана новая нормативно-законодательная платформа и модернизированная техническая база. Относительно успешной можно также считать налоговую реформу с переходом на плоскую шкалу налогообложения.

Однако он тоже отметил, что в процессе реформирования отрасли не все было сделано правильно. Список провалов реформы, по его мнению, состоит в следующем: сохранение монополизма, неоправданный рост цен, недостаточные объемы инвестиций в инновации, низкая надежность системы. Кроме того, реформа не затронула рынок тепла, и если в электроэнергетику удалось привлечь инвестиции в объеме более 1 трлн руб., то тепло выпало из фокуса. Поэтому первый приоритет на текущем этапе реформ в отрасли – изменения, связанные с рынком тепла. Вторая сфера, которая, по мнению замминистра, требует доработки – это розничный рынок электроэнергии: на текущий момент в рознице конкуренции нет, примерно 80% потребителей в регионе покупают электроэнергию у одного поставщика.

Таблица 1

Цены на электроэнергию до и после реформы

Регион*	2003	2013**	
Москва ***	1,05	4,5	
Московская область	0,98	4,01	

^{* —} однотарифный учет с применением одноставочного тарифа ** — с 1 июля 2013 года *** — для домов с газовыми плитами. Источник: Мосэнерго, ФСТ, Комитет по ценам и тарифам Московской области

Представляется, что спектр новых направлений продолжающейся реформы может быть значительно расширен за счет представленных в табл. З последствий предыдущих преобразований и сформировавшихся в отрасли проблем. При этом следует учитывать, что новое реформирование электроэнергетики России предполагает решение очень сложной и в определенном смысле противоречивой задачи: с одной стороны, обеспечить бесперебойное и надежное снабжение всех

потребителей электроэнергией, а с другой — снизить тарифы на электроэнергию и повысить энергоэффективность. Эта амбивалентная задача предусматривает, во-первых, сохранение единства функционирования и управления Единой энергетической системой (ЕЭС) страны, во-вторых, требует создания определенной конкурентной среды в сфере производства и потребления электроэнергии, что, по мнению ряда специалистов, является невозможным. Более того, сложность решения этой задачи дополняется важнейшей инфраструктурной ролью данной отрасли в экономике страны.

Таблица 2

Рост цен на электроэнергию для населения в сравнении с инфляцией

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Электроэнергия для населения, %	16,6	18	18	16,7	13	14	25	10	9,6	3	10,6*
Индекс потребительских цен, %	12	11,7	10,9	9	11,9	13,3	8,8	8,8	6,1	6,6	6*

^{* –} прогноз Источник: Минэкономразвития РФ, Росстат

Таблица 3

Основные последствия реформы PAO «ЕС России» и направления реформирования электроэнергетики на современном этапе

Период 2000—2005	Период 2006—2008	Период 2009—2013
Реализация реформ и модернизация	«Обкатка» системы – эволюция реформ	Регресс системы
системы электроэнергетики	Что планировалось:	Что сделано:
	- создать рынок мощности;	- ужесточение предельного роста
	- отказаться от перекрестного субсидирования;	отпускной цены за счет регулиро-
	- отказаться от регулирования конечных цен на	вания конечных тарифов;
	электроэнергию;	- устранение конкуренции в сбы-
	- отказаться от регулирования цен на оптовом	товой сфере: доминируют гаранти-
	рынке;	рующие поставщики;
	- внедрить прозрачное тарифное меню и конку-	- устранение конкуренции в гене-
	r ·	рации: регулирование через НП
	1 ' ' '	ATC;
	новой системы долгосрочных тарифов.	- депрессия в сетях (затратное
	Проблемы мирового финансового кризиса и сни-	регулирование);
	жение потребления по сравнению с плановыми	- рост перекрестного субсидиро-
	параметрами привели к системной неэффек-	вания;
	тивности отрасли и резкому вмешательству	- начало функциональной концен-
	государства в управление в части отказа от	трации (сети, сбыты, генерация).
	эволюции реформы по вышеназванным направ-	
	лениям	

Как следует из табл. 3, необходимо кардинальное изменение не только экономической, но и организационной идеологии модернизационных преобразований в отрасли, что продиктовано дополнительно современными условиями геополитической стабильности и безопасности. В ужесточающейся гонке технологического превосходства глобальной целью, несомненно, является всесторонняя независимость государства с сохранением целостности своих территорий. Опасность превращения суверенного государства в сырьевой придаток развитых стран заставила пересмотреть стратегические направления развития энергетической отрасли в направлении повышения энергоэффективности. Ключевой задачей в данном контексте является устранение масштабного морального старения и физического износа коммуникаций и оборудования, из-за чего энергетическая отрасль как индикатор и драйвер экономического роста является ярким примером назревшего технологического кризиса (Галяев, 2011).

Кроме того, на эффективность и качество использования потенциала энергокомпаний и отрасли в целом в новой рыночной среде влияют долгосрочные интересы государства и бизнеса, которые определяют масштабы их участия в перспективной деятельности и распределение функций в сфере планирования и финансирования инвестиций в проекты инновационного характера. В то же время согласование интересов бизнеса и государства в этой жизненно важной сфере сопряжено с целым комплексом проблем как общенационального характера (совершенствование оптового рынка электроэнергии, активизация инновационных процессов, рыночное ценообразование и др.), так и внутрифирменного, включая развитие механизма управления экономическим потенциалом электроэнергетических компаний. Поэтому в новой экономической модели современного этапа реформирования отрасли должна реализовываться идея баланса интересов государства как макрорегулятора и собственников бизнесов (с особым позиционированием в их составе квазисобственника – государства). Главным противоречием данной модели является то, что для достижения социально-политического эффекта необходимо снижать цену продукции электроэнергетики (а значит, затраты электроэнергетических компаний), но при этом снижается также прибыль от владения объектами собственности в отрасли и от вкладываемых в реализуемые проекты инвестиций (следствием последнего может явиться замедление инновационных процессов в энергетике). Решение указанного противоречия, как представляется, лежит в плоскости определения взаимовыгодных схем и тех-

нологий совместной деятельности государственных и бизнес-структур, в том числе в рамках проектов инновационной направленности. Одновременно отметим, что внедрение рыночных отношений не обязательно предполагает дробление интегрированных структур.

Таким образом, последствия (как положительные, так и негативные) прошедших реформаторских преобразований в энергетической сфере поставили множество вопросов и выявили большое количество новых проблем, устранение которых потребует активизации потенциала руководителей разного уровня, практиков, а также представителей научного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

Гевондян А.С. (2009). Основные направления реформирования электроэнергетики как императива нового подхода к управлению корпорациями. Современные информационные технологии в экономической деятельности. Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ.

Галяев А.Н. (2011). Повышение энергоэффективности в электросетевом комплексе: организационно-экономические аспекты. Автореф. канд. дис. Краснодар.

REFERENCES

Galyaev A.N. (2011). Improving energy efficiency in the electric grid complex: organizational and economic aspects. The Abstract. Krasnodar. (In Russian).

Ghevondyan A.S. (2009). The main directions of reforming the electric power industry as an imperative of the new approach to the management of corporations. Modern information technology in economic activity. Rostov-on-Don: Publishing House of the SFU. (In Russian).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

ГУРОВА Е.А.,

аспирант кафедры «Налоги и налогообложение», Северо-Кавказский федеральный университет, e-mail nalogi@ncstu.ru

В статье приводятся базовые определения, а также аргументирована взаимосвязь понятий «информационные ресурсы» и «инновационный потенциал» в аспекте рассмотрения источников и движущих сил внедрения нововведений. В результате исследования сделан вывод о том, что между инновационной деятельностью и информационными ресурсами существует тесная взаимосвязь, которая обосновывается следующими обстоятельствами: появление инноваций происходит в результате интеллектуальной деятельности человека, что относится и к информационному ресурсу; наиболее производительная и ценная часть инноваций – базисные – в настоящее время основывается, в первую очередь, на достижениях науки, которые, в свою очередь, являются источником важнейшей части информационного ресурса; интерактивная и нелинейная модели инновационного процесса включают в себя элементы, выступающие в роли источника инновационных идей; информационный ресурс представляет собой важную составную часть инновационного потенциала организации. Рассмотренные концепции движущих сил инновационного процесса включают научные знания, информацию и информационный ресурс как существенную предпосылку или условие инновационной деятельности. Актуализация роли последних предполагает необходимость осуществления непрерывного анализа факторов развития для устранения возможных отклонений от целевой траектории.

Ключевые слова: информационные ресурсы; инновационный потенциал; организация; задачи инноваиионной деятельности.

FEATURES OF FORMATION AN ORGANIZATION INNOVATIVE POTENTIAL

GUROVA E.A.,

graduate student at the department «Taxes and taxation»,
North-Caucasian Federal University,
e-mail nalogi@ncstu.ru

In article basic definitions are given, and also the interrelation of the concepts «information resources» and «innovative potential» of aspect of consideration of sources and driving forces of innovations is reasoned. As a result of research the conclusion that between innovative activity and information resources exist close interrelation is drawn. which locates following circumstances: emergence of innovations results from intellectual activity of the person that treats and information resource; the most productive and valuable part of innovations – basic – is based now, first of all, on achievements which, in turn, are a source of the major part of information resource; interactive and nonlinear models of innovative process include the elements acting as a source of innovative ideas; information resource represents an important component of innovative capacity of the organization. The considered concepts of driving forces of innovative process include knowledge, information and information resource as the essential precondition or innovative activity, updating of a role of the last assumes need of implementation of the continuous analysis of factors of development, for the purpose of elimination of possible deviations from a target trajectory.

Keywords: information resources; innovative potential; organization; problems of innovative activity.

JEL classification: 031, 032.

Современный процесс трансформации экономики обуславливает необходимость совершенствования механизма управления организацией. В этой связи требуется теоретическое обоснование и глубокое научное осмысление путей разрешения указанной проблемы. Перспективным направлением в этой части выступает совершенствование информационной составляющей инновационной деятельности хозяйствующих субъектов. Для обоснования актуальности вышеу-

казанного отметим отсутствие общепринятых отечественными исследователями теоретико-методических подходов, раскрывающих содержание данной категории, а известный зарубежный опыт не всегда применим. С учетом этого следует рассмотреть и дополнить базовые определения, а также разработать принципиальные методические положения анализа понятий «информационные ресурсы» и «инновационный потенциал».

Актуальность инновационной деятельность для развития экономики определяется тем, что она представляет собой мощный катализатор бизнес-отношений, современное средство усиления предпринимательской активности, носитель массива информационных данных для принятия рациональных решений, способствуя достижению как коммерческого успеха организации, так и общественного прогресса в целом.

Д.И. Кокурин, определяя сущность инновационной деятельности, рассматривает два аспекта (Кокурин, 2001):

- ◆ в широком смысле момент жизнедеятельности общества, включающий естественные и искусственные, социально-политические, экономические и другие факторы развития общества;
- ◆ в узком смысле инновационная деятельность направлена на обеспечение нового уровня взаимодействия факторов производства благодаря использованию новых научно-технических знаний.

По мнению Ю. Яковца, основной ресурсной базой развития страны является инновационный потенциал. Потенциал (лат. potentia – сила) – средства, запасы, источники, которые могут быть использованы для решения определенной задачи, достижения цели, реализации возможности отдельного лица, общества, государства в некоторой области. Инновационный потенциал представляет собой совокупность ресурсов, позволяющих внедрять нововведения в производственной сфере, т.е. включает в себя коммерциализацию научно-технических разработок (Яковец, 2005).

В современных экономических исследованиях категории «инновационный потенциал» и «научно-технический потенциал» (НТП) часто отождествляются. По нашему мнению, второе понятие преимущественно определяет перспективы разработки и внедрения технико-технологических новшеств, в тоже время первое – полный комплекс различного рода нововведений с использованием природных, информационных, интеллектуальных и финансовых ресурсов. Последние общество использует в научно-технической деятельности для достижения следующих целей (Саркисов и др., 2011):

- создания новых видов и совершенствования выпускаемой продукции;
- интенсивного развития производства;
- изменения характера труда;
- повышения эффективности общественного воспроизводства.

Инновационный потенциал играет важную роль в решении конкретных технических, экономических и социальных задач. Основная задача инновационной деятельности организации — устойчивое функционирование и развитие хозяйствующего субъекта посредством выпуска качественно нового ассортимента продукции и усовершенствование методов производства, доставки и реализации инновационных товаров (Яковец, 2005). Рассматриваемый вид деятельности компании включает выполнение значительного спектра следующих частных задач:

- ♦ замены устаревшего ассортимента продукции;
- сохранения или увеличения доли на рынке;
- повышения гибкости производства;
- сокращения ряда издержек производства посредством снижения следующих показателей: удельные трудозатраты, удельное потребление материалов, энергопотребления, уровень отбраковки изделий, издержки на разработку новых изделий;
- повышения качества выпускаемых товаров;
- улучшения условий трудовой деятельности;
- снижения экологической нагрузки.

Г. Калитич утверждает, что инновационный потенциал заключается в способности и готовности организации осуществить эффективную инновационную деятельность. Способность – это наличие и сбалансированность структуры потенциала (ресурсов, необходимых для инновационной деятельности). Готовность – это достаточность уровня развития потенциала и имеющихся ресурсов для осуществления инновационной деятельности» (Калитич, 1999).

Анализ современных исследований по указанной проблеме подтверждает то, что инновационный потенциал необходимо рассматривать в качестве обобщающей характеристики наличия и качества ресурсов, требуемых для осуществления инновационной деятельности (Кокурин, 2001). К рассматриваемым видам ресурсов следует отнести:

- человеческий капитал;
- ♦ материально-техническую базу;
- финансовые ресурсы;
- информационные ресурсы.

Ресурсная составляющая инновационного потенциала является фундаментом для его формирования. По мнению С.И. Дворецкого, человеческий капитал не просто выполняет обеспечивающую функцию (как все остальные), а выступает основной креативной силой. Это совокупность проинвестированных общественно целесообразных производственных и общечеловеческих навыков, знаний, способностей, которыми владеет человек, неотделимых от него и практически используемых в повседневной жизни (Матвейкин и др., 2007).

Материально-техническая база, являясь вещественной основой, определяет технико-технологическую базу потенциала, которая впоследствии будет влиять на масштабы и темпы инновационной деятельности (Кокурин, 2001).

Финансовые ресурсы, как отмечает Г.М. Добров, входят в состав ресурсной составляющей инновационного потенциала как органичное единство наличных ресурсов и неиспользованных возможностей их альтернативного вложения. Таким об-

разом, они характеризуются совокупностью источников и запасов финансовых возможностей, которые есть в наличии и могут быть использованы для реализации конкретных целей и заданий. При этом их объем отображает финансовую мощь, способность системы принимать участие в создании материальных благ и предоставлении услуг (Добров, 1987).

Г. Калитич утверждает, что информационные ресурсы (такие активные формы, как базы знаний, модели, алгоритмы, программы, проекты и т.д.), подобно ферменту, переводят материальные факторы из латентного состояния в активное. Данный вид ресурсов, в отличие от прочих, практически неисчерпаем. С развитием общества и активизацией использования знаний запасы информационного ресурса не уменьшаются, а напротив, увеличиваются. При этом этот вид ресурсов не самостоятелен и сам по себе имеет лишь потенциальное значение, только объединившись с другими ресурсами – опытом, трудом, квалификацией, техникой, технологией, энергией, сырьем, он появляется в «кинетике» как движущая сила инновационного потенциала (*Калитич*, 1999).

По нашему мнению, между инновационной деятельностью и информационными ресурсами существует тесная взаимосвязь. Такая точка зрения обосновывается следующими обстоятельствами:

- появление инноваций происходит в результате интеллектуальной деятельности человека, что относится и к информационному ресурсу;
- интерактивная и нелинейная модели инновационного процесса включают в себя элементы, выступающие в роли источника инновационных идей. При этом содержание названных элементов является информационным ресурсом. Кроме этого, последний выступает и в другом качестве в названных моделях: как результат промежуточных стадий (исследований и разработок);
- информационный ресурс представляет собой важную составную часть инновационного потенциала организашии.

Таким образом, все концепции движущих сил инновационного процесса в той или иной форме содержат научные знания, информацию и информационный ресурс как существенную предпосылку или условие инновационной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Добров Г.М. (1987). Научно-технический потенциал: структура, динамика, эффективность. Г.М. Добров, В.Е. Тонкаль, А.А. Савельев и др. Киев: Наукова думка, 347 с.

Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития: монография. (2007). В.Г. Матвейкин, С.И. Дворецкий, Л.В. Минько, В.П. Таров, Л.Н. Чайникова, О.И. Летунова. М.: «Издательство Машиностроение-1», 284 с. Калитич Г. (1999). Функционально-информационный синтез НТИР. Г. Калитич. Экономика Украины. № 10. С. 36–45. Кокурин Д.И. (2001). Инновационная деятельность. М.: Экзамен.

Кузьменко В.В. (2002). Состояние и источники воспроизводства основных средств. В.В. Кузьменко, И.П. Кузьменко. *Аграрная наука*. № 25. С. 12–13.

Саркисов В.Б. (2011). Обоснование селективной поддержки инновационных проектов. В.Б. Саркисов, И.П. Кузьменко. Вестник Адыгейского государственного университета. Выпуск 1(73). Майкоп: АГУ, С. 178–182.

Яковец Ю.В. (2005). Прогноз инновационного развития России на период до 2050 года с учетом мировых тенденций. Инновации. № 2.

REFERENCES

Dobrov G.M. (1987). Scientific and technical potential: the structure, dynamics and efficiency. G.M. Dobrov, V.E. Tonkal, A.A. Saveliev, and others, Naukova Dumka, 347 p. (In Russian).

Innovation potential: current state and prospects of development: monograph. (2007). V.G. Matveykin, S. Butler, L. Minko, V.P. Tarov, L.N. Chainikova, O.I. Letunova. M.: "Publishing Mashinostroyeniye-1", 284. (In Russian).

Kalitich G. (1999). Functional and informative synthesis STIR. G. Kalitich. Ukraine's economy. No. 10. Pp. 36-45. (In Russian)

Kokurin D.I. (2001). Innovative activities. M. Examination. (In Russian)

Kuz'menko V.V. (2002). The state and the reproduction of the main sources of funds. V.V. Kuzmenko, I.P. Kuz'menko. Agricultural science. No. 25. S. 12–13. (In Russian)

Sarkisov V.B. (2011). Rationale for selective support of innovative projects. V.B. Sarkisov, I..P Kuz'menko. Bulletin of Adygian State University. Issue 1 (73). Maikop: ASU, pp. 178–182. (In Russian).

Yakovets V. (2005). Weather innovative development of Russia until 2050, taking into account global trends. Innovation. No. 2. (In Russian).

 $^{\circ}$

ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТРУМЕНТОВ СНИЖЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЗАГРЯЗНЕНИЙ

АФАНЕСЯН М.К..

преподаватель, Пятигорский государственный технологический университет, e-mail: kuchurashca@rambler.ru

Производственная сфера — основной источник загрязнения окружающей среды (в том числе и трансграничного). Осуществить экологизацию производственной сферы позволяет набор инструментов регулирования загрязнений. Основная сложность ее решения состоит в определении четкой, экономически обоснованной базы принятия решений, обеспечивающей достижения согласованности интересов различных сторон, участвующих в регулировании трансграничного загрязнения.

Приоритетным направлением снижения трансграничного загрязнения является выработка стратегий снижения негативного воздействия на окружающую среду для каждой из странучастниц конкретной зоны трансграничного загрязнения, а также совершенствование инструментов регулирования трансграничных загрязнений.

Ключевые слова: трансграничное загрязнение; экология; инструменты экологического регулирования.

APPROACHES TO ENHANCE THE EFFECTIVENESS OF THE INSTRUMENTS TO REDUCE CROSS-BORDER POLLUTION

AFANESJAN M.K.,

lecturer,

State Technological University, Pyatigorsk, e-mail: kuchurashca@rambler.ru

Manufacturing sector – the main source of pollution of the environment (including cross-border). Implement the greening of industrial sphere allows a set of instruments for regulating pollution. The main difficulty of solving it is to define a clear, economically sound decision-making framework that will promote coordination of interests of the various parties involved in the regulation of cross-borderpollution.

The priority to reduce cross-border pollution is to develop strategies to reduce the negative impact on the environment for each of the participating countries a specific area of cross-border pollution, and improving regulatory tools transboundary pollution.

Keywords: transboundary pollution; ecology; environmental management tools.

JEL classification: Q57, Q58.

Производственная сфера – основной источник загрязнения (в том числе и трансграничного). Поэтому, экологизация производственной сферы – одно из основных направлений решения проблемы трансграничных загрязнений.

Осуществить экологизацию производственной сферы позволяет набор инструментов регулирования загрязнений.

Инструменты снижения трансграничных загрязнений — это составная часть экологической политики, проводимой государством в этой сфере. Экологическая политика — это целенаправленная деятельность государства по обеспечению экологической безопасности и сохранению естественных ресурсов (Бобылев, Ходжаев, 2003). Сложившиеся к настоящему времени общемировые традиции в области экологической политики требуют использования таких инструментов регулирования, которые позволяют достигать общественных целей в области охраны окружающей среды через индивидуальные решения экономических субъектов. Отсюда следует первая парадигма экологической политики: трансформация общественной цели достижения определенного качества окружающей среды в индиви-

дуальные мотивы поведения субъектов. Вторая парадигма вытекает из первой и выражается в подходе «заказчикисполнитель». Его суть состоит в том, что орган экологической политики выступает в роли заказчика, который хотел бы добиться определенного качества окружающей среды. Исполнителями являются экономические субъекты, которые, действуя в собственных интересах, одновременно обеспечивают достижение этого качества. При этом заказчик исходит из того, что исполнители в первую очередь стремятся к максимизации своего чистого выигрыша. Например, в производственной сфере необходимо считаться с условиями равновесия фирм, максимизирующих прибыль. Поэтому экологический налог должен устанавливаться таким образом, чтобы соблюдалось равенство предельного предотвращенного ущерба и предельных природоохранных издержек. Следовательно, нужны знания в области теории внешних эффектов применительно к проблемам окружающей среды.

Однако на практике применение подхода «заказчик-исполнитель» сталкивается с рядом проблем. Важнейшей из них является асимметричность информации. Орган экологической политики не располагает полной и достоверной информацией о природоохранной деятельности исполнителя (например, о природоохранной технологии). В результате заказчик не в состоянии предвидеть все возможные варианты реакции исполнителя на ту или иную меру экологической политики. Кроме того, другим важным моментом здесь является неопределенность и неоднозначность последствий как загрязнения окружающей среды, так и природоохранной деятельности. Экологическая политика руководствуется несколькими основными принципами.

Принцип альтернативных издержек. Он требует учета альтернативных издержек использования природных ресурсов и экологических благ. Выигрыш от определенного варианта использования должен превышать альтернативные издержки. Это гарантирует рациональность, т. е. наилучшее из возможных применений благ и ресурсов. Например, если окружающая среда используется для размещения отходов, то альтернативные издержки заключаются в потере качества окружающей среды. Такое использование недопустимо, когда эта потеря больше, чем выигрыш от размещения отходов.

Принцип «загрязнитель платит». Он является конкретизацией принципа альтернативных издержек. Требование, чтобы альтернативные издержки общества сопоставлялись с выигрышами само по себе не определяет каким образом эти издержки распределяются между субъектами экономики. В условиях рыночной экономики, когда экономические субъекты принимают самостоятельные решения, важно сопоставлять частные выигрыши от экономической деятельности с общественными альтернативными издержками. В результате альтернативные издержки будут адресованы тем хозяйственным единицам, по вине которых они возникли. Это и составляет суть принципа «загрязнитель платит».

Благодаря использованию этого принципа достигается ряд преимуществ:

- 1) альтернативные издержки охраны окружающей среды распределяются рационально;
- 2) формируется стимул к сокращению и предотвращению загрязнений;
- 3) устраняется разрыв между частными и общественными издержками, и в результате цены товаров наряду с затратами труда и капитала включают экологические издержки.

Однако практическое применение принципа «загрязнитель платит» затруднено по ряду причин. Важнейшей из них является то, что для его реализации необходимо точно установить эмитента, а это не всегда возможно.

Принцип долгосрочной перспективы. Он предполагает, что в случае выбора между охраной или деградацией окружающей среды альтернативные издержки должны определяться не статически, а в долгосрочной перспективе. Часто последствия загрязнения окружающей среды проявляются через длительное время, что порождает экологические риски и неопределенность. Примерами являются накопление ДДТ в пищевых цепочках, разрушение озонового слоя из-за поступления в атмосферу хлорфторуглеродов, проникновение нитритов в системы почвенных и подземных вод. Следовательно, экологическая политика сможет добиться успеха, не только борясь с существующими загрязнениями, но и предупреждая будущие.

Кроме того, долгосрочная ориентация экологической политики необходима и потому, что внедрение в практику и получение результатов некоторых регулирующих инструментов часто требует длительного времени. Например, в Германии прошло 8 лет между принятием закона о платежах за сбросы загрязняющих веществ (1978 г.) и применением полного размера ставки (1986 г.), не считая 5 лет, ушедших на обсуждение проекта закона.

Принцип взаимозависимости. Экологические системы образуют сложную сеть взаимодействий. Поэтому при проведении экологической политики необходимо учитывать перемещение загрязняющих веществ из одних подсистем окружающей среды в другие. Например, запрет на захоронение отходов на свалке может привести к тому, что их будут выбрасывать в воду. Экологическая политика должна быть комплексной, т. е. охватывать все объекты и подсистемы окружающей среды, виды природных ресурсов, а также все известные типы загрязняющих веществ.

Экологическая политика применяет инструменты как прямого (direct), так и косвенного (indirect) регулирования (Шимова, Соколовский, 2005). При выборе определенной модели экологической политики важно подобрать такие инструменты и их комбинации, которые позволят решить конкретную задачу с наибольшей эффективностью. Спецификой экологических проблем является то, что они большей частью не могут быть решены рыночным путем, и поэтому необходимо активное вмешательство государства.

При выборе инструментов экологической политики правительство ориентируется на следующие критерии:

- экономическая эффективность. Поскольку экологическая политика требует расхода ресурсов и ведет к потерям ВНП, необходимо стремиться к минимизации издержек на ее реализацию;
- информационное обеспечение. Необходимо учитывать, какой вид информации требуется, в каком объеме эта информация может быть технически обеспечена и сколько будет стоить;

- издержки управления. Нужен учет расходов на экологический мониторинг и другие формы контроля над применением инструмента экологической политики;
- взаимосвязь с другими видами политики. Следует помнить о взаимодействии и взаимовлиянии различных видов политики, в том числе экономической, а также учитывать наличие оппозиции экологическим решениям со стороны отдельных политических кругов (как правило, промышленных лобби). Например, решение о введении или увеличении экологического налога несовместимо с политикой фискальной экспансии:
- временной лаг. Здесь учитывается разрыв во времени между принятием решения о применении инструмента экологической политики и получением ожидаемого результата. Степень реакции субъектов экономики на отдельные меры экологического регулирования существенно варьируется;
- **степень серьезности экологической проблемы**. Если проблема признана исключительно серьезной, то можно пренебречь критерием экономической эффективности;
- тип проблемы. В зависимости от того, о каких объектах и подсистемах окружающей среды идет речь, применяются различные комбинации инструментов экологической политики. Наиболее известными инструментами прямого эколого-экономического регулирования являются моральное осуждение, а также экологические стандарты и нормативы.

Моральное осуждение предполагает влияние на поведение индивидов с помощью этических норм и общественного мнения. Эффективность применения этого инструмента зависит от ряда социальных, культурных, психологических и др. факторов. Так, моральное осуждение является действенным инструментом эколого-экономического регулирования в странах с давними традициями бережного отношения к природе (например, в Японии).

Однако часто мотив максимизации прибыли оказывается настолько мощным, что заставляет индивида игнорировать мнение общества об этической стороне его поведения. В этом случае необходимо использовать такие внешние регуляторы поведения людей, как правовые нормы. В экологической политике они представлены соответствующими стандартами, лимитами и нормативами.

Экологические стандарты и нормативы широко распространены в практике эколого-экономического регулирования. Типичными их разновидностями являются:

- 1) разрешение на загрязнение окружающей среды в установленном размере;
- 2) обязательство сократить эмиссии загрязняющих веществ на определенную величину в абсолютном или процентном измерении;
 - 3) стандарты на производственные технологии;
 - 4) стандарты на природоохранные технологии;
- 5) нормы содержания загрязняющих и вредных веществ в готовой продукции (например, содержание нитратов или пестицидов в продукции сельского хозяйства);
- 6) нормы на количества загрязняющих веществ, образующихся в процессе потребления продукции (дым, шум, вибрация и т. п.);
- 7) ограничения и запреты на выпуск товаров, производство или потребление которых ведет к загрязнению окружающей среды;
 - 8) ограничения и запреты на деятельность фирм в пределах определенного региона.

Все эти стандарты, нормативы и лимиты устанавливаются в законодательном порядке, и их нарушение предполагает юридическую ответственность. Это является важнейшим преимуществом данного инструмента экологоэкономического регулирования. В случае если экологическое законодательство строго исполняется, состояние окружающей среды действительно можно улучшить, о чем свидетельствует опыт стран Западной Европы. Однако имеется целый ряд недостатков, снижающих привлекательность экологических стандартов и нормативов как инструмента экологической политики.

Во-первых, они не соответствуют критерию экономической эффективности. Это объясняется тем, что стандарты и лимиты разрабатываются на основе усредненных данных без учета индивидуальных различий между субъектами экономики.

Во-вторых, происходит бюрократизация экологической политики, которая лишает ее гибкости в принятии решений. Например, в Германии правительство земли Северный Рейн-Вестфалия пыталось регулировать каждый стационарный источник эмиссии путем выдачи разрешений на загрязнение воздуха в установленном размере. Было выдано более 10 000 таких разрешений. Очевидно, что правительственный орган не может располагать полной информацией по каждому конкретному случаю, и поэтому индивидуальные различия по-прежнему не будут учтены.

В-третьих, поскольку разрешения на загрязнение в установленном размере даются бесплатно (если не учитывать возможность их покупки через взятку чиновнику), игнорируется принцип альтернативных издержек, играюший важную роль в современной экологической политике.

В-четвертых, возникает проблема так называемой «дедовской статьи», суть которой заключается в том, что при введении нового законодательства более строгие экологические стандарты обычно касаются только фирм-новичков, в то время как фирмы, уже действующие в отрасли, получают право определенное время (иногда до 10 лет!) руководствоваться старыми нормами. Все это время будет сохраняться угроза состоянию окружающей среды.

В-пятых, замедляется инновационный процесс. Часто при выдаче разрешения оговаривается использование существующей технологии. Тем самым фирмы лишаются стимула к технологическим инновациям, что снижает их конкурентоспособность на рынках готовой продукции.

Все эти и некоторые другие недостатки инструментов прямого эколого-экономического регулирования могут быть компенсированы путем их комбинации с методами косвенного регулирования, применение которых позволяет решать экологические проблемы с большей эффективностью.

К наиболее распространенным инструментам косвенного эколого-экономического регулирования относятся:

- 1) правительственные субсидии:
- 2) инструменты кредитной системы;
- 3) инструменты системы экологического налогообложения;
- 4) рынок прав (разрешений) на загрязнение окружающей среды;
- 5) инструменты системы страхования.

Субсидии государство предоставляет тем фирмам, которые намерены осуществлять природоохранную деятельность или реализовать экологический инвестиционный проект. Источником субсидий является бюджетное финансирование, а значит, они осуществляются за счет налогоплательщиков и, поэтому, являются случаем применения в экологической политике принципа «платит жертва загрязнения».

Главным недостатком субсидий является то, что они способны стимулировать выпуск экологически «грязной» продукции, вызывая тем самым эколого-экономический ущерб. Получающая субсидию фирма не нуждается во включении природоохранных издержек в цену своей продукции, и поэтому ее продукция будет более дешевой по сравнению с экологически «чистой» продукцией других фирм. Следовательно, субсидии ведут к нарушению действия ценового механизма и препятствуют эффективному распределению ресурсов.

К инструментам системы кредитования относятся процентные ставки и условия кредитования, которые могут быть как льготными, так и дискриминирующими. Они дифференцируются по видам деятельности, размерам процентных ставок, объемам и срокам кредитования. Например, фирмы, активно занимающиеся природоохранной деятельностью, могут претендовать на льготный кредит в случае покупки природоохранного оборудования.

К инструментам системы кредитования также относят режим ускоренной амортизации природоохранного оборудования.

Экологическое страхование выступает преимущественно в виде обязательного страхования экономических объектов, эксплуатация которых связана с высоким риском аварий и катастроф. Размер страхового платежа зависит от потенциального ущерба, а также от оценки вероятности неблагоприятного события. Фирмы, осуществляющие инвестиции в повышение экологической безопасности, могут освобождаться от части выплат. В то же время деятельность фирм, которые игнорируют такое инвестирование, может быть ограничена или запрещена. Существует также страхование от стихийных бедствий, которые могут сопровождаться загрязнением окружающей среды.

Поскольку экологические налоги и рынок прав на загрязнение окружающей среды заслуживают более подробного обсуждения, они рассматриваются в виде отдельных вопросов.

Экологическое налогообложение базируется на принципах интернализации отрицательных внешних эффектов, разработанных А. Пигу (Пигу, 1985). Применение экологического налога требует учета всех возможных вариантов реакции фирмы на его введение. Каждая фирма сталкивается с дилеммой: либо продолжать загрязнять окружающую среду и платить налоги по дискриминирующим ставкам, либо осуществлять природоохранную деятельность с целью получения налоговых льгот.

Приспособление к экологическому налогу предполагает осуществление одного или нескольких действий из числа следующих:

- замена загрязняющих окружающую среду факторов производства более экологически безопасными;
- применение загрязняющих окружающую среду факторов производства в меньшем объеме;
- пересмотр структуры выпускаемой продукции в пользу экологически чистой;
- введение более экологичной технологии производства;
- осуществление природоохранной деятельности;
- использование новых, более экологичных технологий охраны окружающей среды;
- рециркуляция (вторичное использование) отходов производства;
- перемещение в регион с менее жесткими экологическими требованиями.

Любое из перечисленных действий ведет к росту издержек, что сопровождается увеличением цены продукции, производство которой загрязняет окружающую среду. В результате спрос на такую продукцию падает, что вынуждает производителя пересмотреть свои действия или выпускать продукцию в меньшем объеме.

Налоговой базой для экологического налога является точный объем эмиссий, измеренный в соответствующих единицах (тоннах, кубометрах и т. д.). Поскольку на практике такие измерения затруднены или невозможны, в качестве альтернативной налоговой базы могут использоваться отдельные элементы загрязнения, объем загрязняющих окружающую среду факторов производства, объем выпуска или объем продаж экологически «грязной» продукции.

Важной проблемой экологического налогообложения является точность измерения эмиссий. Для фирм решением этой проблемы может стать самомониторинг. Однако такой подход нельзя применить по отношению к домашним хозяйствам и другим небольшим источникам загрязнения окружающей среды (например, в случае эмиссии ${\rm CO_2}$ и ${\rm NO_x}$ из домашних отопительных систем или из выхлопных труб автомобилей).

Еще одной проблемой экологического налогообложения, как и остальных инструментов экологической политики, является взаимодействие загрязняющих веществ, часто ведущее к **синергизму**, т. е. превышению размера совокупного результата над суммой отдельных результатов неблагоприятного воздействия. Улучшая состояние одной

из подсистем окружающей среды, налог может спровоцировать рост загрязнения других подсистем. Следовательно, нужно определить точные размеры налоговых ставок, дифференцированные по типам эмиссии, а это чаще всего технически невозможно.

Альтернативой экологическому налогообложению с присущими ему недостатками является рынок прав на загрязнение окружающей среды, который был разработан и внедрен в практику сравнительно недавно. В его основе лежит правовой подход к интернализации внешних эффектов, предложенный Р. Коузом (Коуз, 1993; Коуз, 1993а). В данном случае часть прав собственности на окружающую среду, включая возможность ее загрязнения, передается фирмам в виде разрешений или лицензий, подлежащих купле-продаже на рынке.

В отличие от экологических налогов, которые могут применяться в масштабе всей национальной экономики, использование рынка прав на загрязнение, требует пространственного ограничения подсистемы окружающей среды или региона, в рамках которых распространяется строго определенное количество лицензий. Опыт показал, что с технической точки зрения удобнее всего применять рынок прав по отношению к глобальным экологическим системам, которые пространственно ограничены самой природой и космосом.

Основополагающая идея торговли эмиссионными квотами была представлена в 1968 г. канадским экономистом Джоном Дэйлсом (Dales, 2002), и являлась продолжением теоремы Коуза. Дэйлс предлагал создать рынок прав на загрязнение, чтобы ограничить загрязнение водоемов промышленностью. Революционно новым в этой идее было то, что правительство могло установить конкретный объем суммарной загрязняемости в качестве экологической цели. После установления ограничения на выброс определенных веществ (к примеру, диоксид углерода, оксид серы, оксид азота) на определенной территории и за конкретный период времени, начинается распределение соответствующего количества квот. Верхняя граница в течение времени может постепенно снижаться. Благодаря свободной торговле этими квотами цена на сертификаты будет определяться спросом. Эмиссии, совершенные без определенной квоты, облагаются штрафом.

Немаловажно будет упомянуть и о рынке прав на загрязнение окружающей среды как одном из комплексных инструментов снижения величины трансграничных загрязнений от вредных производственных выбросов.

Гибкие механизмы, предусмотренные международными соглашениями, регулирующими торговлю квотами на эмиссию загрязняющих веществ (*Moe, Tangen, 2000*), позволяют обеспечить возможность торговли квотами между странами-участницами таких соглашений. Используя систему продаваемых разрешений на загрязнение в качестве инструмента реализации экологической политики, национальные правительства могут проще интегрироваться с международным рынком продаваемых разрешений на неиспользованные квоты на выбросы загрязняющих веществ.

Ценным преимуществом рынка прав на загрязнение окружающей среды является то, что формируется подлинный рынок, и действуют механизмы саморегулирования, а значит, может быть достигнуто эффективное распределение ресурсов. Это может сделать рынок прав наиболее перспективным инструментом экологической политики в условиях глобализации экономических процессов.

Перечень инструментов экологизации производственной сферы обширен. Государство определяет приоритетные направления экологической политики, подразумевающие применение тех или иных инструментов, способствующих снижению загрязнения окружающей среды (и, в частности, его трансграничной составляющей).

ПИТЕРАТУРА

Бобылев С.Н., Ходжаев А.Ш. (2003). Экономика природопользования. М.

Коуз Р. (1993). Проблема социальных издержек. М.

Коуз Р. (1993а). Фирма, рынок и право. М.

Пигу А. (1985). Экономическая теория благосостояния. М., Т. 1.

Шимова О.С., Соколовский Н.К. (2005). Экономика природопользования. БГЭУ.

Moe A., Tangen K. (2000). The Kyoto Mechanisms and Russian Climate Politics. The Royal Institute of International Affairs, London.

«Pollution, Property and Prices» An Essay in Policy-making and Economics by J.H. Dales, (2002). Hardback 978 1 84064 842 3 ebook.

REFERENCES

Bobylev S., Khodzhaev A. (2003). Environmental Economics. Moscow, (In Russian).

Coase R. (1993). The problem of social cost. Moscow. (In Russian).

Coase R. (1993)a. Firm, the market and the law. Moscow, (In Russian).

Moe A., Tangen K. (2000). The Kyoto Mechanisms and Russian Climate Politics. The Royal Institute of International Affairs, London.

Pigou A. (1985). The economic welfare theory. Moscow, T. 1. (In Russian).

«Pollution, Property and Prices» An Essay in Policy-making and Economics by J.H. Dales, (2002). Hardback 978 1 84064 842 3 ebook.

Shimova O., Sokolovsky N. (2005). The economy of nature. BGEU, (In Russian).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ СРЕДА КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

ЛЕВУШКИНА С.В.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры менеджмент, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: Kirachek@mail.ru

Современное российское предпринимательство функционирует в условиях глобализации и интернационализации экономических связей различных стран, характеризующихся стремительными темпами развития предпринимательской сферы. Поэтому в России особо остро стоит вопрос формирования благоприятной предпринимательской среды, которая бы обеспечивала устойчивое и эффективное развитие малого и среднего бизнеса. Кроме того, предпринимательская среда определяет форму и масштаб реализации предпринимательского потенциала и уровень его активности.

Ключевые слова: предпринимательская среда; экономический аспект; устойчивость и эффективность развития; факторы предпринимательской среды.

THE BUSINESS ENVIRONMENT AS A CONDITION FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

LEVUSHKINA S.V.,

PhD, associate Professor at the department of Management, Stavropol State Agrarian University, e-mail: Kirachek@mail.ru

The modern Russian business works in the context of globalization and in-ternationalization of economic relations of various countries, characterized by a rapid pace of development of the business sector. Therefore, in Russia particularly acute problem of creating an enabling business environment that would ensure sustainable and effective development of small and medium-sized businesses. In addition, the business environment determines the shape and scope of the entrepreneurial capacity and the level of activity.

Keywords: enterprise environment; economic aspect; stability and efficiency of development; factors of the enterprise environment.

JEL classification: L26.

В современных условиях экономического развития России отмечается значительный рост деловой активности предпринимательской деятельности, для реализации которой государство формирует определенные условия с целью повышения ее эффективности. В сложившихся условиях хозяйствования предпринимательство в состоянии стать основным элементом, способным обеспечить дальнейший рост российской экономики при условии действия благоприятных рыночных механизмов экономического регулирования и институциональных факторов, обеспечивающих свободную реализацию принципов и функций предпринимательской деятельности. Однако быстро меняющиеся условия и ситуации функционирования предпринимательской среды порождают несовершенство механизма рыночного регулирования и институционального воздействия, что в конечно итоге приводит к сбоям в активизации и, как следствие, эффективности предпринимательства как института российской экономики (Левушкина, 2012а. С. 14).

Среди различных видов предпринимательской среды особо выделяется ее экономический сектор. С этой точки зрения предпринимательская среда представляет собой системную категорию, включающую в себя определенные условия, прежде всего, экономического и социально-экономического характера, обеспечивающие экономическую свободу физическим и юридическим лицам для осуществления предпринимательской деятельности.

Предпринимательская среда — это среда проблемного многоаспектного содержания, характеризующаяся динамичностью, циклическими закономерностями развития, в некоторых ситуациях — точками бифуркации. Она требует поли-

альтернативного решения периодически возникающих под воздействием совокупности факторов проблемных ситуаций. Это возможно осуществить на основе принятия управленческих решений как в экономических условиях закономерного развития, так и в условиях неопределенности ситуации.

Экономическая среда оказывает регулирующее воздействие на субъекты предпринимательской деятельности через регулирующие субстанции, к числу которых следует отнести финансы, налоги, ресурсы, инвестиции, конкуренция, информация и пр. В свою очередь, регулирующие субстанции лежат в основе предпринимательских факторов, оказывающих влияние на предпринимательскую свободу предпринимательской деятельности и ее активности, как результат реализации предпринимательского потенциала (Кусакина, 2013. С. 356).

Однако в российской экономике предпринимательская среда характеризуется неопределенностью и рисковыми ситуациями. Предпринимательский климат, характеризующий ее состояние, до настоящего времени не улучшается. Так считают 55% опрошенных ВЦИОМом в мае 2013 г. в российских городах. Ранее негативно оценивали условия для развития частного предпринимательства 44% респондентов (2009 г.). Большинство россиян, не имеющих собственного бизнеса, сообщают, что не планируют и в будущем организовывать свое дело (72%) – в 2011 г. таких было 65%. Относительное большинство тех, кто не имеет опыт предпринимательской деятельности, оценивают его как удовлетворительный (47%). Волее трети называют свои попытки организовать бизнес неудачными (35%). Все это подчеркивает актуальность и своевременность решения поставленной задачи.

Предпринимательская среда определяет доходы и покупательную способность населения, уровень безработицы и занятости населения, степень экономической свободы предпринимателей, возможности инвестирования, наличие и доступность денежных ресурсов и другие экономические факторы, что и обеспечивает устойчивость функционирования и повышение эффективности развития малого и среднего бизнеса.

По нашему мнению, при этом должны существовать адекватные способы и формы вмешательства государства в предпринимательскую среду, а также в те сферы, где оно необходимо. Масштабы и формы вмешательства государства в экономику малого и среднего предпринимательства зависят от многих факторов, как экономического порядка, так и национальной специфики. При этом вмешательство государства в хозяйствующую деятельность с позиции развития малого и среднего бизнеса оправдано с той степенью и допустимо в тех формах, которые способствуют повышению экономической эффективности и не подрывают основ предпринимательской деятельности (рис. 1).

Факторы предпринимательской среды определяют эффективность ее функционирования, которая влияет на способность предпринимательства осуществлять деятельность, а также определяет активность этой деятельности.

Рис. 1. Базовые принципы и ключевые факторы формирования экономической предпринимательской среды малого и среднего бизнеса

Сложность учета и мониторинга факторов предпринимательской среды состоит в том, что они могут носить формальный и неформальный характер. Формальные нормы и правила, выражающиеся в государственных установках, норматив-

 \diamondsuit

ной регламентации, законах рыночного спроса и предложения. Они понятны всем субъектам предпринимательских структур и их совокупность является четким механизмом регулирования всей предпринимательской деятельности. Вместе с тем такие неформальные факторы как обычаи делового оборота, особенности предпринимательского этикета, существующие российские особенности «решать дела» как со стороны партнеров, так и со стороны государственных структур представляют собой особые сложности для осуществления действительно свободной предпринимательской деятельности.

Определяющая роль в систематизации факторов с учетом их формального и неформального происхождения, конечно, принадлежит государству в рамках принадлежащих ему полномочий. Но, при этом без нарушения принципов демократичности экономических отношений в государстве. В данном случае необходимо наличие организационноправового и экономического механизма регулирования состояния предпринимательской среды, факторы и условия которой должны обеспечивать эффективное функционирование всей предпринимательской структуры.

Факторы предпринимательства — это воздействующие регуляторы предпринимательской среды внешней и внутренней направленности. Они определяют возможность для предпринимательской структуры осуществлять определенную деятельность в приемлемой организационно — экономической или организационно — правовой формах. То есть выбирать ее сферу, направленность и масштаб для достижения, как генеральной цели, так и текущих результатов (Левушкина, 2012б. С. 878).

Следует отметить, что одна и та же субстанция может лежать в основе двух и более факторов предпринимательской среды. Важно отметить многосторонний характер фактора или его двойственную природу, которая отражается в положительном осмыслении субстанции в одном факторе и в отрицательном осмыслении в другом. Сами по себе факторы, выступающие регуляторами состояния предпринимательской среды, оказывают динамическое воздействие как директивного, так и диспозиционного характера. Субъект предпринимательской деятельности в силу вышеизложенного попадает в ситуацию постоянного аналитического и синтетического контроля субстанций. Причем, факторного и характерного их воздействия в целях оптимизации выбора альтернатив своих будущих действий.

Круговая взаимосвязь и взаимозависимость всех составляющих предпринимательской среды осуществляется, прежде всего, через коммуникативные каналы. В своей совокупности коммуникационные связи и коммуникационные каналы трансформируются в коммуникативное поле. Данное поле имеет право претендовать на полноценный компонент предпринимательства наравне с личностным, экономическим и организационно-управленческим компонентами. Информация практически единственное средство, овладение которым позволяет предпринимателю полноценно ориентироваться в экономической среде. Это позволяет своевременно принимать соответствующие конкретной ситуации управленческие решения, анализировать собственные позиции и перспективы развития.

Среди всей совокупности информационных факторов, оказывающих влияние на экономическую предпринимательскую среду, предлагается и другая их классификация. Так, на субъекты предпринимательских структур оказывает влияние сложная комбинация экзогенных (внешних) факторов, не подконтрольных руководству, и эндогенных (внутренних) факторов, активно управляемых предпринимателем. Совокупное влияние экзогенных и эндогенных факторов, носящих цикличный характер, может формировать благоприятный предпринимательский климат в экономической среде или, наоборот, способствовать свертыванию предпринимательской активности (Денисова, 2012. С. 35).

Участие предпринимателей в информационных процессах должно соответствовать определенным правилам формирования экономической предпринимательской среды. К их числу следует отнести, прежде всего, полноту, но не избыточность, временные рамки от возникновения ситуации, ставящей необходимость поиска информации до ее возможного разрешения. Необходимо также учитывать предельность и глубину информационного поиска, разнообразие информационных каналов и способов их исследования, а также возможности самого субъекта информационного поиска.

Современное состояние предпринимательства, начиная с микроуровня и заканчивая мегауровнем, ставит перед предпринимателем достаточно жесткие требования в отношении коммуникативного компонента, развития конкурентной предпринимательской среды.

Почему именно коммуникативный компонент, а не, информационный, например? Дело в том, что сама по себе информация – это, на наш взгляд, абстрактное, свободно текущее явление в предпринимательской среде экономики. Ценность информации в ее исследовании, применении. А это возможно только посредством ее передачи, получения и обработки, т. е. выполнения элементарной схемы коммуникационного процесса. Рациональное применение информации в экономической среде позволяет предпринимателям упорядочить и организовать свою деятельность лучшим образом. И этот образ ложится в основу новых элементов их поведения, которые получают закономерный характер. Следует отметить, относительно безграничный процесс трансформации полученной информации. Этот процесс необходимо привести в некое эффективно-рациональное состояние конкретного объекта управления со стороны предпринимателя. И чем продолжительнее и закономернее будет этот процесс, тем устойчивее будет функционировать как отдельный предприниматель, так и в целом предпринимательская среда.

Современная информация позволяет систематически отслеживать структуру и уровень благоприятности экономической предпринимательской среды, периодически выявлять на этой основе основные проблемы малого и среднего бизнеса и определять основные приоритеты его развития (рис. 2, 3).

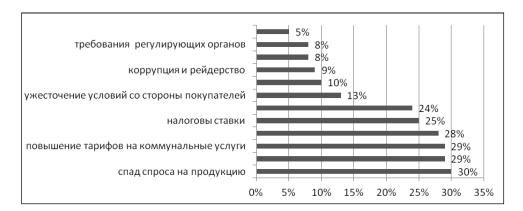

Рис. 2. Интегральная оценка проблем малого и среднего бизнеса, отражающих уровень благоприятности предпринимательской среды в России

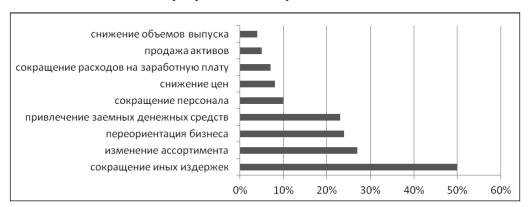

Рис. 3. Интегральная оценка основных приоритетов малого и среднего бизнеса

Проведенные социологические исследования состояния среднего и малого предпринимательства в городе Ставрополе, а также реакции субъектов малого и среднего предпринимательства на нормативные акты, регулирующие деятельность малого и среднего предпринимательства, принимаемые администрацией города, показали, что среди значимых факторов, сдерживающих развитие малого и среднего предпринимательства в г. Ставрополе, можно назвать отсутствие стабильности и сложную экономическую ситуацию (68,5%), недобросовестную конкуренцию (53,2%), сложность аренды помещений для ведения бизнеса (49,4%) (рис. 4).

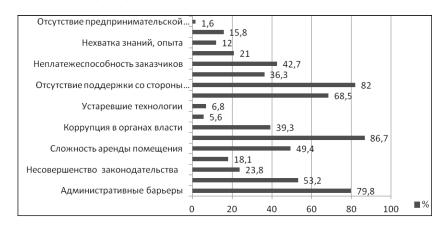

Рис. 4. Сдерживающие факторы развития малого и среднего предпринимательства в г. Ставрополе, 2012 г.

К числу факторов, сдерживающих в настоящее время развитие малого и среднего предпринимательства, эксперты относят:

- бюрократические препятствия при создании и в ходе деятельности организации, сложность налогового законодательства и налоговой отчетности, отсутствие налоговых льгот – 44,4%;
- нехватка денежных средств, слабая информированность в вопросах государственной поддержки 38,9%;

곢

_

Часть

ω

- недостаточное использование инновационных технологий 22,2%;
- низкий уровень компетенции специалистов 11,1 %;
- нехватка квалифицированных кадров 11,1%;
- особенности выдачи кредита, высокий процент и короткие сроки 11,1 %;
- сложность вывода новой продукции на сложившиеся рынки 5,6%;
- высокая стоимость арендной платы на коммерческую недвижимость, нестабильная экономическая ситуация 5,6%.

Экспертами на всех уровнях предложено изменить и усовершенствовать нормативные акты, регламентирующие такие сферы, как:

- налогообложение, в том числе льготное, снижение административных барьеров, лицензирование и сертификация – 38.9 %:
- научная и инновационная деятельность 16,7%;
- льготное кредитование и страхование, а также введение упрощенного порядка регистрации индивидуальных предпринимателей – 5,6%.

Современная предпринимательская среда — это устоявшаяся система, но даже для нее характерны точки бифуркации, в момент возникновения которых создается переход системы на новый вектор развития, трудно поддающийся прогнозированию. Следует разделять бифуркацию на мега-, макро- и микроуровни. Между бифуркационными уровнями существует вертикальная восходящая и нисходящая связь, осуществляемая через коммуникативный компонент. Вертикальную нисходящую связь можно наблюдать в современных условиях экономического развития России, в котором отмечается значительный рост деловой активности предпринимательской деятельности, для реализации коей государство формирует определенные условия с целью повышения ее эффективности.

Современная предпринимательская среда в России характеризуется достаточным уровнем благоприятности для реализации предпринимательского потенциала и его активности благодаря сложившимся условиям хозяйствования (Герасимов, 2007. С. 67). Однако, как правило, макроэкономические тенденции порождают тенденции негативного характера, оказывающие регулирующее воздействие на предпринимательскую среду, вызывающее определенные реакции субъектов предпринимательской деятельности.

Возможным примером не благополучности предпринимательской среды является повсеместная сдача в налоговые органы свидетельства о государственной регистрации индивидуального предпринимателя. И, например, возникающее желание прекратить предпринимательскую деятельность в связи с увеличением налогового гнета на предпринимателя. Однако для российской действительности такая экономическая среда означает лишь нежелание предпринимателя платить такие размеры налогов, но не реализация стремления выйти из предпринимательства. Следствием деформации предпринимательской среды является уход официальных предпринимательй в теневой сектор. Примеры успешного ведения неофициального, прежде всего, малого бизнеса, быстро получит свою огласку и это примет повсеместный характер. Результатом будет ужесточение со стороны государства мер контроля за предпринимательской деятельностью, далее разработка стимулирующих для предпринимательства мер, т. е. предпринимательство будет проходить все те же циклы развития, но на новом уровне и в ином проявлении с новыми характеристиками.

Роль государства в формировании условий и регулировании факторов развития экономической предпринимательской среды неоспорима, но необходимо отметить и роль самих предпринимательских структур в активизации своей деятельности. При благоприятном предпринимательском климате деятельность высокие результаты предпринимательской деятельности достигаются, прежде всего, посредством разработки стратегии своего развития в условиях нестабильности и неопределенности факторов предпринимательской среды (Герасимов, 2008. С. 278). Это достигается за счет применения различных методик для оценки рисковых ситуаций и использования механизмов, минимизирующих потери предпринимательской деятельности. Современная ситуация стимулирует разработать мероприятия по противостоянию негативным действиям факторов неопределенности и рисков предпринимательской среды. И, одновременно, использовать различные комбинации этих факторов для активизации своей предпринимательской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Герасимов А.Н., Герасимов Н.И. (2007). Институциональные трансформации и развитие предпринимательства в АПК Ставропольского края. *Тегга Economicus*, Т. 5, № 2-2, с. 65-68.

Герасимов А.Н., Громов Е.И., Скрипниченко Ю.С. (2008). Совершенствование системы экономико-статистической оценки взаимодействия муниципалитетов с предпринимательскими структурами регионального АПК. *Terra Economicus,* Т. 6, № 2-3, с. 277-281.

Денисова И.Н. (2012). Деловая активность как измеритель адаптации субъектов бизнеса к условиям рынка: методологические основы адаптации предпринимательских структур к социально-экономическим условиям функционирования и развития. Российское предпринимательство, № 3 (201), с. 34-39.

Кусакина О.Н., Лисова О.М., Левушкина С.В. (2013). Системно-компонентный аспект предпринимательской деятельности. Экономика и предпринимательство, Т. 7, № 1 (30), с. 355-358.

Левушкина С.В. (2012). Интегрированная совокупность факторов предпринимательской среды. Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), № 9, с.14

Левушкина С.В. (2012). Особенности и современные тенденции развития различных форм предпринимательской деятельности. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, № 07 (81), с. 878-889.

IERRA ECONOMICUS \Leftrightarrow 2013 \Leftrightarrow Tow 11 N° 1 4actb 3

REFERENCES

Gerasimov A., Gerasimov N. (2007). Institutional transformation and the development of entrepreneurship in the agroindustrial complex of the Stavropol Territory. *Terra Economicus*, T. 5, No. 2-2, p. 65-68. (In Russian).

Gerasimov A., Gromov E., Skripnichenko Y. (2008). Improvement of economic and statistical evaluation of the interaction of municipalities with business structures of regional agriculture. Terra Economicus, T. 6, No. 2-3, p. 277-281. (In Russian).

Denisova I. (2012). Business Activities as a measure of business entities adapt to market conditions: methodological basis of adaptation of business structures to the socio-economic conditions of the operation and development. *Russian Entrepreneurship*, No. 3 (201), p. 34-39. (In Russian).

Kusakina O., Lisov O., Levushkina S. (2013). System-component aspect of the business. Economics and Business, Vol. 7, No. 1 (30), p. 355-358. (In Russian).

Levushkina S. (2012). An integrated set of factors of entrepreneurial environment. Modern studies of social problems (electronic scientific journal), No. 9, p. 14. (In Russian).

Levushkina S. (2012). Features and modern trends in the development of various forms of business. Polythematic power electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University, No. 07 (81), p. 878-889. (In Russian).

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

терешев м.а.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова, e-mail: dark1979.79@mail.ru

В статье рассматриваются перспективные направления модернизации сектора коммерческих банков в результате освоения новых массовых технологий, содержатся практические рекомендации.

Ключевые слова: коммерческие банк; информационные технологии; изменения в организации и управлении коммерческими банками.

THE STRATEGIC ASPECTS OF INSTITUTIONAL MODERNIZATION OF COMMERCIAL BANKS

TERESHEV M.A.,

PhD, Associate Professor at the department of «Finance and Credit», Kabardino-Balkaria State Agrarian University named after. V.M. Kokov, e-mail: dark1979.79@mail.ru

This article discusses promising directions of modernization of the commercial banking sector as a result of the development of new mass technology, provides practical guidance.

Keywords: commercial bank; information technology; changes in the organization and management of commercial banks.

JEL classification: G21, G24.

В системе рыночной экономики банк является особым финансовым учреждением, которое специализируется на предоставлении финансовых услуг потребителям, бизнесу и органам государственной власти (наделенным соответствующими полномочиями и компетенциями). Особенность коммерческого банка состоит в том, что ему открыты в большей мере возможности предпринимательского характера, поскольку его функционированию присущи меньшие ограничения различного рода на свои услуги, чем другим типам банков. Прибыль коммерческих банков обычно образует маржа между процентами на выдаваемый кредит и процентами на клиентские депозиты. По мнению И.А. Семагина, «денежные средства, попадая в банковскую сферу в виде финансовых ресурсов, дифференцированных по экономическому содержанию, структуре, стоимости, в процессе функционирования банка проходят полный жизненный цикл, трансформируясь и меняя направление движения, получая иную форму при выходе из банка» (Семагин, 2010. С.94). Кроме этого, банки могут также получать доход от таких услуг, как управление активами, инвестиционные продажи и обслуживание ипотечного кредита.

В настоящее время банковский сектор Российской Федерации характеризуется следующей системной динамикой. Доля в совокупных активах банков, контролируемых государством, увеличилась в 2012 г. с 50,2 до 50,4%, однако, их доля в совокупном капитале банковского сектора уменьшилась с 50,8 до 48,2%. Банки, контролируемые иностранным капиталом, увеличили свою долю в совокупных активах банковского сектора с 16,9 до 17,8%, а в совокупном капитале — с 17,6 до 19,2%. Доля крупных частных банков снизилась в совокупных активах банковского сектора с 27,5 до 26,6%, при этом, их доля в совокупном капитале возросла с 24,9 до 26,1%. Совокупная доля средних и малых банков Московского региона и региональных средних и малых банков в активах и капитале банковского сектора снизилась за 2012 г. по доле в активах с 5,0 до 4,9%, по доле в капитале — с 6,5 до 6,3% (табл. 1).

Таблица 1

Показатели динамики кредитных организаций Российской Федерации

Кредитная	Количество организаций		Доля в совоку банковского		Доля в совокупном капитале банковского сектора, %		
организация	1.01.2012	1.01.2013	1.01.2012	1.01.2013	1.01.2012	1.01.2013	
Банки, контролируемые государством	26	25	50,2	50,4	50,8	48,2	
Банки, контролируемые иностранным капиталом	108	112	16,9	17,8	17,6	19,2	
Крупные частные банки	132	128	27,5	26,6	24,9	26,1	
Средние и малые банки Московского региона	301	291	2,5	2,4	3,4	3,3	
Региональные средние и малые банки	355	341	2,5	2,4	3,1	3,0	
Небанковские кредитные организации	56	59	0,4	0,3	0,2	0,2	
Всего	978	956	100	100	100	100	

^{*} Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2012 году. Центральный банк России, 2013. С. 95. (Официальный сайт Центрального Банка РФ http://cbr.ru/publ/root_qet_blob.asp?doc_id=9410).

По справедливому мнению М. Мамонова, «кризис привел к резкому усилению разрыва между различными группами банков по уровню финансовой устойчивости. В результате кризиса позиции государственных банков и дочерних банков положение нерезидентов укрепились, а крупнейших частных и региональных банков оказались ослабленными. Ключевые параметры, по которым произошло расслоение, – это динамика роста бизнеса и защищенность от рисков» (Мамонов, 2009. С.25). Кроме того, необходимо отметить, что банки, контролируемые государством сохраняют наиболее значимые позиции на рынке вкладов. Так, в распределении вкладов физических лиц 56,7% в общем объеме вкладов приходится на долю именно этой группы банков (диаграмма 1).

Высокие темпы роста российского банковского сектора в посткризисных условиях обусловлены преимущественно экстенсивными факторами развития. Вместе с тем, «по большинству показателей ожидаются качественные сдвиги уже к 2015 г. Индикаторы по доле долгосрочных кредитов, доле банковских кредитов в источниках финансирования вложений в основной капитал, а также ряд других показателей определены на основе максимально возможных (с учетом задействованных драйверов роста и развития) темпов выхода на показатели, адекватные потребностям экономики» (Свириденко, 2009. С. 39).

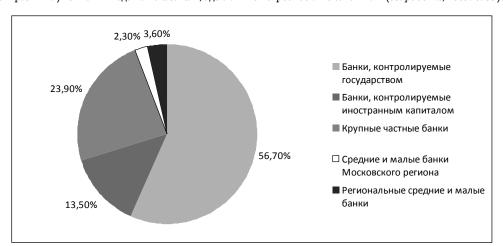

Диаграмма 1. Распределение вкладов физических лиц по группам банков на 1.01.2013 г.

Структурные изменения в банковском секторе, предполагаемые в рамках «Стратегии развития банковского сектора РФ на период до 2015 года», предполагают формирование принципиально новой модели интенсивного роста банковской сферы, способствующей достижению более высоких показателей ее динамики (табл. 2).

Следует учитывать, что большинство коммерческих банков работает как корпоративные холдинги, в структуре которых могут находиться несколько банков более низкого иерархического звена. Как справедливо отмечает Т.Э. Рождественская, «в процессе осуществления банковской деятельности у кредитных организаций периодически возникает потребность объединения капиталов и возможностей с целью осуществления крупных проектов и освоения новых рынков.

^{*} Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2012 году. Центральный банк России, 2013. С. 25. (Официальный сайт Центрального Банка РФ http://cbr.ru/publ/root_qet_blob.asp?doc_id=9410).

В процессе такого объединения возникают группы» (Рождественская, 2011. С. 129). Из-за нормативных ограничений эти группы, которые не связаны с основной деятельностью компании, часто находятся в невыгодном положении относительно других финансовых институтов. Тем не менее, рассматриваемые банковские холдинг-компании часто используются в качестве форм, позволяющих минимизировать законодательные ограничения и собрать недостающий капитал, который иным способом не мог бы быть привлечен. Например, многие банки могут в качестве вторичного профиля приобрести дополнительно статус филиала других (или в других) государствах путем их реорганизации в качестве холдинговой компании. Банки также могут войти и эффективно конкурировать в смежных отраслях через дочерние компании своей холдинговой компании. Кроме того, холдинговые компании могут привлекать капитал с помощью методов, которые по отношению к коммерческим банкам ограничены (таких, например, как выдача коммерческих бумаг). Многопрофильные банки холдинговых компаний могут также участвовать в коммерческих акциях различного масштаба и направления — рекламные компании, бухгалтерский учет, отчетность и другие функции бизнеса.

Таблица 2

Показатели развития банковской системы Российской Федерации

Показатель	2010	2015
Совокупные активы/ВВП, %	75,4	Более 90
Совокупный капитал/ВВП, %	11,8	13-14
Кредиты нефинансовым организациям и физическим лицам/ ВВП, %	41,3	50-55

^{*} Стратегия развития банковского сектора на период до 2015 года. С. 7. (http://nwab.ru/content/data/store/images/f_136_20957_2.doc).

В настоящее время практически во всем мире происходит стремительное изменение традиционного строения коммерческих банков и используемого в банковском секторе организационно-управленческих инструментов. Учет этих инструментов при разработке стратегических аспектов модернизации российских коммерческих банков имел бы для российского банковского сектора долгосрочные позитивные последствия. К такого рода стратегическим долгосрочным переменам мы относим следующие.

- 1. Распространение конкуренции со стороны других финансовых отраслей, а также сферы услуг, в которых также появляются свои паевые инвестиционные фонды и лизинговые компании.
 - 2. Рост числа мультибанковских холдинговых компаний.
 - 3. Появление новых технологий, которые изменяют способ организации и ведения банковского бизнеса.

Все эти изменения отражали требования реальной финансовой практики — они стали возможными благодаря тому, что новые виды финансовых учреждений сложились для удовлетворения специфических потребностей - банки все чаще обращаются к холдинговой структуре для повышения своей конкурентоспособности. Кроме того, ряд законов, принятых во многих странах мира, создали правовые основы для возникновения холдинговых компаний в мультибанковском формате. В результате банковские активы промышленного сектора национальной экономики оказались сконцентрированными в собственности банковских холдинговых компаний. И поскольку финансовый сектор является самым интернационализированным среди всех секторов экономической системы, замедление с созданием российских банковских холдингов может оказаться серьезным препятствием важным препятствием для включения национальной банковской системы в мировую систему банковских связей. Кроме того, «в настоящее время российские банки готовятся к переходу к Базелю-ІІІ. При этом еще многие банки не удовлетворяют стандартам Базеля-ІІ, а именно не соблюдаются подходы к оценке достаточности капитала, расчет кредитного и операционного рисков, организация банковского надзора и унификация правил раскрытия информации, повышение качества капитала. Следовательно, в ближайшее время в российских банках параллельно будут вводиться положения как Базеля-ІІ, так и Базеля-ІІІ» (Луговцов, 2012. С. 140).

Материальной основой рассмотренных изменений выступают электронные информационные технологии, благодаря которым широчайшее распространение в банковском деле получили электронные сделки — электронный перевод денежных средств, банкоматы, компьютерный доступ к домашним банковским услугам. «Бурное развитие информационных технологий и их интеграция с финансовой сферой разрушают рамки и условия, в которых развивались национальные финансовые системы и обращались национальные валюты» (Мительман, 2012. С. 143). Кроме того, следует учитывать, что электронные информационные технологии и другие подобные научно-технические достижения способствуют уменьшению спроса на рабочую силу, одновременно усиливая тенденцию к укрупнению и централизации в организационной структуре банковского дела. Но это ведет к уменьшению роли, которую банки традиционно играют как «индивилуальные» финансовые организации личного обслуживания.

Все эти изменения в технологии и организации коммерческого банковского бизнеса расширяют его возможности для интеграции с финансовыми потребностями малого бизнеса, который является самым быстрорастущим сегментом рыночно развитой национальной экономики. В результате все большее число коммерческих банков создают специальные продукты и программы для привлечения клиентов из сферы малого бизнеса. Это жизненно важно для предпринимателей и владельцев малого бизнеса, которым крайне важно, чтобы были разработаны удобные и эффективные отношения с банком в целях удовлетворения их текущих и будущих кредитных потребностей. Р.Н. Ахмедов справедливо подчеркивает, что «кредитные операции, как в России, так и в мировой банковской практике «цивилизованного мира» в большинстве

своем приносят от 50 до 90 % банковских доходов, а эффективное привлечение и размещение заемных средств – основная задача банковской деятельности. Природа банковских услуг имеет «общественный» характер. Ориентация же на максимизацию прибыли обусловлена тем, что банк, хотя и специфический, но все-таки субъект рыночных отношений» (Ахмедов, 2011. С. 193).

В конкретной плоскости речь идет о том, что банкир должен попасть в число внешних консультантов для владельца малого бизнеса, оказывая помощь в удовлетворении общей финансовой потребности бизнеса, включая экономию средств, проверки пенсионных счетов, вознаграждение персонала, займы и инвестиции. Однако измениться должен не только банковский сектор, но и малый бизнес.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов Р.Н. (2011). Совершенствование банковского регулирования и надзора как средство обеспечения устойчивости банковской системы. Вопросы экономики и права. № 2. С. 193–197.

Луговцов Р.Ю. (2012). Базель-ІІІ в российской банковской деятельности. Экономические науки. № 5. С. 140–144.

Мамонов М. (2009). Структурные сдвиги и адаптация ключевых групп банков. Банковское обозрение. № 2/5(120).

Миттельман К.Г. (2012). Риски эмитентов в системе электронных денег. *Вопросы экономики и права*. № 2. С. 143-148.

Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2012 году. Центральный банк России (2013). (Официальный сайт Центрального Банка РФ Доступно на: http://cbr.ru/publ/root_get_blob.asp?doc_id=9410.

Рождественская Т.Э. (2011). Правовое регулирование консолидированного банковского надзора в Российской Федерации: реалии и перспективы развития. Вопросы экономики и права. № 8. С. 129–135.

Свириденко Г.О. (2009). Проблемы и перспективы поддержания банковской системы России в условиях кризиса: уроки истории и современность. Экономические науки. № 8(57). С. 37–42.

Семагин И.А. (2010). Теоретические аспекты управления банковскими инновациями. Экономические науки. № 7(68). С. 93–98.

Стратегия развития банковского сектора на период до 2015 года. Доступно на: http://nwab.ru/content/data/store/images/ $f_136_20957_2$.doc.

REFERENCES

Akhmedov R.N. (2011). Improvement of banking regulation and supervision as a means of ensuring the stability of the banking system. Questions of economy and law. No. 2. P. 193–197. (In Russian).

Lugovtsov R.Y. (2012). Basel-III in the Russian banking. Economics. No. 5. P. 140-144. (In Russian).

Mamonov M. (2009). Structural changes and adaptation of key groups of banks. Banking Review. No. 2/5 (120). (In Russian). Mittelman K.G. (2012). Risks issuers of electronic money. Problems of Economics and Law. No. 2. P. 143–148. (In Russian).

Report on the development of the banking sector and banking supervision in 2012. The Central Bank of Russia (2013). (The official site of the Central Bank of the Russian Federation Available at: http://cbr.ru/publ/root_get_blob.asp?doc_id=9410. (In Russian).

Rozhdestvenskaya T.E. (2011). Legal regulation of the consolidated banking supervision in the Russian Federation: realities and prospects. *Problems of Economics and Law.* No. 8. P. 129–135. (In Russian).

Svyrydenko G.O. (2009). Problems and prospects for maintaining Russia's banking system in crisis: lessons of history and modernity // Economics. 8, No. (57). P. 37–42.

Semagin I.A. (2010). Theoretical aspects of the management of banking innovation. Economic Sciences. No. 7 (68). P. 93–98. (In Russian).

Banking Sector Development Strategy for the period up to 2015. Available at: http://nwab.ru/content/data/store/images/f_136_20957_2.doc. (In Russian).

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ НОВОВВЕДЕНИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

ОВЧАРЕНКО Г.В.,

доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и предпринимательство», Ростовский государственный экономический университет, (РИНХ) e-mail: ovchaenko_gv@rambler.ru

Одна из характерных особенностей функционирования организаций в современных российских условиях – это перманентные структурные и функциональные изменения, инновации. Каждой организации приходится адаптироваться к внешним изменениям, преодолевать возникающие при этом трудности, восстанавливать равновесие с окружающей средой.

Последствия осуществляемых в организации изменений оказываются различными. В одних организациях они способствуют успешному развитию, в других – финансовому оздоровлению и укреплению позиций на рынке, в-третьих– росту издержек и углублению кризиса в организации. Не все изменения приводят к успеху.

Современная организация сама по себе не обеспечивает инновационного успеха. Должна быть система управления инновациями, включающая организационно-административный, экономический и социальный механизмы. Как показывают наблюдения, наиболее серьезной трудностью на пути нововведений является неготовность персонала организаций к их адекватному восприятию и оценке. По мнению зарубежных и отечественных аналитиков, индивиды обладают высокой творческой активностью от нововведений в собственном хозяйстве до открытий в фундаментальной науке, но из-за низкой инновационной культуры этот потенциал нации на протяжении многих веков используется недостаточно.

В этой связи актуализируются и приобретают все более важное общественное значение проблемы социального управления изменениями, формирования и повышения инновационной культуры, инновационной готовности общества в целом, руководителей и персонала организаций, в частности.

Ключевые слова: социальные инновации; инноватика; циклы конъюнктуры; инноваторы; нововведения; инновизация; инновационные изменения; гуманные технологии.

SOCIAL INNOVATIONS MANAGEMENT IN THE ORGANIZATIONS

OVCHARENKO G.V.,

doctor of Science, Professor of the department of «Economics and Entrepreneurship»,
Rostov State Economic University,
e-mail: ovchaenko_gv@rambler.ru

One of characteristics of functioning of the organizations in modern Russian conditions – is permanent structural and functional changes, innovations. Each organization should adapt for external changes, to overcome difficulties arising thus, to restore balance with environment.

Consequences of changes carried out in the organization are various. In one organizations they promote successful development, in others – to financial improvement and strengthening of positions in the market, thirdly – to growth of expenses and crisis deepening in the organization. Not all changes lead to success.

The modern organization in itself doesn't provide innovative success. There has to be the control system of innovations which is turning on organizational and administrative, economic and social mechanisms. As show supervision, the most serious difficulty on a way of innovations is unavailability of the personnel of the organizations to their adequate perception and an assessment. According to foreign and domestic analysts, individuals possess high creative activity from innovations in own economy before opening in fundamental science, but because of low innovative culture this potential of the nation throughout many centuries is used insufficiently.

In this regard are staticized and gain more and more important public value of a problem of social management of changes, formations and increases of innovative culture, innovative readiness of society as a whole, heads and the personnel of the organizations, in particular.

Keywords: social innovations; innovation; cycles of conjuncture; innovators; latest achievements; innovative changes; humane technology.

JEL classification: 031, 032, 033.

Глобализация мировой экономики и высокая неопределенность конъюнктуры спроса предопределяют изучение инновационной теории, основоположником которой был русский ученый Н.Д. Кондратьев, доказавший, что в основе больших циклов возникают процессы, связанные с обновлением элементов основного капитала (здания, инфраструктура и т. д.), а также обосновал возникновение кризисов средне- (3-4 года) и долго- (8-11 лет), которые протекают неравномерно:

- показал взаимосвязь циклических колебаний различной продолжительности;
- выявил факторы, лежащие в основе длительных конъюнктурных колебаний, не как случайность, а как закономерное развитие;
- характер среднесрочных циклов зависит от того, как они накладываются на фазы большого цикла, где:
- понижательная фаза большого цикла порождает особую длительность средних торгово-промышленных циклов;
- повышательная фаза, напротив, «сглаживает» различия средних циклов.

Концепция больших циклов, позволяет увидеть «закономерности и эмпирические правильности» социальноэкономического развития при изменениях конъюнктуры спроса.

Развивая эти идеи Й. Шумпетер, показал связь циклов конъюнктуры с волнами технологических инноваций, изменяющих спрос его полезности. Он отмечал, что как долгосрочные, так и среднесрочные циклы связаны с появлением нововведениями в промышленности и торговле, доказал значимость предпринимателя-новатора, который берет на себя риск освоения нового, применяя новационную комбинацию факторов производства, взрывающих равновесие и действительно являются социальными аспектами.

Далее он отмечал, что «...кризисы являются поворотной точкой экономического развития, поэтому экономика развивается не планомерно, а рывками — это происходит исключительно потому, что новые комбинации осуществляются не через равные промежутки времени..., именно массовым появлением новых комбинаций объясняются основные черты периода подъема» (Шумпетер, 1939).

В своих трудах К. Маркс отмечал, что затраты инноваторов могут быть столь значительны по сравнению с достигнутыми результатами, что они часто терпят крах, а процветают их последователи (*Маркс, Энгельс, 1957*). Только в конце XIX в. наука начала превращаться, как говорил К. Маркс, в производительную силу общества.

«Нововведения – вот то, что выводит систему из равновесия и приводит ее к буму в сфере капитальных вложений. Деятельность новаторов является движущей силой, которая порождает новый цикл» экономического развития (Шумпетер, 1939).

В своих исследованиях русский академик А. И. Анчишкин выделял три типа нововведений:

- воплощающие принципиально новые научные идеи и революционизирующие производительные силы;
- смена поколений техники, появление новых технологий;
- количественные улучшения отдельных параметров данного поколения техники.

При этом отметил, что внутри этих типов применима более частная градация, необходимая при анализе, прогнозировании и планировании научно-технического прогресса. Но сущность различных типов нововведений остается, одной – материализация научных знаний. Одновременно предложил механизм формирования нововведений, отметив, что сохранение одной научной идеи по мере перехода от одного поколения техники к другому приносит все меньше полезного эффекта, поэтому науке необходимо открывать инновационно-космические горизонты, выводящие развитие человечества на новый уровень.

В своих исследованиях А.И. Пригожин отмечает, что «нововведение как особый механизм ...есть своего рода «клеточка» управляемого развития, целенаправленных изменений», т. е. развитие – пожалуй, единственная категория, способная объединить все уровни целеполагания в организации:

- от низшего это максимизация прибыли;
- до высшего способность самостоятельно ставить новые цели своей деятельности;
- процесс перехода системы в новое более качественной состояние.

По своему инновационному потенциалу нововведения делятся на различные виды, и их эволюцию определяет цикличность конъюнктуры (ветряки, паруса, каучук, паровоз), т. е. возникает взаимосвязь между созданием новшеств и спросом на них. Иначе говоря, возникает необходимость типологии новшеств, которая определяет точную идентификацию каждого, что позволит определить его возможность и дать оценку с учетом изменений в организации (обществе) в конкретной ситуации (кризисы) в разные периоды развития (Пригожин, 2003).

Новшества – источник изменения равновесия в системе, т. е. ее переход на более высокий уровень развития, что вызывает появление противоречий и сопротивление со стороны ее составляющих, т. е. переход к новому – это новое равновесие и способность системы быть открытой новшествам, чтобы появился инновационный импульс новационного развития.

Одновременно фирмы создают возможности «вовлечения потребителя в инновацию» с учетом обучения его, беря на себя все работы, так как «новшества есть, но нужны нововведения, т. е. пакетирование новшеств по актуальным инновационным потокам» (Пригожин, 1986) в нужные отрасли промышленности, что предопределит научно-инновационносоциальную направленность развития России – это и есть инновационные изменения.

«Инновизацию», следуя А. И Пригожину, необходимо рассматривать как форму «управляемого развития» (*Пригожин,* 1989).

Инновационные изменения создают в социоэкономических системах внутреннюю синергию эффективного роста, нарушая равновесие, определяющее переход систем на новый уровень развития и новому устойчивому равновесному

2013 Š 곢 _ Часть состоянию. Так компания 000 «КЗ «Ростсельмаш»» внедряет новые модели комбайнов: 2007— Vector, 2008 — ACROS, 2010 — TORUM, создает внутренний синергизм, получая сверхприбыль.

В связи с этим новый уровень эффективного роста социосистем характеризуется условиями:

- интенсивным развитием эффективность производства при внедрении новшеств;
- новационной структурой чувственное создание новых товаров, удовлетворяющие как человека, так и обще-CTBO:
- формированием инновационной культуры новая философия бизнеса;
- экологическим уровнем использования ресурсов.

В связи с вышеизложенным топ-менеджеры должны уметь улавливать тонкие сигналы конъюнктуры спроса, чтобы сделать гибкий выбор социальной направленности процесс-инноваций.

Социальная инноватика – научные знания о современных инновационных изменениях происходящих в социосистемах, которыми надо управлять при создании и диффузии новшеств с учетом постоянного поиска уникальных адекватных инновационных решений в условиях неопределенности конъюнктуры спроса. Как показывает история социального развития общества, выход из любого кризиса определяется умением и талантом руководителей-управленцев реализовать интеллектуальные ресурсы для инновационного развития.

Однако на практике в деятельности организаций появляются тенденции к сопротивлению по внедрению новшеств, которые отождествляют развитие, что предопределяет в работе топ-менеджеров учитывать интересы всех участников этого процесса с учетом гибкой их мотивации из-за неустойчивого психологического восприятия изменений, которые затрагивают каждого участника, так как философия восприятия новшества различна и зависит от наличия новых знаний, компетенций и социального положения: зарплата, престиж и уважение в коллективе.

Поэтому только поиск и создание в коллективе социальных основ инновационной восприимчивости персонала к внедрению новшеств предопределит равновесие системы при творческом взаимопонимании необходимости нового развития (изменений) на благо всех участников, так как у каждого работника есть свои социальные потребности в общении, поведении и признании его личности в коллективе с учетом социально-психологического (неявного) механизма контроля за поведением каждого, чтобы сохранить ценности социальной справедливости.

В своих исследованиях А.И. Пригожин отмечает, что «...формирование инновационного этоса в стране требует изменения психологии и культуры всех слоев населения» (Пригожин, 1989).

В жизни постоянными становятся только изменения, однако надо благоустраивать жизнь людей:

- улучшая социальную структуру организации на основе инновационного развития;
- создавая новую философию восприятия изменений;
- реализуя социально-гуманные технологии, которые предопределят появление социальных инноваций, определяющих самореализацию личности.

Надо понимать, что социально-инновационный подход определяет возможность самоизменений, позволяющих создавать новые формы поведения людей в организации, т. е. рождается новый метод их организационного воспитания при психологическом самоизменении личности.

В связи с этим топ-менеджеры в процессе разработки и создания новшеств должны предопределять его социальногуманную направленность, учитывающую будущие потребности общества с учетом экологического аспекта, определяющего жизненные ценности личности – повышение уровня (качества) жизни и гуманной справедливости, т. е. научиться воздействовать и управлять через интересы людей, сочетая их с общественными.

Однако в условиях становления новой экономики России многие руководители регионов не хотят и не способны управлять своими ресурсами для улучшения жизни людей. Следовательно, задача государства – защита жизненных сил людей, безопасность и повышение их социальности созданием благоприятной экологической среды, что определяет предпосылки формирования ноосферы на основе гуманных технологий, предопределяющих становление духовного воспроизводства, то есть создание неоиндустриальной парадигмы на основе формирования инновационной культуры и космических информационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Энгельс Ф. (1957). Собрание сочинений в 50 томах. 2-е изд. М.: Политическая литература, Т. 25, ч. 1, с. 116. Пригожин А.И. (1986). Организации: системы и люди. М.: Политиздат, с. 127.

Пригожин А.И. (1989). Нововведения: стимулы и препятствия: (социальные проблемы инноватики). М.: Политиздат, с. 28, 96.

Пригожин А.И. (2003). Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, с. 50-67.

Шумпетер Й. (1939). Деловые циклы, с. 128, 400, 407.

REFERENCES

Marx K., Engels F. (1957). Works in 50 volumes. 2nd ed. Moscow: Publishing House of Political Literature, T. 25, part 1, p. 116. (In Russian).

Prigogine A.I. (1986). Organization: systems and people. M. Politizdat, p. 127. (In Russian).

Prigogine A.I. (1989). Innovation: Incentives and barriers (social problems of innovation). M. Politizdat, pp. 28, 96.

Prigogine A.I. (2003). Methods development organizations. M. MTsFER, pp. 50-67. (In Russian).

Schumpeter J. (1939). Business Cycles, pp. 128, 400, 407. (In Russian).

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ПУБЛИЧНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ АКЦИЙ РОССИЙСКИМИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ КОМПАНИЯМИ В СТРУКТУРЕ ИСТОЧНИКОВ ВНЕШНЕГО ДОЛЕВОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

БАБАЕВА А.А.,

аспирантка кафедры мировой экономики и международных отношений, Южный федеральный университет, e-mail: 5a.b@mail.ru

Деятельность ТНК, оптимизируя процессы становления глобальной хозяйственной системы, разрушающей границы национальных экономик, связывающей их в то же время прочными торговыми и финансовыми отношениями, позиционирует инструменты публичного размещения акций.

Высокие темпы экономического роста в стране обуславливают устойчивый рост количества транснациональных компаний, которые удовлетворяют требованиям выхода на публичные размещения и условиям положительного размещения своих акций на фондовом рынке. Увеличивается количество ТНК, которые диверсифицируют источники финансирования, соответственно уменьшая долю более дорогих кредитных средств и увеличивая объем более дешевых средств, привлекаемых за счет продажи акций.

Среди классических видов внешнего финансирования, доступных для российских ТНК, следует отметить долевое финансирование, которое предполагает привлечение дополнительных инвестиций. Так, преумножая активы вклада путем внешнего финансирования, инвестор, соответственно, получает дополнительную прибыль.

Выбор транснациональными компаниями тех или иных инструментов привлечения финансовых ресурсов определяется соотношением стоимости мобилизуемых средств и рисками, которым подвергается компания при проведении данных операций. В структуре источников внешнего долевого финансирования российскими транснациональными компаниями одним из эффективных инструментов является публичное размещение акций.

Для российских ТНК привлечение необходимых денежных средств через первичное публичное размещение акций, происходит с выходом компании на открытый рынок и размещения акций среди первичных инвесторов. При этом первичное публичное размещение используется как инструмент в структуре источников внешнего долевого финансирования ТНК, что способствует повышению инвестиционной активности и улучшению инвестиционного климата в стране.

Первичное публичное размещение позволяет ТНК получить необходимые финансовые ресурсы для развития бизнеса, но все же в российской экономике существуют факторы, мешающие активному развитию первичного публичного размещения акций. Излишняя концентрация оборота российского рынка ценных бумаг не способствует росту публичного размещения и обращения акций. Публичному размещению акций российскими компаниями мешают неурегулированные вопросы собственности. Недостаточное развитие российских институциональных инвесторов, законодательные запреты на инвестирование пенсионных средств и средств паевых инвестиционных фондов в первичном публичном размещении приводят к сокращению числа участников рынка первичного публичного размещения.

Ключевые слова: транснациональная корпорация; публичное размещение акций; иностранные портфельные инвестиции; глобализация; фондовый рынок.

POSITIONING RUSSIAN MULTINATIONALS IPO TOOLS IN THE STRUCTURE OF EXTERNAL EQUITY FINANCING

BABAEVA A.A.,

Graduate student, Department of World Economy and International Relations,
Southern Federal University,
e-mail: 5a.b@mail.ru

Multinational corporation activity, optimizing processes of formation of the global economic system destroying borders of national economies, connecting their at the same time strong trade and financial relations, positions instruments of public placement of shares.

High rates of economic growth in the country cause the steady growth of number of the multinational companies which meet requirements of an exit of public placements and conditions of positive placement of the actions in stock market. The number of multinational corporation which diversify financing sources increases, respectively reducing a share of more expensive proceeds of credit and increasing the volume of cheaper funds raised at the expense of sale of shares.

Among the classical types of external financing available to the Russian multinational corporations, it should be noted participation financing which assumes attraction of additional investments from external resources of the capital. So increasing greatly contribution assets by external financing, the investor, respectively gets additional profit.

The choice the multinational companies of these or those instruments of attraction of financial resources is defined by a ratio of cost of mobilized means and risks to which the company is exposed when carrying out these operations. In structure of sources of external participation financing the Russian multinational companies one of effective tools is public placement of shares.

For the Russian multinational corporations attraction of necessary money through initial public offering, happens to an entry of the company into the open market and placements of shares among primary investors. Thus primary public placement is used as the tool in structure of sources of external participation financing of multinational corporation that promotes increase of investment activity and improvement of investment climate in the country.

Primary public placement allows multinational corporation to receive necessary financial resources for business development, but nevertheless in the Russian economy there are the factors disturbing to active development of initial public offering. Excessive concentration of a turn of the Russian securities market doesn't promote growth of public placement and the circulation of stocks. To public placement of shares by the Russian companies stir not settled questions of property. Insufficient development of the Russian institutional investors, legislative ban on investment of pension means and means of mutual investment funds in primary public placement lead to reduction of number of participants of the market of primary public placement.

Keywords: multinational corporation; public placement of shares; foreign portfolio investments; globalization; stock market.

JEL classification: F21, F23, F36, G15.

В современных условиях динамичного развития глобализации, прогрессирующей открытости и скоррелированности национальных экономик умножается значимость транснациональных корпораций. При формировании новейшего типа мировых финансовых отношений, эти сложнейшие механизмы выступают и как ключевые элементы и как активные рычаги международной экономики.

В первую очередь, из всех разнообразных подходов, дифференцирующих финансовые ресурсы транснациональных компаний, необходимо подчеркнуть внутренние и внешние. Это можно обосновать как отличиями в этнонациональных условиях деятельности отдельных организаций, входящих в корпорацию, так и сложнейшей организационной структурой транснациональной компании с ее разнообразной функциональной структурой, холлархией и взаимосвязями.

В сравнении с традиционными региональными предпринимательскими структурами у ТНК внешние финансовые ресурсы более диверсифицированы и потенциально дешевле. Сопряжено это с тем, что транснациональные корпорации, функционирующие как на мировом, так и на региональных фондовых рынках, способны извлекать пользу из расхождения в процентных ставках. Немаловажно и то, что ТНК располагают существенной финансовой устойчивостью и являются отличными заемщиками.

Для ТНК внешние финансовые ресурсы располагают рядом преимуществ в сравнении с внутренними финансовыми ресурсами. Во-первых, обеспечивают максимальную приспосабливаемость к региональным финансовым и валютным условиям, например налогам, контролю, валютным курсам (Слепов, Мамедов, 2004). Во-вторых, в максимальной степени оберегают финансы корпораций от инфляции. В-третьих, возможности их изменения разнообразнее, чем у внутренних финансовых ресурсов.

Итак, внешние финансовые ресурсы заметно диверсифицированны, емкие, интенсивные и эффективные, и особенно важны в период генезиса корпорации, когда необходимо максимальное сосредоточение финансовых ресурсов.

Для большинства транснациональных корпораций энергичное применение внешних финансовых ресурсов является экономическим приоритетом. Следовательно, если ТНК анализирует возможности мобилизации внешнего финансирования, тогда перед корпорацией стоит сложный выбор наиболее подходящих финансовых инструментов из множества существующих. Действительно, с развитием фондовых рынков и инвестиционной

деятельности, в последнее время в передовых развитых странах возникло большое многообразие финансовых инструментов. По этой причине, правильно подобрать из имеющегося разнообразия наиболее подходящий инструмент достаточно важная и труднейшая задача. Выбор транснациональными компаниями тех или иных инструментов привлечения финансовых ресурсов можно определить соотношением стоимости мобилизуемых средств и рисками, которым подвержена ТНК при проведении данных операций. В структуре источников внешнего долевого финансирования российскими транснациональными компаниями одним из инструментов является публичное размещение акций.

Первичное публичное размещение акций является продуктивным механизмом мобилизации нужных денежных средств методом выхода ТНК на публичный рынок и размещения акций среди первичных инвесторов. При этом первичное публичное размещение используется не только как инструмент финансирования деятельности ТНК, но и содействует увеличению инвестиционной активности и совершенствованию инвестиционного климата в стране.

Наиболее весомая цель публичного размещения это привлечение капитала, которое реализовывается для решения конкретных задач. Таковыми являются потребности в инвестиционных ресурсах для исполнения стратегии органического роста (увеличение производства, открытие филиалов) или финансирование сделок слияний и поглощений, модернизация производства или реструктуризация задолженности. Для российских ТНК первичное публичное размещение стало одним из важных инструментов инвестиционного развития бизнеса. По данным маркетинговых документов, более 85% ТНК отмечают инвестиционный характер использования выручки от размещения, примерно 15% компаний полностью или частично направляли средства на реструктуризацию долга. И лишь в 5% сделок не выпускались новые акции (без учета размещений по схеме «старые на новые») (Напольнов, 2011).

Первичное публичное размещение как инструмент финансирования транснациональных компаний имеет ряд существенных преимуществ перед такими инструментами привлечения инвестиций, как банковские кредиты и выпуск корпоративных облигаций.

Проведение первичного публичного размещения позволяет привлечь недорогие инвестиционные ресурсы на длительный период времени в отличие от дорогостоящих банковских кредитов и среднесрочных облигационных займов. В результате у транснациональной компании представляется возможность финансировать крупные долгосрочные инвестиционные проекты. Возрастает уровень капитализации ТНК, следовательно, увеличивается рост стоимости компании на фондовом рынке, повышается ликвидность и привлекательность акций компании для инвесторов. Выпуск дополнительных акций увеличивает собственный капитал компании, что создает улучшенное финансовое состояние и в будущем возможность привлечения более дешевого финансирования. Необходимо отметить, что при открытом размещении акций возрастают требования к корпоративному управлению и прозрачности структуры бизнеса. Компании необходимо постоянно готовить отчетность в соответствии со стандартами IAS или GAAP, также иметь отлаженные связи с инвестиционным сообществом (Сергеева, 2007).

Для того чтобы лучше понять достоинства и преимущества первичного публичного размещения как инструмента в структуре источников внешнего финансирования российскими транснациональными компаниями необходимо сравнить его с альтернативными источниками привлечения капитала.

На сегодняшний день источником инвестиций могут быть и нераспределенная прибыль, (это наиболее распространенный источник финансирования инвестиционных проектов), и бюджетные средства, и государственные ссуды, нужно отметить, что это довольно емкий источник, однако доступ к нему весьма проблематичен. Источником инвестиций выступают и банковские кредиты, которые в условиях сравнительно быстрого расширения банковской системы становятся популярными, а также облигационные займы, которые размещаются компаниями на открытом рынке. Настоящие источники инвестиций относятся к категории известных и широко распространенных.

Проанализируем и сопоставим названные источники привлечения капитала с механизмом первичного публичного размещения. Нераспределенная прибыль взаимозависима от формирующейся экономической конъюнктуры, финансово-производственного положения предприятия. Поэтому достаточно рискованно полагаться на этот источник при выполнении долгосрочного проекта, отдача от которого станет ощутимой через несколько лет. Следующий источник – получение бюджетных средств – это наличие значимых временных издержек, связанных с бесчисленными бюрократическими процедурами. Поэтому данный источник подходит крупным полугосударственным компаниям. Банковские кредиты как источник, это излишняя зависимость от кредитора, и неизбежность возврата привлеченных средств по довольно высоким процентным ставкам (Петров, 2005а). Облигационные займы предполагают обеспечение необходимого потока платежей по купонным выплатам, и это в долгосрочном проекте становиться обременительным. Помимо того, в российских условиях облигационные займы довольно часто сопровождаются требованием оферты, что также усложняет их применения для финансирования капиталоемких проектов.

Таким образом, первичное публичное размещение привлекает на практически безвозвратной основе крупные объемы финансовых ресурсов, которые в свою очередь в перспективе могут быть использованы для развития бизнеса. Достоинства первичного публичного размещения перед другими инвестиционными источниками представлены в табл. 1.

Таблица 1

Достоинства первичного публичного размещения перед другими инвестиционными источниками (Петров, 2005b)

Инвестиционные источники	Достоинства первичного публичного размещения
Нераспределенная прибыль	Крупное разовое поступление капитала. Независимость от будущей экономической конъюнктуры
Бюджетные средства и	Оперативность поступления ресурсов, отсутствие бюрократических процедур
государственные ссуды	Отсутствие обязательств, в том числе и по социальным программам
Банковские кредиты	Независимость от конкретного финансового института. Отсутствие будущих выплат
Облигационные займы	Отсутствие обязательств по обслуживанию займа. Неограниченный срок привлечения капитала

Для транснациональных компаний выход на публичный рынок может сулить свои положительные и отрицательные стороны. Специалисты считают, что осуществление публичного размещения акций на бирже дает компании ряд неоспоримых преимуществ перед обычным размещением (Лосев, Миркин, 2006а. Плахов, 2006).

Прежде всего, это получение крупнейших денежных ресурсов с временным горизонтом свыше одного года, (Миркин, Лосев, 2006). что выстраивает возможности для осуществления капиталоемких инвестиций ТНК в расширение производства, в усиление его операционной способности в сфере оптовой и розничной торговли, в развивание экспортного потенциала.

К положительным моментам можно отнести и обширные возможности финансового конструирования, переход ТНК к проектированию серий финансовых продуктов, условия которых изменяются в зависимости от состояния рынка и продуктовых линий. В частности, использование конвертируемых ценных бумаг. А также публичное раскрытие информации и обращение на рынке ценных бумаг создает для ТНК национальный канал маркетинга компании (Миркин, 2004). И повышение инвестиционной привлекательности ТНК в связи с возникновением внешнего мониторинга, осуществляемого со стороны рынка. Инвесторы как лица, заинтересованные в возвратности вложенных средств, стремится реагировать (естественно в пределах собственных возможностей) на результаты деятельности ТНК. Повышение рисков, в ощущениях инвесторов, неизбежно сопровождается продажами акций, падением их курсов, ростом издержек на привлечение капитала, ухудшением ликвидности финансовых продуктов, выпускаемых компанией. Следовательно, образуется «контроль» рынка за действиями менеджмента, побуждающий его к более взвешенным решениям, направленным на поддержание позитивного мнения рынка об экономике и финансах ТНК.

Но все же, при всех благоприятных моментах публичного размещения акций ТНК существует и ряд неблагоприятных факторов (*Геддес*, 2007).

Например, Лосев С.В., Миркин Я.М. к недостаткам первичного публичного размещения для ТНК относят возникновение проблемы разводнения капитала (решается тем, что первичное публичное размещение включает до 10-20% акций, контроль над бизнесом со стороны главных акционеров не меняется), и потребность публичного раскрытия информации об эмитенте, предприятие становиться информационно более открытым, снижаются его риски, но все же требуются дополнительные затраты, связанные с раскрытием информации. Считается, что первичное публичное размещение/облигационные займы содержат высокие регулятивные издержки сравнительно с другими финансовыми инструментами, такими как государственная регистрация выпусков, более тяжелая налоговая нагрузка, обязательное раскрытие информации и т.п. Затраты эмитента состоят не только из дивидендов по акциям, но и из дополнительных издержек, которые объединенны с подготовкой, размещением и обслуживанием выпуска, финансовым посредничеством, также выделяется как недостаток. К недостаткам относят и то, что первичное публичное размещение сопряжено с более большими расходами на финансовое посредничество в сравнении с уровнем, вызванным величиной рисков, которые лежат на эмитенте (плата за «вход на рынок» эмитента, который является относительно неизвестным, чьи финансовые инструменты не имеют биржевой истории). Минус и изрядно долгий срок на подготовку привлечения капитала, по сравнению с индивидуальными кредитными сделками. Это, связано с прохождением процедур государственной регистрации выпусков ценных бумаг, раскрытия информации по ним, предварительной работы с потенциальными инвесторами, подготовки первичного размещения на организованном рынке.

Эволюционирование отечественных ТНК и всего российского финансового рынка достигло уровня необходимости диверсификации его источников финансирования. Заметно умножилась роль долевого финансирования, в том числе через публичное размещение компанией-эмитентом своих акций. Благоприятная экономическая ситуация в России, высокие темпы экономического роста обуславливает устойчивый рост количества компаний, которые, с одной стороны, желают диверсифицировать источники финансирования, оптимизируя тем самым структуру пассивов – уменьшая долю более дорогих кредитных средств и увеличивая объем более дешевых средств, привлекаемых за счет продажи акций. Растет количество российских ТНК, которые удовлетворяют правилам выхода бизнеса на публичные размещения и условиям благополучного размещения своих акций на фондовом рынке (Гвардин, 2007. С. 264). Несомненно, что процедуру первичного публичного размещения реализовали крупные российские транснациональные компании, имеющие высокий уровень капитализации. В 2007-2012 гг. свыше пятидесяти российских компаний стали публичными, а в 2007 г. Россия стала лидером среди стран Европы по количеству первичных публичных размещений. Российские ТНК провели первичные предложения акций почти на \$30 млрд., тогда как в Великобритании рынок составил \$22 млрд, а Германии – \$11 млрд. По мнению специалистов, в 2010 г. только 11 российских компаний провели первичное публичное размещение, в результате которых было привлечено \$2,2 млрд, из них всего 8 компаний привлекали капитал исключительно из России – \$1 млрд. Следовательно, происходит утрата заинтересованности к российскому рынку

и исчезновению первичного рынка, который является одним из основных элементов фондового рынка. В качестве примера рассмотрим компанию «РУСАЛ», которая привлекла \$2,2 млрд, фактически компания российская, но с точки зрения первичного рынка это компания не российская и привлекла она средства за рубежом (Сайт «Росбизнесконсалтинг»...). В начале 2011 г. из семи российских компаний шесть последовали примеру РУСАЛА — создали холдинги за рубежом, где и привлекли средства. В 2012 г. объем первичных размещений акций на мировом рынке снизился до минимального уровня с начала финансового кризиса на фоне ослабления темпов глобального экономического подъема. Совокупный объем публичного размещения в 2012 г. составил \$112 млрд — это самый низкий уровень с 2008 г. Что касается российских компаний, то в 2012 г. проводили публичное размещение только 6 компаний, представленные в таблице (Портал PREQVECA...).

 Таблица
 2

 Первичное публичное размещение российских компаний в 2012 г.

Эмитент	Дата	Процент ІРО, %	Цена размещения	Площадка	Объем ІРО, млн
Московская Биржа	15.02.13	12.0	55 руб.	Московская Биржа	15000 руб.
Мультисистема	27.12.12	10.0	9,8 руб.	Московская Биржа	980 руб.
МегаФон	28.11.12	15.2	\$20	(GDR) LSE, Московская Биржа	1700 \$
MD Medical Group	12.10.12	32.1	12 \$	LSE	289.218 \$
Facebook	18.05.12	None	\$38	NASDAQ	16000 \$
RusPetro Plc	16.01.2012		2.05	LSE	250

Можно отметить, что размещение проходило на таких зарубежных площадках как LSE и NASDAQ. Размещение RusPetro Plc и MD Medical Group проходило на зарубежной площадке LSE. Публичное размещение компании RusPetro Plc более походило на частное размещение бумаг: на 10 инвесторов приходится 80% объема сделки. Согласно документам, RusPetro направит \$179 млн от общего объема средств на финансирование бурения и развитие нфраструктуры, \$45 млн - на погашение долга перед Сбербанком (PTC: SBER). Компанией MD Medical Group , инвесторам было предложено 12,5 млн новых акций, принадлежащих MD Medical Group, и 13,4 млн акций (с учетом опциона для банков-организаторов) продал основатель группы. Всего в ходе первичного публичного размещения группа смогла привлечь \$311 млн. Вся MD Medical Group тем самым была оценена в \$888,5 млн. (Портал PREQVECA...).

Во время всех реализованных первичных публичных размещений российские ТНК особенно предпочитали зарубежные площадки, хотя нередко, если ТНК размещалась на иностранной площадке, проводилась процедура размещения также и на российской площадке, но не в обратном порядке. На сегодняшний день, распространена практика одновременного размещения на нескольких биржевых площадках, а также совмещение биржевого и внебиржевого размещения. Например, первичное публичное размещение компании «Роснефть», которое осуществилось на Лондонской фондовой бирже (London Stock Exchange (LSE), и на тот момент на необъединенных биржах РТС и ММВБ. В процессе размещения было привлечено \$10,6 млрд (Напольнов, 2011. С. 60-69).

Необходимо отметить, что при использовании инструмента публичного размещения акций российские ТНК отдают преимущества зарубежным биржевым площадкам, а не российским. Среди российских ТНК значительной популярностью пользуются площадки Лондонской биржи (LSE/AIM), они составляют 47% от общего числа предпочтений эмитентов, которые выбрали размещения на международных площадках.

Можно выделить основные преимущества размещения на зарубежных площадках. Прежде всего, это существование крупного инвестиционного капитала, который может «переварить» различное размещение, далее прогрессивность и совершенствование фондового рынка, в следствии, высокая ликвидность российских ценных бумаг (Гвардин, 2007. С. 269). Положительный момент, это и расширенный круг инвесторов, популяризация компании за рубежом, и вероятность снижения стоимости дальнейшей мобилизации средств на зарубежном долговом рынке. Также к преимуществам можно отнести и улучшенную ликвидность акций ТНК, которые можно использовать при расчетах, залогах и других операциях. Плюс и осуществимость переноса страновых рисков в международное пространство.

На сегодняшний день стабильный рост количества российских компаний, которые используют публичное размещение в качестве привлечения инвестиций в развитие бизнеса, демонстрируют наличие потенциала, кадрового, интеллектуального, технологического, также свидетельствуют о том, что российские компании стремятся входить в структуру глобальных рынков.

Первичное публичное размещение — инструмент, позволяющий ТНК продать широкому кругу инвесторов свой пакет акций или его часть по цене более высокой, чем они заплатили в момент приобретения этих бумаг, до того как компания стала публичной.

Из этого следует, что задача ТНК не только аккумулирование внутренних ресурсов, но и мобилизация внешних, процесс осуществления которых происходит в процессах воздействия и взаимной обусловленности с иностранными банками и мировыми финансовыми организациями. Институт публичного размещения акций именно один из таких механизмов, который позволяет российским ТНК привлечь капитал как региональных, так и мировых инвесторов. Вместе с тем, публичный статус ТНК допускает впоследствии вернуться на рынки акционерного капитала путем продажи дополнительных акций. Учитывая

Mod

곢

Часть

то, что крупнейшая доля проведенных публичных размещений имеют своей целью мобилизацию инвестиционных ресурсов, наличествование развитого института первичного публичного размещения акций носит системную значимость для современной российской экономики. Вместе с тем доля российского капитала в общем объеме привлекаемых через первичное размещение акций средств недостаточно велика, вопреки этому все же присутствуют возможности использования российской инфраструктуры. Поэтому позиционирование инструментов публичного размещения акций в структуре источников внешнего долевого финансирования российскими транснациональными компаниями очень важно.

В настоящее время становится наиболее реальным с помощью инструментов публичного размещения акций мобилизовать ресурсы внутри страны, потому как растет ликвидность рынка, усовершенствуется инфраструктура, развивается законодательная и нормативно-правовая база. Положительная мировая конъюнктура и, вследствие этого значительный приток экспортной выручки, часть которой приходит на биржевые площадки, продолжают поднимать выше акции российских ТНК. Компетентная, правильная и энергичная политика государственных органов, прежде всего ФСФР, и внесение надлежащих правовых изменений способны изменить ситуацию и привлечь максимальное количество российских компаний к размещениям внутри страны.

ЛИТЕРАТУРА

Гвардин С.В. (2007). ІРО: стратегия, перспективы и опыт российских компаний. М.: Вершина, С. 264.

Геддес Р. (2007). IPO и последующие размещения. М.: Олимп-Бизнес – Экмос, С. 352.

Лосев С.В., Миркин Я.М. (2006). IPO «за» и «против» для эмитента. Корпоративные стратегии, № 2.

Миркин Я.М. (2004). Руководство по организации эмиссии и обращения корпоративных облигаций. Я.М. Миркин, С.В. Лосев, Б.Б. Рубцов, И.В. Добашина, З.А. Воробъева. М.: Альпина Бизнес Букс, С. 538.

Миркин Я.М., Лосев С.В. (2006). Методические рекомендации для эмитентов по подготовке и реализации IPO. Я.М. Миркин. М.: ИКЕврофинансы, С. 76.

Напольнов А.В. (2011). Мировой и российский рынки IPO: анализ тенденций и перспектив развития. А.В. Напольнов, Б.Б. Рубцов. *Эффективное антикризисное управление*. СПб., № 5 (68), С. 60–69.

Плахов А. (2006). Развивающиеся страны разогрели рынок IPO. *Коммерсант*, № 240.

Петров В. (2005). Преимущества ІРО перед прочими источниками инвестиций // Рынок ценных бумаг, № 15, С. 52–53.

Сергеева И.Г. (2007). IPO как инструмент финансирования российских компаний. Сборник научных трудов «Социально-экономические проблемы развития России и процессы глобализации: потенциал возможного». СПб.: Институт бизнеса и права, С. 254.

Слепов В.А., Мамедов А.О. (2004). Особенности формирования финансовых ресурсов транснациональных корпораций. Финансовый менеджмент, № 5.

Эксперты комментируют IPO «Русала». Доступно на: http://top.rbc.ru.

Портал PREQVECA. Доступно на: http://www.preqveca.ru.

Сайт Bloomberg. Доступно на: http://www.bloomberg.com.

Сайт «Росбизнесконсалтинг». Доступно на: http://www.rbc.ru.

Сайт «Финнам». Доступно на: www.finam.ru.

REFERENCES

Experts make comments on IPO Rusal Available at: (In Russian) http://top.rbc.ru. (In Russian).

Gvardin S.V. (2007). IPO: strategy, prospects and experience of the Russian companies. M: Top, pp. 264. (In Russian). Geddes P. (2007). IPO and subsequent placements. M: Olymp-business – Ekmos, pp. 352. (In Russian).

Losev S.V., Mirkin Ya.M. (2006). IPO of pros and cons" for the issuer. Corporate strategy, No. 2. (In Russian).

Mirkin YA.M. (2004). Guide to the organization of issue and address corporate Bonds. Ya.M. Mirkin, S.V. Losev, B.B. Hems, I.V Dobashina, Z.A. Vorobyov. M: Alpina Business Buks, pp. 538. (In Russian).

Mirkin Ya. M, Losev S.V. (2006). Methodical recommendations for issuers on preparation and IPO realization. Y.M. Mirkin. M: Ikevrofinansa, pp. 76. (In Russian).

Napolnov A.V. (2011). World and Russian IPO markets: the analysis of tendencies and prospects development. A.V.Napolnov, B.B.Rubtsov. Effective crisis management. SPb., No. 5 (68), pp. 60-69. (In Russian).

Plakhov A. (2006). Developing countries warmed the IPO market // The Businessman, No. 240. (In Russian)

Petrov V. (2005). Advantages of IPO before other sources of investments. Securities market, No. 15, pp. 52 - 53. (In Russian).

PREQUECA Available at: (In Russian) http://www.prequeca.ru portal. (In Russian).

Russian IPO Pioners-4: an analysis & review of 2008 Russian & CIS IPOs, PNB, 2009. Available at: (In Russian) http://www.pbnco.com. (In Russian).

Sergeyeva I.G. (2007). IPO as instrument of financing of the Russian companies. Collection of scientific works "Social and economic problems of development of Russia and globalization processes: potential possible", SPb.: Institute of business and right, pp. 254. (In Russian).

Slepov V.A. Mamedov A.O. (2004) Features of formation of financial resources of multinational corporations. Financial management, No. 5. (In Russian).

Site Bloomberg. Available at: (In Russian) http://www.bloomberg.com. (In Russian).

Site «RosBusinessConsulting». Available at: (In Russian) http://www.rbc.ru. (In Russian).

Site to «Finns». Available at: (In Russian) www.finam.ru. (In Russian).

РЕГИОН КАК ОТКРЫТАЯ СИСТЕМА. РОЛЬ АГРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

БАККУЕВ Э.С..

кандидат экономических наук, доцент, Кабардино-Балкарская государственная сельскохозяйственная академия, г. Нальчик, e-mail: info@kbsaa.ru

В работе рассматриваются вопросы регионального агроэкономического роста, процессы создания условий открытости и замкнутости региональной экономики, представлены основные характеристики сущности регионального экономического развития, обосновывается тезис о необходимости реализации комплекса преобразований в региональных социально-экономических системах.

Ключевые слова: региональная экономическая система; агроэкономический рост; формирование и регулирование экономических систем.

REGION AS AN OPEN SYSTEM. THE ROLE OF AGRO-ECONOMIC GROWTH IN THE DEVELOPMENT OF REGIONAL TERRITORIAL ENTITIES

BAKKUEV E.S.,

Ph.D., Associate Professor, State, Agricultural Academy, Kabardino-Balkaria, e-mail: info@kbsaa.ru

The paper deals with the issues of regional agro-economic growth, the process of creating the conditions of openness and closure of the regional economy, the main characteristics of the essence of regional economic development, substantiates the thesis of the need to implement a set of reforms in the regional socio-economic systems.

Keywords: regional economic system; agro-economic growth; the formation and regulation of economic systems.

JEL classification: Q13, Q16, Q18.

Каждая экономическая система в своем стремлении к стабильному развитию старается избежать замкнутости в формировании межрегионального сотрудничества, выхода и эффективного функционирования на внутристрановых и внешних рынках. По сути, системы замкнутого типа скорее теоретическая абстракция, огражденная от возможностей и угроз современного рыночного пространства. Но социально-экономическое развитие невозможно без взаимодействия с «внешней средой», экономика не может функционировать замкнуто. На любом уровне организации социально-экономических систем, территориальные образования, от микроэкономических, до макроэкономических субъектов не могут существовать обособленно, без процессов потребления благ, ресурсов, товаров и т.д. извне, и без реализации произведенной продукции, труда и проч. как результата своей деятельности.

Региональные экономические системы в современных условиях не в состоянии действовать эффективно без внешней торговли, товарообмена, который докажет эффективность работы внутрисистемных звеньев. Соответственно, функционирование региональной экономики, как полностью замкнутое состояние, лишенное взаимодействия с другими регионами и с системами более высокого уровня, также не представляется возможным.

В процессе экономического районирования территориального пространства страны может применяться несколько направлений экономического инструментария, таких как развитие определенных видов экономи-

ческой деятельности (если регион наделен соответствующими социально-экономическими возможностями, ресурсами), территориально-административное деление и т.д. Каждый регион на территории Российской Федерации, вне зависимости от уровня его социально-экономического развития, имея законодательно закрепленные границы, может характеризоваться по каждому из указанных оснований, и это будет отличать его от остальных. Но даже территориально обособленные региональные системы нашей огромной страны не функционируют в отрыве от ее экономики в целом. Так возникает теоретико-прикладная необходимость в межрегиональном обмене, четком и обоснованном взаимодействии, основанном на использовании региональных преимуществ.

Для определения межрегионального обмена представляется необходимым применить понятие экономического пространства как развивающего исходное представление о территории. Экономическое пространство – это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т.д. Каждый регион имеет свое внутреннее пространство и связи с внешним пространством. Близкими к понятию «экономическое пространство» являются понятия пространственная «территориальная» структура экономики и пространственная (территориальная) организация хозяйства (Гранберг, 2000. С. 25).

Соответственно, вывод лежит на поверхности, а именно, пространственный фактор является определяющим в региональной экономике, поскольку рынки и другие экономические объекты и категории не рассматриваются как абстрактные «точечные» элементы, а фигурируют в соответствии с четкой территориальной взаимосвязью, зависимостью и локализацией, что предопределяет направления и специфику исследований наиболее значимых преимуществ регионального развития.

Следует отметить, что территориально-экономическое пространство регионов страны отличается друг от друга по ряду присущих преимущественных свойств, которые в совокупности выступают как система внутрирегиональных качественных характеристик.

Так, ведущий российский ученый, академик А.Г. Гранберг определяет качество экономического пространства через множество комплексных характеристик и параметров:

- плотность (численность населения, объем валового регионального продукта, природные ресурсы, основной капитал и т.д. на единицу плошади):
- размещение (показатели равномерности, дифференциации, концентрации, распределение населения и экономической деятельности, в том числе существование хозяйственно освоенных и неосвоенные территорий);
- связанность (интенсивность экономических связей между частями и элементами пространства, условия мобильности товаров, услуг, капитала и людей, определяемые развитием транспортных и коммуникационных сетей) (Гранберг, 2000. С. 25).

Очевидно, можно сделать вывод, что стабильный экономический рост любой территориальной системы не может продолжаться бесконечно, в определенный момент внешние условия могут его изменить или ограничить.

Следует отметить, что уже более 200 лет в развитых странах сформировалась и реализуется в качестве доминантной долгосрочной тенденции направленность к стабильно-устойчивому экономическому росту и обусловленному им ускоренному социальному развитию. В настоящей момент динамика окружающей среды в результате ее производственного использования также вошла в число основных направлений исследований в области экономики, что и привело к прямой эскалации интереса экономической науки к проблемам агроэкономического роста. Кроме того, в последние годы мир стал свидетелем негативных последствий мирового экономического кризиса на развитие промышленного и сельскохозяйственного производства.

Основной причиной агроэкономического роста и его последствий выступает качественное совершенствование человеческого капитала и технического прогресса как детерминанта всякого экономического роста, в том числе – и агроэкономического. В теоретическом аспекте агроэкономический рост есть особая категория современной экономической теории, характеризующая объективный созидательный потенциал страны и ее регионов производить максимальное количество социально-требуемых товаров и услуг. Наиболее распространенным индикатором измерения динамики уровня экономического роста является оценка реального изменения в объеме и структуре валового внутреннего продукта страны (общей стоимости товаров и услуг, производимых обществом в течение года в данной стране). Вместе с тем, часто используются показатели роста валового национального продукта, темпы роста национального дохода и валового внутреннего продукта на душу населения.

Логические рамки сущности регионального экономического развития шире, чем логические рамки понятия «экономический рост», потому что оно выходит за границы изменений в экономике в натуральном выражении, а также принимает во внимание качественные изменения (образование, организация общества, развитие цивилизации и т.д.).

Определение перспектив и прогноза регионального агроэкономического роста в качестве особой методологии использует модели экономического роста. Все эти модели можно разделить на две группы: модели неоклассического типа (экзогенные модели) и модели неокейнсианского типа (эндогенные модели).

С точки зрения первого типа модели основным фактором в создании и увеличении экономики инновационного типа выступает процесс экзогенного технического прогресса, который обеспечивает необратимые изменения в дол-

госрочной перспективе. Предполагается, что производственные факторы, действующие на практике, используются полностью и нет никаких проблем, связанных с продажей. Объем производства означает, что экономика находится в ситуации неограниченного спроса. С предположением экзогенных моделей не совпадают альтернативные модели экономического роста, которые находятся, видимо, ближе к реальности, поскольку эта группа разрабатывает объяснительные модели экономического роста в эндогенных условиях.

Принятие предположения, что технологический прогресс является результатом инвестиционных решений потребителей и производителей, которые всегда действуют рационально, точнее всего подходят к характеристике агроэкономического роста.

Чтобы лучше понять процесс экономического развития аграрного сектора региона в виде развития сельскохозяйственных рынков, должны быть установлены некоторые закономерности в общей теории экономического роста. Другими словами, должна существовать в качестве отдельной концепции теория экономического регионального роста в сельском хозяйстве. Это значит, что модели, разработанные для сельского хозяйства, есть разновидность более конкретного механизма адаптации к конкретному росту данной отрасли народного хозяйства.

Теория агроэкономического роста является универсальной потому, что позволяет использовать отчетность практически каждого сектора экономики, в том числе сельскохозяйственного сектора.

В настоящее время региональный агроэкономический рост характеризуется двумя специфическими чертами. Во-первых, агроэкономический рост региона концептуально представляет то же явление, что и в целом для всего национального хозяйства. Во-вторых, он имеет внутреннюю специфику, которая проявляется не в количественном измерении, а в том, какие факторы и условия влияют на его формирование. Поэтому для агроэкономического роста имеет значение не столько формальная специфика, состоящая в различиях критериев оценки, сколько содержательный характер императивов и приоритетов формирующих экономический эффект в сельском хозяйстве региона.

Всю совокупность условий и факторов, формирующих агроэкономический рост в региональной экономике можно разделить на следующие классы: на условия и на факторы. Отличие условий от факторов состоит в том, что условия имеют экзогенный характер к росту в данной отрасли, в то время как факторы формируют архитектуру роста, т. е. задают специфику роста в данной отрасли национального хозяйства.

К условиям агроэкономического роста следует отнести: внешнюю конъюнктуру, социальные и демографические процессы, политико-экономическое и административное устройство государства и общества, существующие институциональные и инфраструктурные формы хозяйствования. В свою очередь факторы, формирующие агроэкономический рост, можно классифицировать по группам (рис. 1):

- природно-климатические и погодные условия;
- земля;
- ♦ труд;
- основные фонды предприятий и организаций;
- инвестиционный климат;
- менеджмент и маркетинг сельскохозяйственных организаций.

Экспликация отдельных факторов агроэкономического роста позволяет детализировать их роль в формировании траектории развития сельского хозяйства страны.

Например, на микроуровне: по организационно-управленческому – когда система управления предприятием становится неэффективной; по финансовому – при отсутствии возможностей привлечения финансирования для ряда проектов; трудовому – когда исчерпывается возможность привлечения квалифицированных работников на приемлемых условиях и т.д. Аналогичные ситуации возникают на региональном уровне, а если воспринимать региональную хозяйственную систему как комплекс звеньев, то и на предприятиях, организациях, функционирующих в ее определенных территориальных пределах. Во всех этих случаях предприятию требуется проведение изменений в деятельности. Если необходимые меры не принимаются в течение некоторого критического периода времени, происходит спад. В истории регионального хозяйствующего субъекта упадок может продолжаться до «условного нуля», т. е. привести к банкротству, прекращению его существования. Однако на микроуровне есть и возможность восстановления по причине наличия ресурсов во внешней среде (привлечение финансирования, покупка бизнеса, проекты по поддержке и т.д.). По мере увеличения уровня исследования экономической системы поддерживающий и восстановительный потенциал за счет привлечения ресурсов из внешней среды снижается. В то же время, возможность полного уничтожения системы также снижается. Если кризис отдельного бизнеса может привести к снижению показателей до нулевой отметки – исчезновения, то для экономики региона, и тем более – макроуровня, это невозможно. То есть можно сказать, что экономический спад также не может продолжаться «бесконечно» – наступает период стабилизации, за которым следует рост, цикл завершается и повторяется, но в другом качестве, так как экономическая система претерпела структурную перестройку.

Практикой верифицируется, что экономическая система региона следует в своем развитии за макроэкономикой, отображая ее тенденции, но сохраняя при этом присущие ей особенности. То есть в определенном смысле региональная экономика дублирует фазы цикла глобальных экономических процессов, трансформирующихся с учетом сложившейся в регионе ситуации.

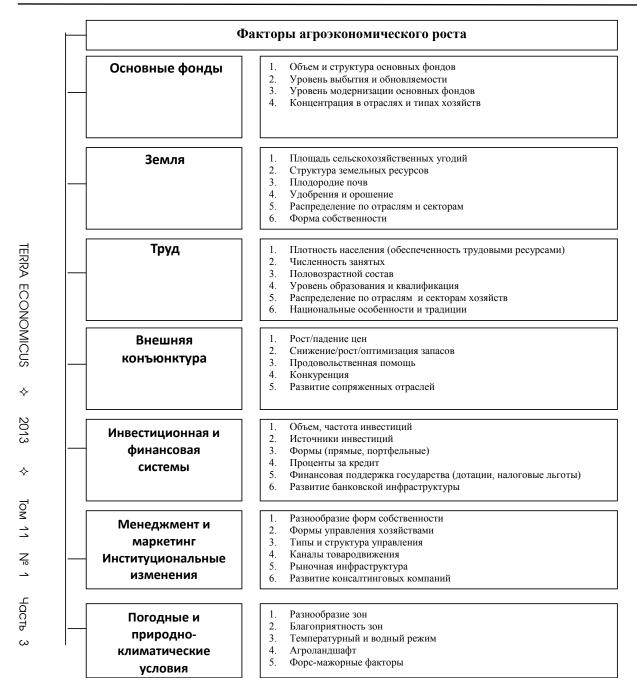

Рис. 1. Факторы агроэкономического роста¹

ЛИТЕРАТУРА

Гранберг А.Г. (2000). Основы региональной экономики: Учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, С. 25.

REFERENCES

Granberg A.G. (2000). Principles of Regional Economy: A Textbook for high schools. Moscow: Higher School of Economics, pp. 25. (In Russian).

¹ Разработано автором.

ДЕПРЕССИВНЫЕ ТЕРРИТОРИИ: МОДЕЛЬ ФАЗОВОЙ ВОЗГОНКИ (КОНЦЕПЦИЯ, РАБОЧИЕ ГИПОТЕЗЫ И ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ)

дончевский г.н.,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления, директор Центра технологизации региональной и муниципальной деятельности Института экономики и внешнеэкономических связей,

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: dongrin@yandex.ru;

ШАФИРОВ Л.А.,

кандидат социологических наук, депутат Законодательного Собрания Ростовской области, e-mail: shafirov@mail.ru;

КАРЛИНА А.А.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Самарская академия государственного и муниципального управления, г. Самара, e-mail: karlina_anna@mail.ru

В контексте актуальной проблемы оздоровления депрессивных территорий авторы статьи подвергают критике устоявшиеся в практике государственного и муниципального управления способы преодоления депрессивности за счет вливания в развитие неблагополучных территорий внешних, преимущественно бюджетных, ресурсов. Концентрируя внимание на внутренних источниках развития территории, авторы статьи прорисовывают контуры модели, где местные домохозяйства показаны главной движущей силой, способной дать энергетический импульс выходу муниципального образования из состояния депрессивности. В качестве отдельного элемента модели предложено рассматривать целевое кредитование домохозяйств, которое одновременно должно способствовать увеличению доходов и сокращению расходов домохозяйств, а также — выступать в качестве внебюджетного источника реализации программ местного развития. Кроме того, поставлен вопрос построения управленческого контура модели, и определена роль органов местного самоуправления, результатом действий которых должны стать активизация выявленных источников развития и консолидация ресурсов заинтересованных сторон.

Ключевые слова: депрессивные территории; государственное регулирование социальноэкономического развития; финансы домохозяйств; социально-эффективное кредитование; иниииативы населения; органы местного самоуправления.

THE DEPRESSED TERRITORIES: PHASE SUBLIMATION MODEL (CONCEPT, HYPOTHESIS AND RESEARCH PROGRAMS)

DONCHEVSKY G.N.

doctor of Science, professor, Southern Federal University, e-mail: dongrin@yandex.ru;

SHAFIROV L.A.,

PhD, MBA, Member of the Legislative Assembly of the Rostov region, e-mail: shafirov@mail.ru;

Z_o

Часть

KARLINA A.A.,

PhD, Associate Professor, Academy of Municipal Management, Samara, e-mail: nina_ustina@mail.ru

Reviewing perspectives for revitalization of depressed territories, authors criticize the conventional governmental and municipal practical approaches for rehabilitation of depressed territories. Most of these approaches are based on the injections of budget resources into development of disadvantaged regions. By focusing on endogenous sources of the regional development, authors carefully draw the model outlines, picturing households as the main driving force capable of providing the energy impulse for pulling the municipality out of depression. The purpose lending to households is suggested to be considered as a separate element of the model. This type of lending should simultaneously trigger income increase and expenses decrease of a household; at the same time it should serve as the off-budget source of local economical development programs implementation. In addition, authors raise the question of building the management contour of the model and define the role of local authorities whose activities should result in intensification of identified sources of development and in consolidation of the interested parties' resources.

Keywords: the depressed territories; governmental regulation of the socio-economic development; households finance; social-effective lending; community initiatives; local authorities.

JEL classification: D13, E52, H72, 001.

Проблема депрессивных территорий давно набила оскомину и политикам, которые из-за этих территорий лишаются возможности безмятежно купаться в волнах всенародной любви, и экономистам, рецепты которых по оздоровлению данных территорий зачастую оказываются бесполезными, ибо по ним не отпускается лекарство ни в одной из аптек, и жителям указанных территорий, которым давно наскучили разговоры о близком оздоровлении, и, наконец, населению в целом благополучных (но – тем не менее – далеко не беспроблемных) пространств, у которого давно и постоянно отторгается часть благ для того, чтобы якобы быстро – и на «сей раз безусловно» – решить проблемы депрессивных мест.

Пути преодоления депрессивности, предлагаемые современными экономистами и практиками государственного и муниципального управления, по-прежнему ограничиваются привлечением на территорию внешних, в первую очередь государственных ресурсов (Чермит, 2011; Шарипов, 2012), хотя неэффективность такого подхода уже многократно доказана. В частности, в Самарской области с 2006 г. по настоящее время разрабатываются и реализуются ежегодные областные целевые программы, направленные на социально-экономическое развитие депрессивных городов, которые среди 10 городских округов Самарской области по показателям находятся в нижнем эшелоне рейтинга: Чапаевск, Октябрьск и Похвистнево. За годы реализации целевых программ по подавляющему большинству показателей рейтинги данных городов либо снизились, либо остались неизменными (см. табл. 1.).

Таблица 1

Рейтинг городов Самарской области, по которым приняты и реализуются областные программы социально-экономического развития (место в рейтинге из 10 городских округов)

Города		Чапаевск			Октябрьск			Похвистнево				
Показатели	2008	2009	2010	2011	2008	2009	2010	2011	2008	2009	2010	2011
Индекс промышленного производства (ИПП)	1	7	7	7	9	9	10	6	6	1	9	5
Отгружено товаров собственного производства на душу населения	8	8	8	8	10	10	10	10	4	5	5	5
Инвестиции в основной капитал на душу населения	10	8	8	10	9	7	10	8	8	9	9	9
Среднемесячная заработная плата	10	10	10	10	9	8	5	5	7	6	8	8
Бюджетная обеспеченность за счет налоговых и неналоговых доходов на душу населения	9	10	10	10	10	9	9	9	7	6	6	7
Уровень официально зарегистрированной безработицы	9	8	6	7	8	5	10	9	6	6	7	8
Естественный прирост населения, на 1000 человек	9	9	9	7	10	10	10	10	2	3	5	6

Источник: Материалы Министерства экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области 2006-2012. (http://economy.samregion.ru/indikativnoe_planirovanie_v_mu/Reitingi_/okruga/).

Таблииа 2

В Ростовской области по показателю интегральной оценки деятельности органов местного самоуправления нижние строчки рейтинга занимают шахтерские города, несмотря на разработанные и реализованные программы развития шахтерских городов, как федерального, так и регионального уровней (см. табл. 2).

Интегральная оценка деятельности ОМС городских округов Ростовской области по итогам оценки эффективности деятельности в 2010-2011 году (место в рейтинге из 12 городских округов)

	Инвестиционная привлекательность		Здравоохранение		Образование		Жилищно- коммунальное хозяйство		Итого	
	2010	2011	2010	2011	2010	2011	2010	2011	2010	2011
Гуково	7	6	10	10	8	11	10	10	11	11
Донецк	6	7	5	12	10	8	7	5	5	9
Зверево	9	11	2	11	7	7	11	12	9	12
Новошахтинск	10	8	1	7	12	12	9	11	10	10
Шахты	8	3	8	9	11	2	2	8	12	6

Источник: Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Ростовской области. Официальный портал Ростовской области (www.donland.ru/Default.aspex?pageid=88020).

Не видя истинных причин неэффективности прямых и косвенных вливаний в развитие депрессивных территорий, многие экономисты ищут решение проблемы в более рациональном распределения бюджетных средств и перераспределении ответственности между органами государственной власти и местного самоуправления (Зубков, 2007). Отдельным результатом исследований данного вопроса является комплекс предложений по производственной и социальной реструктуризации территорий (Лексин, Швецов, 2001).

Западные подходы государственного регулирования развития депрессивных территорий в обобщенном виде представлены в трех моделях: итальянской, иберийской и ирландской. «Итальянская модель» ориентирована на субсидирование затрат работодателей, связанных с созданием новых рабочих мест на проблемной территории. «Иберийская модель» отдает предпочтение обеспечению транспортной доступности депрессивных территорий (Gill, 2011. Р. 34). «Ирландская модель» нацелена на повышение транспортной доступности депрессивных территорий, разработку и внедрение инноваций, на обучение новым технологиям и повышение квалификации инженерных кадров и создание для этого соответствующих образовательных институтов, на рост предпринимательской инициативы (преимущественно - на повышение уровня человеческого капитала, мобильности трудовых ресурсов) (European Cohesion Policy in Ireland, 2009).

Провал политики по оздоровлению проблемных территорий на Юге Италии подтверждается статистически: там уже на протяжении 30 лет сохраняется высокий уровень безработицы, достигающий в некоторых регионах 15% (Mussida, Pastore, 2012). В ходе текущей экономической депрессии практически полностью утрачены достигнутые было успехи Испании в сокращении межрегионального неравенства (Cantos, 2005) и в сокращения безработицы. Безработица в депрессивных регионах в первом квартале 2013 г. взлетела до 38%, на 11,3% превысив средненациональный показатель. На звание эффективной могла бы претендовать ирландская модель преодоления депрессивности территорий, в результате реализации которой были достигнут рост населения в депрессивных территориях региона, где реализовывалась программа «Border Midland and Western (BMW)» (BMW Region Population, 2011) улучшилось качество транспортного обслуживания населения, водоснабжения, доступа к сети Интернет, на высоком уровне поддерживается предпринимательская и инновационная активность, но при этом – снижается, в сравнении с другими двадцати семи крупнейшими странами ЕС, размер ВРП на душу населения, сокращается количество рабочих мест (Border... 2010. Р. 336).

Кроме того, отмечая важность опыта Ирландии для российской региональной политики, следует признать, что, этот опыт не может быть в полном объеме применен в РФ по следующим причинам:

- Ирландия имеет географические преимущества, которые способствовали ее превращению в одного из главных центров аутсорсинга, обслуживающего американские компании;
- ирландцы не имеют языкового барьера с жителями США и Великобритании, являющихся крупнейшими импортерами услуг, производимых ирландскими компаниями;
- численность населения Ирландии и ее площадь не соизмеримы с российскими.

Вместе с тем, в РФ имеются также редкие и, скорее всего, кратковременные случаи оздоровления очагов депрессивности, которые либо косвенно, либо, и чаще всего, прямо связаны с залитием язвы депрессивности огромными потоками внешних (как правило, государственных) ресурсов. Это, прежде всего, относится к территориям национальных республик Российской Федерации, где, в силу сложившейся политической ситуации, их депрессивное состояние несет серьезную угрозу стабильности государственной власти и национальной безопасности. Представляется, что зачастую население депрессивных территорий, в знак благодарности за ранее полученные от вышестоящего уровня бюджета многомиллиардные ресурсы и (или) по причине желания получить моральное право требовать увеличения такого федерального (регионального) бюджетного финансирования, демонстрирует лояльность к власти в период голосования (см. табл. 3).

Таблица 3

Регион	Явка	Путин В.В.	Зюганов Г.А.	Прохоров М.Д.	Жириновский В.В.	Миронов С.М.
целом по России	65,30	63,60	17,80	7,98	6,22	3,85
барлино-Балкарская республика	73.04	77.64	13.81	2 32	3.08	3.05

Итоги выборов президента Российской федерации 2012 года в республиках Северного Кавказа (%)

В целом по России	65,30	63,60	17,80	7,98	6,22	3,85
Кабардино-Балкарская республика	73,04	77,64	13,81	2,32	3,08	3,05
Карачаево-Черкесская республика	91,28	91,36	5,81	0,90	0,98	0,74
Республика Дагестан	91,30	92,84	5,94	0,45	0,11	0,29
Республика Ингушетия	86,46	91,91	4,45	1,16	1,17	1,06
Республика Северная Осетия - Алания	80,71	70,06	21,05	1,66	3,16	3,11
Чеченская республика	99,61	99,75	0,029	0,021	0,022	0,026

Источник: Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации 4 марта 2012 года // Центральная избирательная комиссия Российской федерации (http://www.cikrf.ru/banners/prezident_2012/itogi/svod_tabl.pdf).

Напротив, сокращение бюджетного финансирования депрессивной территории, нерешенность проблемы депрессивности относительно «тихих», с политической точки зрения, территорий, а также – не исполнившиеся ожидания жителей по решению проблем их домохозяйств за счет, в первую очередь, бюджетного финансирования, приводит к росту недоверия к власти, что еще раз подтверждает мысль о неэффективности мероприятий по «вливанию» в развитие территорий бюджетных ресурсов. В частности, на примере Ростовской области заметна тенденция снижения политической лояльности населения шахтерских территориях, где региональные и федеральные дотации не обеспечили ожидаемого жителями повышения качества жизни населения. Так, все шахтерские территории Ростовской области продемонстрировали более низкие результаты голосования за В.В. Путина как представителя действующей власти (от 52 до 60%), при среднем показателе по региону – 62,6 %. Похожая картина наблюдалась и на выборах депутатов Законодательного Собрания Ростовской области. За депутатов от партии «Единая Россия» на выборах 2008 года избиратели шахтерских территорий отдали от 49% до 65% голосов при среднем показателе по области 71,88 % 1.

Возможно предположить, что позиция местного бизнеса депрессивных территорий имеет свои особенности и направлена на извлечение выгоды из данной депрессивности. Бизнес депрессивных территорий извлекает выгоду от пусть и не финансово насыщенных, зато весьма стабильных условий своей деятельности: ведь ясно, что неблагоприятный имидж депрессивности является барьером на пути входа в эту территорию новых игроков, а значит в целом существенно снижает здесь уровень конкуренции. Это позволяет местным бизнес-структурам, в частности, сохранять низкий технологический уровень производства, низкий уровень заработной платы, получая в результате дополнительную прибыль, либо компенсируя невысокие доходы. Разница среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в рамках одного региона между депрессивными и благополучными территориями может превышать 10 тыс. руб. В Ростовской области, в частности, в шахтерских городах заработная плата в 2 раза ниже, чем в областной столице². Местный бизнес депрессивных территорий также плотно завязан на бюджетных инвестициях. Это проявляется, в частности, в активном реагировании размера частных инвестиций на увеличение бюджетных вливаний в основные средства производства (см. рис. 1).

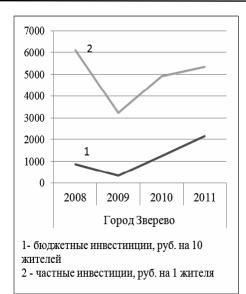
В то же время, в благополучных территориях взаимозависимость частных и бюджетных инвестиций не выявлена (см. рис. 2).

Таким образом, выходит, что если хорошо поскоблить проблему депрессивности, то окажется, что она — чуть ли не всесторонне выигрышная проблема для бизнеса и власти (если, конечно, за скобки анализа вынести подлинные, коренные интересы населения как самих депрессивных, так и прямые интересы населения в целом благополучных территорий). На этой парадоксальной основе выросли могущественные силы лоббизма депрессивности. Депрессивность фактически приобрела форму современного колониализма в традиционном российском обличии. Разница заключается лишь в том, что, если классическая метрополия имела политико-экономические выгоды от классических колоний в виде вывозимых из них ресурсов, то выгода традиционного российского колониализма, на почве которого вырос современный депрессивный колониализм, состоит, наоборот, в ресурсах, ввозимых в эту колониальную ячейку.

¹ Источник: Избирательная комиссия Ростовской области. (http://www.ikro.ru/election/regelection/map/).

² Источник: Федеральная служба государственной статистики по Ростовской области (http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi).

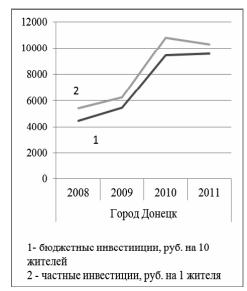

Рис. 1. Динамика бюджетных и частных инвестиции на депрессивных территориях Ростовской области Источник: Федеральная служба государственной статистики по Ростовской области (http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi).

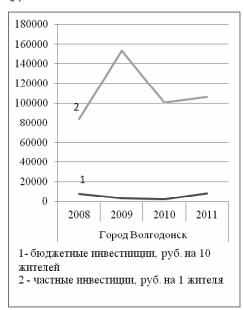

Рис. 2. Динамика бюджетных и частных инвестиции на депрессивных территориях Ростовской области Источник: Федеральная служба государственной статистики по Ростовской области (http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cqi).

Неблагоприятный деловой имидж депрессивных территорий ведет к тому, что – даже если отбросить в сторону неотбрасываемое (коррупционность) – вновь привлекаемый в территорию внешний крупный бизнес зачастую профилирован на освоении государственных ресурсов, инвестируемых в депрессивные территории. Привлечение внешнего крупного бизнеса для преодоления депрессивного состояния является достаточно распространенной позицией современных экономистов и практиков, которые, ссылаясь на западный опыт, видят в данном механизме создания «точек роста» реальный механизм стимулирования экономического роста (Дулова, 2011). Данная позиция основывается на теории кумулятивного роста Г. Мюрдаля (Мюрдаль, 1958), на базе которой было установлено, что, так называемые «точки роста», создают условия для ускоренного развития регионов. В то время, как отставание экономически слабых регионов, при отсутствии таких центров роста, может еще более усиливаться. Но здесь также много «подводных камней», среди которых и те, которые уже на протяжении многих десятилетий находятся в центре дискуссии между сторонниками различных теорий «полюсов роста» (Міуоshі, 1997).

К ресурсам, заводимым по рекомендации и при содействии властей извне в депрессивную территорию, по принципу не могут быть применены критерии и оценки экономической эффективности, поскольку природа этого потока ресурсов является не экономической, а политической. Именно на этой базе формируется та особая депрессивно-колониальная рента, которая питает всех тех, кто осваивает эти ресурсы. Данная рента имеет тенденции и механизмы расширенного воспроизводства: чем более значительные ресурсы заводятся в депрессивную территорию, тем большие масштабы неэффективности они порождают на этой территории. Таким образом, каждый последующий транш этих ресурсов появляется на территории со все более ухудшенными показателями эффективности, а значит реализуется со все большей нормой депрессивно - колониальной ренты. В итоге все дело выходит за пределы круга и приобретает форму спирали, но спирали и пагубной, и порочной. Вернее будет сказать, что на месте депрессивной территории образуется некая воронка, которая всасывает в себя все больше бюджетных ресурсов до тех пор, пока власти более высокого – финансирующего – уровня не начинают осознавать как бесперспективность сложившейся модели решения проблемы для самой депрессивной территории, так и – главное – губительность, чрезвычайную опасность этой модели для открытых и скрытых целей деятельности этих властей.

При наступлении такого осознания озабоченные власти, как правило, принимают одно из двух решений: первое – присоединить депрессивную дыру к более благоприятной территории, если та расположена по соседству с депрессивной; второе – разрубить проблему депрессивности резким повышением уровня вливания в нее внешних ресурсов. Тем более, что к принятию этих решений власти давно подталкиваются и рекомендациями пропиаренных экономистов и, так называемым, общественным мнением. Теоретическими основаниями первого из упомянутых решений являются: с одной стороны, взгляд, в соответствии с которым более благополучный субъект передаст присоединенному более продвинутую управленческую компетенцию (раскроет над депрессивной воронкой управленческий зонтик) и, тем самым, оздоровит ситуацию; с другой стороны, взгляд, по которому над депрессивной территорией прольется оздоровительный дождь от эффекта масштаба. В частности, X. Ричардсон считал, что крупные городские агломерации способствуют снижению производственных издержек. Именно мегаполисы являются «полюсами роста» экономики, способствуя росту производительности труда, обеспечивая приток внешних инвестиций и высококвалифицированных кадров (Эльканов, 2012).

В Самарской области примером решения проблемы путем присоединения депрессивной территории к более благополучной является попытка в 2000 г. присоединить г. Октябрьск к г. Сызрани (Афанасьев, 2000). Против этого решения проголосовали именно жители депрессивного Октябрьска, для которых потеря независимости означала одновременно потерю внешних бюджетных ресурсов, привлекаемых на территорию в рамках государственной поддержки. В 2012 г., когда в Правительстве Самарской области вновь возник вопрос об объединении двух городских округов, инициатива была заморожена уже органами местного самоуправления г. Сызрани, которые увидели в этом угрозу для собственного бюджета. За последние 3 года доля налоговых поступлений в бюджет г. Сызрани снизилась с 68,7% до 52,6%, а 2008, 2009, 2011 гг. администрация города завершила в ситуации дефицита муниципального бюджета³. Можно предположить, что при такой структуре доходов и расходов бюджета администрация города Сызрань не смогла бы реализовать необходимые мероприятия для повышения инвестиционной привлекательности территории г. Октябрьска.

Идея разрубить проблему депрессивности резким повышением уровня вливаний строится не столько на теории, сколько на метафоре, почерпнутой из тяжелой атлетики: тяжелую штангу нужно либо рвать («рывок»), либо резко выталкивать («толчок»). Однако эта в целом верная и здоровая метафора приходит в противоречие с другой не менее правдоподобной метафорой: организм, который долгое время находился на полуголодном пайке да еще в состоянии иждивенческой (пусть и вынужденной) гиподинамии, может погибнуть от резкого вбрасывания в него первой же обильной порции пищи, либо, как минимум, получит зависимость от получения такой постоянной подпитки.

Таким образом, оба указанных выше пути решения проблемы выхода из раскручивающейся воронки депрессивности на деле лишь усугубляют болезнь, переводя, зачастую в хроническую стадию. Там же, где случались специально распропагандированные образцы «успешного опыта», применялись жесткие (вплоть до диктаторских) методы ручного управления, переход к которым прямо предполагается самим существом разбираемых путей, будь то путь территориального присоединения либо путь «ресурсного рывка».

Главное же и самое принципиальное состоит в том, что ни один из внешних путей решения проблемы депрессивности не имеет своим средоточием укол в самую глубь причины раскручивающейся «воронки депрессивности» и ее депрессивно-колониальной ренты — в проблему экономической неэффективности. Во всех разговорах и писаниях, посвященных разбираемым путям, проблема экономической эффективности, конечно же, ставится, но ставится лишь как некоторый конечный итог, как проблема выхода на экономическую эффективность в некоторой (как правило — весьма неопределенной) перспективе. На самом же деле, само явление экономической эффективности, массовое, острое и озабоченное сострадание к ней должно быть положено в начало, поставлено в голову механизма выхода из «воронки депрессивности». Только в этом и исключительно в этом случае будет возможно сгенерировать внутри депрессивной территории ту энергию, которая позволит преодолеть затягивающую силу «воронки депрессивности», выскочить из этой воронки и — под влиянием полученного ускорения — перейти, минуя фазу догоняющего роста, сразу же на траекторию опережающего развития. Тем самым превратить разрушительную энергию раскручивающейся депрессивности в позитивную силу локомотивов национального развития. Такова концепция. Теперь обрисуем модель ее практической реализации.

Главная трудность (и потому – начало начал нашей модели) – найти внутри депрессивной территории ту самую точку массового, острого, повседневного и озабоченного сострадания к состоянию экономической эффективности. Понятно, что никакой внешний ресурс – каким бы огромным по своему размеру этот ресурс ни был бы – такой точкой быть не может.

³ Источник: Федеральная служба государственной статистики по Самарской области // (http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst36/DBInet.egi).

Напротив, он порождает только настроения озабоченности его неэффективного использования с целью извлечения, распределения и перераспределения (причем, не только по внешним, но и внутренним участникам и каналам) депрессивно-колониальной ренты. Незначительный по своему масштабу внешний ресурс порождает только острое желание его увеличения.

Итак, никакой внешний ресурс на роль искомой точки не подойдет. Нужно обращаться к ресурсам внутренним. Идея об особой роли внутренних ресурсов в социально-экономическом развитии города не является новой и имеет достаточно серьезное обоснование в зарубежных и отечественных исследованиях, в частности в рамках теории устойчивого развития города (Найт, 2010; Пастухова, 2010). В рамках данной статьи поставлена проблема другого уровня – определения носителя внутреннего ресурса, способного дать энергетический импульс развитию территории и выходу из состояния депрессивности. Кроме того, обозначен вопрос управленческого характера, а именно – построение модели активизации выявленных источников развития и консолидации ресурсов заинтересованных сторон.

Понятно, что таким внутренним ресурсом не может быть бюджет депрессивной территории: из-за своей сверхдотационности данный бюджет представляет собой лишь внутреннюю оболочку внешнего ресурса. Такие же внутренние оболочки внешнего ресурса, по сути своей, представляют и бюджеты местных организаций, которые своими источниками зачастую имеют главным образом поступающие на территорию внешние ресурсы и – отчасти – доли перераспределенной депрессивно-колониальной ренты.

Земля и недвижимость (если следовать теории факторов производства) в условиях действия «воронки депрессивности», если и представляют собой предметы озабоченности, то исключительно с точки зрения избавления от них, а не с позиций хлопот о повышении эффективности их использования. Они, если и представляют собой капитал, то исключительно капитал иррациональный, имеющий отрицательный знак накопления. Стоит только сравнить ставки налогов на имущество и землю, ставки арендной платы за муниципальную землю, а также кадастровую стоимость земли в депрессивных территориях со значениями аналогичных показателей в региональных центрах, и станет понятно, что, для большинства жителей и предпринимателей в депрессивных территориях земля и недвижимость стали бременем. Органы местного самоуправления, под жестким прессингом региональных властей, вынуждены применять максимальные ставки налоговых и арендных платежей, таким, подрывающим свою инвестиционную привлекательность, способом увеличивая собственные доходные источники.

Итак, фактически единственными элементами экономической системы депрессивной территории, заинтересованными в эффективном использовании ресурсов, являются те бюджеты, которые формируются производительным трудом активной части жителей депрессивной территории, т. е. бюджеты достаточно массовой категории домохозяйств. Достаточно сказать о том, что повышенная (в сравнении с более благоприятными территориями) степень угрозы остаться без поля приложения своего труда, а также пониженная (в сравнении с более благоприятными территориями) степень возможности для сбережения и накопления временно свободных средств своего бюджета – оба эти важные обстоятельства вместе взятые существенно обостряют степень озабоченности эффективностью распоряжения средствами своего бюджета со стороны указанной категории домохозяйств депрессивной территории. Данная идея концептуально обоснована в рамках теории неформальной экономики, в той части исследований, которые рассматривают экономический феномен домохозяйств не как архаичный пережиток стран с отсталой или депрессивной экономикой, а, напротив, как одну из форм прогрессивного экономического развития (*Portes, 1987*).

Таким образом, мы нашли эпицентр озабоченности проблемой экономической эффективности внутри депрессивной территории, а значит, нашли и первый элемент той модели, которая призвана реализовать описанную выше концепцию фазовой возгонки (концепцию перехода от депрессивности к опережающему развитию, минуя стадию догоняющего роста путем воздействия на точку массового, острого, повседневного и озабоченного сострадания к состоянию экономической эффективности).

Следующий элемент модели: точное понимание предметной структуры «сострадания к состоянию экономической эффективности», которая в депрессивной территории существенно отличается от одноименной категории, действующей на территории относительного благополучия. Самым главным обстоятельством, которое необходимо выделить и зафиксировать, является состояние известной слитности, неразличенности, синкретизма, гомогенности, которое наблюдается в отношении указанной категории на территории с «воронкой депрессивности». До попадания в эту воронку та часть населения депрессивной территории, которое могло и хотело покинуть эту территорию, давно покинуло ее, что наглядно демонстрируют статистика демографической ситуации: уровень миграции населения, возрастной состав населения. В Ростовской области шахтерские территории отличаются более низкой долей трудоспособного населения (58-59%, при среднем показателе по области – 60%), и, напротив, более высокой долей населения старше трудоспособного возраста (26-28% при среднем показателе по области – 24%) в процентном отношении к общей численности населения. В шахтерских городах Ростовской области наблюдается также отрицательное сальдо миграции⁴.

Таким образом, в условиях «воронки депрессивности», проживать, вести активную трудовую жизнь на депрессивной территории продолжают только те, кто не смог и (или) не пожелал ее оставить. Тем самым оставшиеся в депрессивной территории жители, в известном смысле, слились с территорий своего проживания и деятельности, — слились в гораздо большей степени, нежели те, которые проживают в территориях относительного благополучия: в условиях «депрессивной воронки» территория не отпускает своих активных поселенцев, а те, в свою очередь, не отпускают от себя свою территорию. В смысле «озарения экономической эффективностью», для данной части жителей формируется

⁴ Источник: Федеральная служба государственной статистики по Самарской области // (http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst36/DBInet.cgi).

отчетливое понимание того факта, что достижение эффективности бюджета их домохозяйства накрепко связано с достижением иных, качественно новых состояний самой средой их проживания.

Вторая плоскость синкретизма депрессивный территорий на фазе «депрессивной воронки» состоит в том, что здесь формируется совсем иной, гораздо более высокий, нежели на территориях относительного благополучия, уровень слитности между бюджетами домохозяйств активной части населения. Для подтверждения этому в рамках настоящей статьи достаточно употребить метафору о том, что оставшимся жителям присуще чувство, что все они оказались в одной и той же западне, и что выкарабкаться из нее они также смогут только сообща.

Описанные плоскости синкретизма достаточно ясно формируют интенцию к возникновению на депрессивной территории такого явления, которое мы бы назвали предуготовленностью ощутимой части домохозяйств территории к приданию экономической эффективности своим бюджетам через консолидированное инвестирование части средств этих бюджетов в проекты, которые были бы одновременно и проектами капитализации средств бюджетов, и проектами совершенствования среды проживания. При этом указанные проекты были бы совершенно понятными и прозрачными самим инвесторам. Хорошим примером такого рода синкретичных проектов могли бы быть проекты, связанные с повышение энергоэффективности жилья домохозяйств: вложившись в повышение энергоэффективности своего жилья, инвесторы могли бы достичь и капитализации своих временно свободных (заемных) средств (которые бы им вернулись в форме снижения расходов на оплату услуг ресурсоснабжающих организаций), и – одновременно – улучшить, например, экологию и, в целом, облик территории.

Практическое движение в сторону решения проблемы депрессивности путем активизации внутренних источников за счет капитализации бюджетов домохозяйств уже находит свое воплощение в некоторых пилотных проектах, в частности – в рамках проекта Института экономики Карельского научного центра РАН. Смысл проекта заключался в активизации деятельности населения депрессивных карельских поселений в сфере создания продуктов индустрии внутреннего рекреационного туризма на основе природных, культурных и исторических ценностей (домашние музеи карельского быта, ремесла, местного фольклора, дома рыбака т.д.) Но, по мнению самих же разработчиков проекта, толчком его реализации должно стать качественное изменение сознания жителей, в частности, – осознание того, что совместное переживание ситуации депрессивности должно перерасти в объединение усилий для повышения благоустройства территории совместного проживания (Савельев, 2012).

Но улучшение облика того или иного участка национальной территории является уже заботой не только ее жителей, но и национальных властей. Улучшение же облика депрессивных территорий формирует еще одну плоскость синкретизма активных домохозяйств этой территории и властей регионального и общенационального уровня. Наша концепция позволяет заменить механизм бесконечного и бесперспективного субсидирования процесса оздоровления этих территорий на механизм совместного инвестирования в те проекты улучшения среды проживания, в которых сочетаются интересы национальных властей и интересы местного населения. Здесь, оттолкнувшись от второго элемента модели (синкретизма предметной структуры «сострадания к состоянию экономической эффективности»), мы вплотную подошли к третьему элементу модели реализации нашей концепции.

В качестве такого элемента выступает структура, состоящая из двух взаимосвязанных частей. Первая часть – это электронная модель бюджета домохозяйства любой из официально отобранных депрессивных территорий, нацеленная на эффективное использование временно свободных или заемных средств домохозяйства через их инвестирование в синкретичные проекты (повторим: проекты с тройным эффектом: капитализация временно свободных средств; улучшение условий среды проживания; понятность и прозрачность проекта и всего цикла инвестирования). Вторая часть этого третьего элемента нашей модели – электронные общедоступные версии тех проектов улучшения территории проживания, которые готовы на условиях соинвестирования профинансировать национальная власть. Суть взаимодействия этих двух частей должна состоять в том, что любое из домохозяйств, обратившись к предложенным на соинвестирование проектам, должна иметь возможность легко «подставить» каждый из этих проектов под свой собственный бюджет, и выбрать из образовавшихся вариантов тот (или – те), в которое оно готово вложить свои собственные средства. В результате несложной и непродолжительной совместной или (и) параллельной работы домохозяйств выявятся проекты, по которым интересы домохозяйств и национальных властей в наибольшей мере совпадают. Останется провести (например, при помощи местных властей и организаций правящей партии) некоторые согласительные процедуры, и дать делу ход.

Практический опыт построения синкретичной модели взаимодействия домохозяйств и муниципальных органов управления представлен в г. Гуково Ростовской области, где усилиями Центра технологизации региональной и муниципальной деятельности ЮФУ реализован проект «Процессная модель управления социальными и деловыми инициативами развития города» (2007-2012). Суть проекта состоит в создании органами местного самоуправления условий и управленческих механизмов реализации инициатив жителей города, направленных на решение социальных и хозяйственных проблем города и его развитие. Принципиальная отличительная особенность модели работы с инициативами, реализованной в г. Гуково от существующих в практике муниципального управления конструкций работы с инициативами населения заключается в следующих аспектах.

Во-первых, проект, реализованный в г. Гуково не предусматривает крупных бюджетных инвестиций, что особо актуально для города с дотационным бюджетом, и ориентирован на реализацию инициатив за счет консолидации инициативных проектов, активизации возможностей других субъектов муниципального пространства (бизнес – структур, НКО, активных граждан), осознавших свой выигрыш от результатов реализации инициатив.

Инициативное движение, схожее по природе с предпринимательским, должно быть истинно инициативным, т. е. зарождаться и развиваться в условиях неопределенности внешних ресурсов, которые появляются только в условиях активности инициатора и его готовности к отсвоению своих собственных ресурсов. Под отсвоением в данном случае понимается акт вкладывания собственных ресурсов (материальных, финансовых, интеллектуальных, временных и др.) в конкретнее мероприятие без заранее определенной выгоды. Но в результате отсвоения своих собственных ресурсов инициатор получает определенный выигрыш, а именно доступ к возможностям других субъектов взаимодействия (Дончевский, 2011).

В рамках проекта в г. Гуково апробированы механизм консолидации мероприятий и финансовых ресурсов муниципальных целевых программ и инициатив населения. Суть данного механизма в том, что в составе муниципальных целевых программ, в качестве отдельных мероприятий, предусматриваются инициативы населения, обеспеченные внебюджетными источникамифинансирования. Это, с одной стороны, повышает эффективность программно – целевых методов управления, а, с другой стороны, - обеспечивает активизацию внутреннего источника развития депрессивных территорий. В частности, в 2012 г. в г. Гуково, удалось существенно повысить инициативную активность населения и процент реализованных инициатив жителей: с 30 до 68% (Карлина, 2011). Но в рамках данного проекта, в основном, были апробированы социальные инициативы жителей города. Реализация «бизнес»-инициатив, направленных на повышение финансового благосостояния домохозяйств, не являлась целью проекта. Тем не менее предложенный механизм консолидации бюджетных средств и инициатив жителей города может стать основой для построения взаимоотношений местных домохозяйств депрессивных территорий, реализующих инвестиционные проекты, и органов власти всех уровней. Представляется, что, в качестве внебюджетного источника финансирования муниципальных целевых программ депрессивных территорий, следует рассматривать кредиты, предоставляемые финансовокредитными организациями домохозяйствам этих территорий на цели, синхронизированные с целями и задачами данных муниципальных целевых программ (Шафиров, 2013 а). Такого рода кредитование можно рассматривать как социально-эффективное, что особенно актуально в условиях бума потребительского кредитования населения на нерациональные цели (Шафиров, 2013 б).

Особенностью предлагаемой авторами модели и фактором ее успешной реализации являются изменение типа мышления (как населения депрессивной территории, так и органов власти) в сторону преодоления ресурсно-иждивенческого способа решения проблем. В целом это означает переход от ресурсной (экономической) к поссибилитарной (противо-экономической) модели поведения (Дончевский, 2011). В отношении населения это означает отход от преимущественно потребительского способа использования бюджета домашнего хозяйства к его капитализации и к капитализации окружающего пространства, что принципиально открывает новую сферу возможностей развития домохозяйств и депрессивных территорий. Для муниципальных и государственных служащих это инновационное мышление связано с освоением новых управленческих технологий и компетенций по активизации возможностей населения.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев С. (2000). Октябрьск станет районом Сызрани? Самарское обозрение. 07.02.2000. № 6.

Дончевский Г.Н. (2011). Поссибилитика, или искусство овладения невозможным (очерки технологии эры индиго): монография. М., Вузовская книга. 376 с.

Дулова Е.Н. (2011). Депрессивный регион: понятие и механизм управления. Региональная экономика и управление: электронный научный журнал, № 2 (26). № рег. статьи 0091. Доступно на: http://region.mcnip.ru.

Зубков К.М. (2007). Методические аспекты мониторинга социально – экономического положения депрессивных шахтерских территорий. *Гуманитарные и социальные науки*. № 5. С. 28-34.

Карлина А.А., Устина Н.А. (2011). Консолидация инициатив общегородского развития и бюджетного процесса муниципального образования. Вестник Самарского государственного университета. № 6 (87). С. 54–60.

Лексин В., Швецов А. (2001). Депрессивные территории: прежние проблемы и новые варианты их решения. Российский экономический журнал. № 9. С. 35–65.

 $\mathit{Мюрдаль}\ \varGamma$. (1958). Мировая экономика: Проблемы и перспектив. М.: Изд-во иностр. лит. 555 с.

Найт Ричард В. (1993). Устойчивое развитие - устойчивые города. Международный журнал социальных наук. № 2. С. 43-69.

Пастухова Е.А. (2010). Влияние системы ресурсного обеспечения на формирование устойчивого развития муниципального образования. Экономика и управление собственностью. № 4. С. 39–45.

Савельев Ю.А. (2012). Проблемы депрессивных территорий Республики Карелия и подходы к их решению. Доступно на: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/Hiterland/HINTERLAND_article.doc.

Чермит Т.А. (2011). Особенности развития депрессивной региональной экономической системы. Вестник адыгейского государственного университета. Серия 5: экономика. № 2. Доступно на: http://cyberleninka.ru/article/n/ osobennosti-razvitiya-depressivnoy-regionalnoy-ekonomicheskoy-sistemy.

Шарипов М.А. (2012). Развитие депрессивных регионов. Экономика и менеджмент инновационных технологий. Доступно на: http://ekonomika.snauka.ru/2012/05/803.

Шафиров Л.А. (2013) Современный бум потребительского кредитования в РФ: повышение социальной эффективности кредитования населения как мера антициклического регулирования. *Terra Economicus*. Том 11. № 1. Ч. 2. С. 34-42.

Шафиров Л.А. (2013). Повышение социальной эффективности кредитования населения как императив устойчивого развития. *Вопросы регулирования экономики*. Том 4. № 1. С. 124-134.

Эльканов Р.Х. (2012). Полюса развития и точки роста инновационной экономики: Российский и зарубежный опыт. Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». № 2. Доступно на: http://www.nauteh-journal.ru/index.php/---ep12-02/388-a.

BMW Region Population (2011). Доступно на: http://www.bmwassembly.ie/region/population.html.

Border Midland and Western Regional Operational Programme Annual Implementation (2010). Доступно на: http://www.bmwassembly.ie/NEWOP_2007-2013/BMW%20ANNUAL%20IMPLEMENTATION%20REPORT%202010%20-%20FINAL.pdf.

Cantos P. and Gumbau-Albert M. and Maudos J. (2005). Transport infrastructures and regional growth: evidence of the Spanish case. Published in: Transport Reviews, Vol. 25, No. 1. pp. 25–50.

Community, Economy and Population Trends in regions with long-term decline in population. Доступно на: http://www.byggdastofnun.is/static/files/Skyrslur/Byggdarlog/English_summary.pdf.

European Cohesion Policyin Ireland. Доступно на: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/informat/country2009/ie_en.pdf.

Gill I. (2011). Improving regional development policies. Seminar on Territorial Dimension of Development Policies. 18-19 July Ostróda, Poland. p. 29-34.

Kitchens R., Gross D., Smith H. (2008). Community Capitalism: Lessons from Kalamazoo and Beyond. Bloomington, Indiana, AuthorHouse. 111 p.

Miyoshi T. (1997). Successes and Failures Associated Withthe Growth Pole Strategies. Доступно на: http://miyotchi.tripod.com/dissert.htm.

Mussida C., Pastore F. (2012). Is There a Southern-Sclerosis? Worker Reallocation and Regional Unemployment in Italy. Доступно на: http://ftp.iza.org/dp6954.pdf.

Portes A., Sassen-Koob S. (1987). Making It Underground: Comparative Material on the Informal Sector in Western Market Economies. American Journal of Sociology. 1987. Vol. 38. № 1. P. 30-58.

Ronald D. Eller. (2008). Uneven Ground: Appalachia since 1945. Lexington: University Press of Kentucky. 376 pp.

REFERENCES

Afanasiev S. (2000). Oktyabrsk will be the area of Syzran? Samarskoye Obozreniye. 07.02. 2000. (In Russian). BMW Region Population (2011). Available at: http://www.bmwassembly.ie/region/population.html.

Border Midland and Western Regional Operational Programme Annual Implementation (2010). Available at: http://www.bmwassembly.ie/NEWOP_2007-2013/BMW%20ANNUAL%20IMPLEMENTATION%20REPORT%202010%20-%20FINAL.pdf.

Cantos P., Gumbau-Albert M., Maudos J. (2005). Transport infrastructures and regional growth: evidence of the Spanish case. Published in: *Transport Reviews*, Vol. 25, No. 1. pp. 25-50.

Chermit T.A. (2011). Features of the development of depressive regional economic system. Vestnik of Adyghe state University. Series 5: the economy. No. 2. Available at: ttp://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-depressivnoy-regionalnoy-ekonomicheskoy-sistemy. (In Russian).

Community, Economy and Population Trends in regions with long-term decline in population. Available at: http://www.byggdastofnun.is/static/files/Skyrslur/Byggdarlog/English_summary.pdf.

Donchevsky G.N. (2011) Possibilitica, or the mastery impossible (essays technology era Indigo): the monography. M., Vuzovscay kniqa. 376 C. (In Russian).

Dulova E. (2011). A depressive region: the concept and mechanism of control. Regional Economics and management: electronic scientific journal, No. 2 (26). no reg. article 0091. Available at: http://region.mcnip.ru. (In Russian).

Elkanov R.Kh. (2012). Pole of development and growth points of innovative economy: Russian and foreign experience. Modern science: Actual problems of theory and practice. Series «Economy and law». № 2. Available at: http://www.nauteh-journal.ru/index.php/---ep12-02/388-a. (In Russian).

European Cohesion Policyin Ireland. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/informat/country2009/ie_en.pdf.

Gill I. (2011). Improving regional development policies. Seminar on Territorial Dimension of Development Policies. 18-19 July Ostróda, Poland. p. 29-34.

Karlina A.A., Ustina N.A. (2011). Consolidation of initiatives of city development and the budget process of the municipal formation. Vestnik of Samara state University. No. 6 (87). P. 54–60. (In Russian).

Kitchens R., Gross D., Smith H. (2008). Community Capitalism: Lessons from Kalamazoo and Beyond. Bloomington, Indiana, AuthorHouse. 111 p.

Knight Richard V. (1993). Sustainable development - sustainable cities. International journal of social Sciences. No. 2. P. 43–69. (In Russian).

Leksin V., Shvetsov A. (2001). Depressive territories: old problems and new ways of their solution. Russian economic journal. No. 9. C. 35–65. (In Russian).

Miyoshi T. (1997). Successes and Failures Associated Withthe Growth Pole Strategies. Available at: http://miyotchi.tripod.com/dissert.htm.

Mussida C., Pastore F. (2012). Is There a Southern-Sclerosis? Worker Reallocation and Regional Unemployment in Italy (http://ftp.iza.org/dp6954.pdf).

Myrdal G. (1958). The world economy: Problems and prospects. M: Publishing house of foreign literature, 555 p. (In Russian). Pastukhova E.A. (2010). Influence of the system of resource support for sustainable development of the municipality. Economics and property management. No. 4. C. 39–45. (In Russian).

Portes A., Sassen-Koob S. (1987). Making It Underground: Comparative Material on the Informal Sector in Western Market Economies. American Journal of Sociology. 1987. Vol. 38. No. 1. P. 30-58.

Ronald D. Eller. (2008). Uneven Ground: Appalachia since 1945. Lexington: University Press of Kentucky. 376 pp. Saveliev Y. Problems of depressed areas of the Republic of Karelia and approaches to their solution. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/Hiterland/HINTERLAND_article.doc (In Russian).

Shafirov L.A. (2013) Contemporary boom of Russia consumer lending: improving the efficiency of social lending as a measure of countercyclical regulation. Terra Economicus. Vol. 11. No. 1 part 2. C. 34-42. (In Russian).

Shafirov L.A. (2013) Improving the social efficiency of lending to Individuals as sustainable development Imperative. The Issues of the regulation of the economy. Vol. 4. No. 1. C. 124–134. (In Russian).

Sharipov M.A. (2012). Development of depressive regions. Economics and management of innovation technologies. Available at: http://ekonomika.snauka.ru/2012/05/803 (In Russian).

Zubkov K.M. (2007). Methodological aspects of monitoring socio - economic situation of depressive former mining areas. The Humanities and social Sciences. No. 5. pp. 28–34. (In Russian).

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В УКРАИНЕ

ЧУМАКОВА И.Ю.,

кандидат экономических наук, доцент, заведующая отделом государственного финансового контроля, Академия финансового управления Министерства финансов Украины, e-mail: irina_chu@ukr.net

Проведение экономических реформ и внедрение инновационной модели управления государственными финансами в Украине требуют системного реформирования государственного финансового контроля. В статье анализируется национальная система государственного финансового контроля, описываются проблемы ее развития на современном этапе и, базируясь на лучшем международном и европейском опыте, предлагаются пути их устранения и инновационные механизмы совершенствования государственного финансового контроля в Украине.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль; управление государственными финансами; внешний контроль; государственный внутренний финансовый контроль; бюджетные учреждения; центральные органы исполнительной власти; система внутреннего контроля; внутренний аудит; аудит эффективности.

INNOVATIVE MECHANISMS OF STATE FINANCIAL CONTROL DEVELOPMENT IN UKRAINE

CHUMAKOVA I.Yu.,

Candidate of economic sciences, Associate Professor, Head of State Financial Control Department Academy of Financial Management Ministry of Finance of Ukraine, e-mail: irina_chu@ukr.net

Economic reform and the introduction of an innovative model of public financial management in Ukraine requires a systematic reform of state financial control. The article is examines the national system of state financial control, are described by modern problems of its development. Much attention is paid to the disclosure of how to address these issues, and innovative mechanisms to improve public financial control in Ukraine, based on the best international and European experience.

Key words: state financial control; management of state financial; external control; public internal financial control; budget-funded institutions; the central executive authority; internal control system; internal audit; performance audit.

JEL classification: H11, H83, M42, M48.

Реализация Программы экономических реформ Президента Украины на 2010-2014 гг. «Богатое общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство» предполагает реформирование государственного финансового контроля (ГФК) для увеличения прозрачности и результативности управления государственными финансами, улучшения административной и управленческой культуры, определения реальной стоимости политических решений, принятых в секторе государственного управления Украины. Проведение реформ в данных направлениях является особенно актуальным в контексте модернизации управления государственными финансами. Инновационным механизмом такой модернизации в Украине, в частности, является гармонизация национальной системы ГФК со стандартами ЕС и усиление, в этой связи, институциональной роли Министерства финансов Украины (МФУ) как главного органа, формирующего политику в сфере ГФК и обеспечивающего ее реализацию в системе центральных органов исполнительной власти.

Базируясь на европейском подходе, национальную систему ГФК можно представить как трехуровневую модель (рис. 1), наивысшим уровнем в которой является внешний контроль, который осуществляется от имени правительства (централизованный внешний правительственный контроль) и парламента (внешний парламентский контроль). Для осуществления такого контроля на втором уровне действуют децентрализованные подразделения внутреннего аудита, которые оценивают и обеспечивают эффективность действующей системы внутреннего контроля – третьего уровня, на котором базируется система ГФК.

Рис. 1. Модель ГФК в Украине Источник: Внутренний контроль и аудит..., 2011. С. 6.

Фактически последние два уровня системы ГФК, основываясь на ответственности и подотчетности руководителя организации, образуют систему **государственного внутреннего финансового контроля европейского образца**, принятую в Украине в качестве основы для реформирования. Именно такая адаптация отечественной системы государственного внутреннего финансового контроля (ГВФК) в соответствии с правилами ЕС является одной из условий вступления Украины в ЕС, согласно с требованиями переговорной главы 32 Плана действий «Украина – ЕС».

Централизованный внешний правительственный контроль, в отличие от внутреннего контроля, в большинстве своем является фискальным и осуществляется в Украине МФУ, а также Государственною финансовою инспекцией Украины (ГФИУ), Государственною казначейскою службою Украины (ГКСУ) и другими контролирующими органами в системе органов исполнительной власти.

Внешний парламентский контроль проводится Счетной палатой Украины — постоянно действующим органом контроля, который организован и функционирует при Верховном Совете Украины и является подотчетным ему. Как высший орган парламентского контроля в Украине Счетная палата осуществляет свою деятельность самостоятельно и независимо от каких-либо государственных органов.

Руководствуясь положениями Бюджетного кодекса Украины, иных законодательных и нормативно-правовых актов, Счетная палата осуществляет надзор и контроль своевременности и законности исполнения доходной и расходной части государственного бюджета. Основными формами и направлениями такого контроля являются:

- оперативный контроль использования средств государственного бюджета за отчетный период;
- комплексные тематические проверки за отдельными разделами и статьями государственного бюджета, бюджетов государственных целевых фондов;
- аудит эффективности использования средств государственного бюджета.

Поскольку правительство отвечает перед парламентом за управление, внедрение и контроль политики, на правительственном уровне должна функционировать система контроля, сопровождающая процессы бюджетирования, процедуры учета, мероприятия внутреннего контроля и инспекции для предотвращения случаев мошенничества и коррупции. Для реализации этих мероприятий централизованный внешний правительственный контроль в Украине осуществляется в формах предварительного и текущего контроля (со стороны органов ГКСУ и МФУ), а также последующего контроля (органами ГФИУ и другими контролирующими органами в системе органов исполнительной власти).

Реформирование системы ГВФК в соответствии со стандартами ЕС призвано повысить уровень прозрачности деятельности государственных органов, укрепить их институциональную способность и улучшить функциональную эффективность. Объективная потребность в формировании такой системы, как одного из инновационных механизмов стратегии управления государственными финансами, получила официальное подтверждение после принятия в 2005 г. Концепции развития государственного внутреннего финансового контроля на период до 2017 г.

С внедрением 01.01.2011 г. новой редакции Бюджетного кодекса, в соответствии с которой было закреплено новое видение бюджетной системы, вопросы обязательности построения в органах государственного сектора базовых компонентов европейской модели ГВФК¹ – внутреннего контроля и внутреннего аудита – нашли более четкое отображение в законодательстве Украины. В соответствии с Бюджетным кодексом персональная ответственность за внедрение и эффективное функционирование этих компонентов возложена на руководителей всех уровней – от главного распорядителя

¹ В оригинале – публичный внутренний финансовый контроль (Public Internal Financial Control – PIFC).

(министра, руководителя органа исполнительной власти и т. п.) до распорядителей низшего уровня и руководителей отдельных подразделений в бюджетном учреждении.

Анализ современного состояния контроля в бюджетной сфере свидетельствует, что сегодня отечественная система ГФК не является эффективной, поскольку в полной мере не выполняет своих задач и функционирует в форме обособленных элементов, а не как единая система. Она лишь частично учитывает основные принципы систем контроля, действующих в европейских странах. Как следствие, в Украине все еще имеет место чрезвычайно низкий уровень финансовой дисциплины в бюджетной сфере и рост из года в год количества нарушений при использовании бюджетных средств.

Так, по итогам работы органов ГФИУ за 2012 г. установлено, что, несмотря на уменьшение количества предприятий, учреждений и организаций, допустивших в этом периоде финансовые нарушения, их количество является значительным (8,2 тыс. объектов). 2,7 тыс. ревизионных материалов, для надлежащего реагирования, передано правоохранительным органам. По результатам рассмотрения ревизионных материалов против нарушителей финансовой дисциплины возбуждено 1,3 тыс. уголовных дел, составлено около 2,3 тыс. протоколов об административных правонарушениях. Кроме того, в результате проведения в указанном периоде операционного аудита органами ГФИУ установлено рисковых операций и фактов нарушений, имеющих механизм устранения, на общую сумму более 12,7 млрд грн. (Хомин, 2012. С. 4-5).

О наличии негативных тенденций, связанных с неэффективностью функционирования отечественной системы ГФК, свидетельствуют и оценки международных экспертов Мирового банка и SIGMA².

В резюме к отчету Мирового банка отмечается, что функционирование внутреннего и внешнего аудита все еще подвергается значительным препятствиям на пути к обеспечению эффективного надзора в секторе государственного управления. «Построение эффективной функции внутреннего аудита в соответствии с международными стандартами требует ... развития и обновления соответствующих функциональных полномочий Государственной финансовой инспекции, а также усиления независимости Счетной палаты». (Україна: звіт з ефективності..., 2012. С. 14, 57-58).

Периодические оценки состояния государственного управления за базовыми показателями SIGMA (в 2006, 2007, 2010 гг.) указывают на необходимость совершенствования системы ГФК в Украине, особенно в направлении развития управленческой подотчетности. По мнению экспертов SIGMA, бюджетная реформа не привела к развитию управленческой подотчетности. В условиях, в которых сейчас «сотрудничают» бюджетная, казначейская системы и система внутреннего контроля (СВК), достаточно проблематично установить управленческую подотчетность как ключевой элемент европейской модели ГВФК. В этой связи необходимо привести «положения нового бюджетного кодекса, регламентирующие вопросы финансового управления и контроля и внутреннего аудита, в соответствие с международными и европейскими определениями». (Оцінка системи державного фінансування..., 2012. С. 46).

В европейских странах органы государственной власти от имени своих граждан собирают в форме налогов и тратят средства, которые в основном называются «средства налогоплательщиков». Соответственно налогоплательщики имеют право на получение гарантий того, что власти должным образом управляют их средствами. Именно такие гарантии исполнения бюджета, его сбалансированности по доходам и расходам, законности, экономности и эффективности использования бюджетных средств должна обеспечивать современная система государственного управления и финансового контроля в демократическом государстве.

Европейская модель ГВФК базируется на ответственности руководителя и состоит их трех компонентов – финансового управления и контроля, внутреннего аудита и их гармонизации на центральном уровне. Наибольшее внимание в этой модели уделяется процедурам предварительного и текущего контроля, которые выполняются всеми специалистами органа с целью изучения причин возникновения нарушений и их предупреждения. Последующий контроль осуществляется высшими органами финансового контроля (в Украине – Счетной палатой) и правительственными контрольными органами в форме аудита процедур и оценки качества СВК.

Принципы европейской модели ГВФК являются приоритетными при построении надлежащих систем финансового управления и контроля для всех стран-членов ЕС и стран-кандидатов. Применение этих принципов на практике способствует развитию внутреннего контроля в государственном секторе, смещению акцентов от финансового контроля к более широкому управленческому контролю и управленческой подотчетности.

В соответствии с новым Бюджетным кодексом именно на руководителя возложена персональная ответственность за надлежащее функционирование СВК и организацию внутреннего аудита в государственном органе (организации, учреждении). Однако, несмотря на это, а также на более четкое определение в статье 26 Бюджетного кодекса персональной ответственности руководителей всех уровней управления за внедрение и эффективное функционирование базовых компонентов европейской модели ГВФК, представление об ответственности у украинских руководителей бюджетных учреждений за принятые ими управленческие решения пока осталось прежним.

В отличие от Украины, где под ответственностью традиционно понимают наказание за допущенные нарушения, в Европе этот термин трактуется как ответственность за достижение учреждением должного уровня экономии, эффективности и результативности использования бюджетных средств, в соответствии с поставленными перед учреждением задачами. Это означает, что СВК соответствует этим принципам (т.е. обеспечивается должный уровень организации бухгалтерского учета и достоверная оценка процессов, правильно определены цели, а система контроля построена на основе рисков), учреждением гарантируется достоверность финансовой, статистической и управленческой отчетности, а также выполняются требования законодательства и поставленные руководством задачи.

Для стран EC уже давно стало бесспорным правилом то, что основным элементом системы управления в государственном секторе является внутренний контроль как функция руководителей, отвечающих за наиболее экономное, эф-

² SIGMA (Support for Improvement in Governance and Management) – аналитический центр EC, созданный по инициативе Евросоюза и Организации экономического сотрудничества и развития по поддержке улучшения управления и менеджмента в странах Центральной и Восточной Европы.

фективное и результативное осуществление деятельности в конкретном органе (организации, учреждении), а также за принятые управленческие решения. Таким образом, внутренний контроль является не разовым событием, а постоянным управленческим процессом, который охватывает все операции каждого структурного подразделения и учреждения в целом. Внутренний контроль должен обеспечивать выявление и анализ рисков деятельности учреждения для их предупреждения или предотврашения в будушем.

В Украине термин «контроль» традиционно определяют и применяют в теории и практике как ревизионную деятельность, т. е. исключительно как «выявляющие» нарушения фискальные мероприятия, а внутренний контроль чаще отождествляют с контрольно-ревизионной работой. В специальной экономической литературе и на практике контроль воспринимается отдельно от управления, т. е. не как часть обязательств и ответственности руководителей за эффективное управление государственными ресурсами в ходе осуществления деятельности возглавляемых ими органов. Некоторые руководители ошибочно считают, что контроль – это дело ревизоров, хотя фактически в СВК должны быть задействованы все подразделения основной функциональной деятельности, бухгалтерские, плановые, экономические, финансовые, юридические и другие службы государственного органа. Именно поэтому, вместо ответственности руководителя и его заинтересованности в построении надежной СВК в органе (организации, учреждении), имеет место отстранение руководителей от выполнения этих функций и перекладывание их на заместителей, главных бухгалтеров, ревизоров и пр.

Познания руководителей и персонала украинских бюджетных учреждений о процедурах внутреннего контроля, методологии оценки рисков и управления ими пребывают на начальном уровне. Какое-либо применение этих и подобных им знаний и опыта происходит, в основном, на уровне руководителей среднего звена, а не на уровне высшего руководства, как этого требует государственное управление в странах ЕС. К тому же новые реформы в Украине идеологически воспринимаются в целом пассивно и без особого желания и преимущественно рассматриваются как «навязывание» чужого.

Руководители государственных органов в Украине в большинстве своем не могут четко сформулировать цели деятельности, которых они должны достичь. Ведь для обеспечения надлежащего управления государственными финансами в современных условиях недостаточно лишь соблюдать законы. Необходимо правильно поставить цель и достичь ее реализации наиболее экономным, эффективным и результативным способом.

Кроме того, в бюджетной сфере Украины прослеживается очень слабая связь между целями и результатами, мероприятиями и ресурсами. А такой важный компонент СВК, как управление рисками, недостаточно развит и на практике среди распорядителей бюджетных средств вообще не используется. Руководители государственных органов, бюджетных организаций и учреждений практически не уделяют внимания этому компоненту СВК. У большинства учреждений и организаций бюджетной сферы этот процесс не систематизирован и не является постоянным (не предполагает непрерывной идентификации (составление перечня) рисков деятельности и принятия мер по их предупреждению или предотвращению); в лучшем случае на практике наблюдается одноразовое использование отдельных элементов управления рисками.

В соответствии с принятым в странах ЕС подходом, **внутренний аудит** – это «крыша», которая защищает «дом» ГВФК от внешнего фискального контроля (Внутренний контроль и аудит..., 2011. С. 11).

Децентрализованные подразделения внутреннего аудита помогают руководителю в достижении поставленной перед учреждением цели на основе использования систематизированного и последовательного подхода к оценке эффективности СВК.

В Украине на законодательном уровне отсутствует определение понятия «внутренний аудит». Исключение составляет Бюджетный кодекс, новою редакцией которого дано следующее определение внутреннего аудита: «деятельность подразделения внутреннего аудита в бюджетном учреждении, направленная на совершенствование системы управления, предотвращение фактов незаконного, неэффективного и нерезультативного использования бюджетных средств, возникновение ошибок или других недостатков в деятельности бюджетного учреждения и подведомственных ему бюджетных организаций, улучшение системы внутреннего контролю» (Бюджетний кодекс..., 2010).

Сравнивая состояние функционирования внутреннего аудита в Украине с лучшим мировым и европейским опытом применения функции внутреннего аудита в государственном секторе, можно отметить следующее. Образование подразделений внутреннего аудита при министерствах, прочих центральных органах исполнительной власти, их территориальных органах и бюджетных учреждениях, которые принадлежат к сфере управления министерств, прочих центральных органов исполнительной власти (ЦОИВ) сопровождается определенными трудностями организационного и методологического характера.

Так, в соответствии с требованиями Постановления Кабинета Министров Украины (Постановление № 1001) (Постанова Кабінету Міністрів України «Деякі питання..., 2011), образование подразделений внутреннего аудита должно было произойти путем реорганизации контрольно-ревизионных подразделений, начиная с 1 января 2012 г.

Однако, по данным отчета ГФИУ в 76 ЦОИВ, по состоянию на 31 декабря 2012 г., созданы подразделения внутреннего аудита или образовано штатную должность внутреннего аудитора (либо исполнение соответствующих обязанностей возложено на определенное должностное лицо). В то же время, руководителями 17 (или 22%) ЦОИВ деятельность новых подразделений внутреннего аудита фактически не обеспечена, как это предусмотрено в Бюджетном кодексе и Постановлении № 1001. Согласно отчету ГФИУ руководителями этих ЦОИВ требования указанных нормативных актов об образовании подразделений внутреннего аудита выполнены лишь формально. Как следствие, в данных ЦОИВ в 2012 г. не проведено ни одной внутренней аудиторской проверки. Отсутствуют также разработанные в этих органах документы по внутреннему аудиту. Кроме того, в 12 из отмеченных органах исполнительной власти созданные должности внутренних аудиторов до сих пор остаются вакантными. В ряде бюджетных учреждений эти должности вообще заняты лицами, квалификация которых не соответствует требованиям Постановления № 1001. На сегодня министрами и руководителями

ЦОИВ образовано штатную численность государственных внутренних аудиторов в количестве 1756 человек, а фактически работают – 1447 (82%), т. е. 18% должностей являются вакантными. Указанные факты свидетельствуют о неполноценной реализации функции внутреннего аудита в ЦОИВ (Звіт про стан державного..., 2012. С. 22).

Основными причинами не заполнения штатной численности, по данным ГФИУ, является острый дефицит квалифицированных кадров в сфере внутреннего аудита и отсутствие у государственных органов мотивации по привлечению специалистов к овладению новой профессией «государственный внутренний аудитор». Кроме того, организационная незавершенность образования новых ЦОИВ и преобразование контрольно-ревизионных подразделений в подразделения внутреннего аудита привели к тому, что в отдельных бюджетных учреждениях, несмотря на увеличение функциональной нагрузки, численность внутренних аудиторов сократилась. Соотношение численности внутренних аудиторов с количеством подконтрольных объектов в этих ЦОИВ «не в состоянии обеспечить систематическое проведение внутреннего аудита и повлиять на состояние финансово-бюджетной дисциплины отрасли» (Звіт про стан державного..., 2012. С. 22-23).

Осуществляемый контрольно-ревизионными подразделениями, до их реорганизации, финансовый инспекционный контроль по факту (последующий контроль), объектом которого являлись трансакции, не тождественен внутреннему аудиту, осуществляемому в соответствие с нормами и правилами ЕС. Инспекционные проверки не имеют целью оценку результатов, достигнутых в управлении государственными ресурсами, а предусматривают лишь выявление нарушений и привлечение к ответственности лиц, виновных в их совершении. Исследуя деятельность органов (организаций, учреждений) по отдельным ее направлениям (на определенных этапах), подразделения инспекции не сосредотачиваются на изучении причин возникновения нарушений, их предупреждении и последствиях, не проводят оценки состояния финансового управления. Инспекционные проверки являются лишь частью внутреннего контроля согласно европейской концепции ГВФК. В то же время, внутренний аудит направлен на оценку всех аспектов деятельности органов государственного сектора и мероприятий, осуществляемых их руководителями для обеспечения эффективного функционирования подразделений внутреннего аудита (соблюдение принципов законности и эффективного использования бюджетных средств, достижения результатов соответствии с поставленной целью, выполнение заданий, планов).

Следовательно, деятельность децентрализованных инспекционных подразделений в системе ЦИОВ должна быть модернизирована путем смещения акцентов в их работе с последующего (ретроспективного) контроля на предварительный и поточный контроль.

Вследствие такой модернизации за новообразованными подразделениями внутреннего аудита, которые были реорганизованы из контрольно-ревизионных подразделений, наряду с основными функциями внутреннего аудита закреплено осуществление финансового аудита и аудита соответствия. Таким образом, инспектирование не исключено из концепции ГВФК, поскольку является частью системы финансового управления и контроля и относится к ответственности руководителя ЦОИВ (учреждения).

Проведение подразделениями внутреннего аудита ЦОИВ и бюджетных учреждений финансового аудита и аудита соответствия на практике фактически сводится к ревизиям с элементами аудита, за результатами которой, вместо акта ревизии, составляется аудиторский отчет с выводами. Аудит эффективности этими подразделениями практически не проводится.

Обобщая лучший мировой и европейский опыт, отметим, что решающим фактором для принятия решения о проведении внутренним аудитором финансового аудита и аудита соответствия является определенный (оцененный) уровень риска по каждому заданию (функции, операции, процессу, программе). Именно базируясь на рискориентированном подходе внутренние аудиторы должны оценивать законность и правильность финансовых решений (в ходе финансового аудита и аудита соответствия) и анализировать их экономичность, эффективность и результативность (при проведении аудита эффективности).

Окончательную оценку качества достижения органом государственного сектора трех «Е» (экономичности, эффективности и результативности) внутренний аудитор проводит в ходе аудита эффективности, при условии получения отрицательного заключения по результатам финансового аудита или аудита соответствия и принятия руководителем органа соответствующего распорядительного документа.

Опыт стран, имеющих многолетнюю практику применения функции внутреннего аудита в государственном секторе, свидетельствует, что аудит (в том числе внутренний) отличается от ревизии не только по форме итоговых документов, но и целями, предметом, применяемыми методами, методологией и прочим.

Украина делает лишь первые шаги на пути применения данной функции, поэтому вопросы методологии и организации проведения финансового аудита, аудита соответствия и аудита эффективности в нормативно-правовой базе должны быть более детализованы. В то же время, данные вопросы лишь рамочно прописаны в Стандартах внутреннего аудита (наказ Міністерства фінансів України «Про затвердження Стандартів..., 2011).

Данные стандарты регламентируют единые подходы к организации и проведению внутреннего аудита, правила подготовки аудиторских отчетов и заключений и рекомендаций внутреннего аудитора для руководства ЦОИВ либо бюджетного учреждения, оценки качества такого аудита. Однако, несмотря на положительные черты (современность, четкость, комплексность), принятые стандарты внутреннего аудита в ряде мест требуют детализации положений и разработки дополнительных методических рекомендаций, пособий и т.п.

Одним из способов решения проблемы в данной ситуации может быть формирование методического обеспечения проведения финансового аудита и аудита соответствия, для начала на основе использования имеющихся методических рекомендаций по проведению инспектирования органами ГФИУ. (наказ Державної фінансової інспекції України «Про за-твердження Методичних..., 2011).

Данные рекомендации следует доработать. Необходимо детализовать следующие элементы аудита: порядок определения уровня существенности и ее анализ аудитором; формализация и оценка рисков искажения финансовой информации, применение методов анализа данных, тестирования систем, опросов и анкетирования в ходе аудита; порядок подготовки аудиторских отчетов и основных выводов и рекомендаций аудитора для улучшения системы управления в органе государственного сектора.

Аудит эффективности, в отличие от финансового аудита и аудита соответствия, для подразделений внутреннего аудита является принципиально новым видом деятельности. Поэтому его внедрение в практическую деятельность данных подразделений не представляется возможным без принятия соответствующих методических рекомендаций.

Ввиду несовершенства и недостаточной разработанности методологического обеспечения функционирования внутреннего аудита в системе ЦОИВ и отсутствия практического опыта и навыков у работников подразделений внутреннего аудита, методические рекомендаций по организации и проведению внутреннего аудита эффективности необходимо подготовить с учетом задач, которые должны решать государственные внутренние аудиторы в соответствии с Постановлением № 1001.

Кроме того, в основу методических рекомендаций, по аналогии с лучшею международною практикою, должны быть положены ключевые принципы концепции программно-целевого метода в бюджетном процессе³.

Так, в соответствии со Стандартами внутреннего аудита ключевыми сферами проведения внутреннего аудита эффективности должны быть: планирование и выполнение бюджетных программ, а также функций, заданий, процессов, административных услуг. Эти сферы, в контексте реализации функции внутреннего аудита эффективности, также следует рассматривать сквозь призму основоположных принципов программно-целевого метода.

Описанные подходы к усовершенствованию организационно-методического обеспечения внутреннего контроля и внутреннего аудита призваны стать инновационными механизмами в развитии ГФК в Украине в условиях реформирования системы управления государственными финансами.

Однако следует отметить, что значительную роль в реализации данных инновационных механизмов должно сыграть МФУ, как главный орган, формирующий государственную политику в сфере ГФК и обеспечивающий ее реализацию в системе ЦОИВ. МФУ должно стать лидером в сфере развития методологии ГВФК и его составляющих (внутреннего контролю и внутреннего аудита), а также централизованного внешнего правительственными контроля в целом. Как свидетельствует лучший европейский опыт (De Koning, 1999. P. 73), от активной позиции Министерства финансов в этой сфере будет зависеть в дальнейшем и эффективность функционирования системы ГФК в целом.

Реформирования отечественной системы ГФК и переориентация управления государственными финансами в Украине на принципы и стандарты ЕС не возможны без изменения приоритетов и идеологии в подходах к работе чиновников как в аппарате МФУ, так и в органах государственного сектора. На сегодня это должно быть одной из ключевых задач при формировании инновационных механизмов развития системы ГФК и их использования для реформирования этой системы в Украине.

ЛИТЕРАТУРА

Бюджетний кодекс України від 08.07.2010 № 2456-VI. Доступно на: http://zakon.rada.gov.ua/.

Внутрішній контроль та аудит у секторі державного управління України та європейський досвід (2011). П.П. Андрєєв, 0.0. Чечуліна, Ян ван Тайнен, М.Г. Тимохін та ін. К.: Кафедра.

Деякі питання утворення структурних підрозділів внутрішнього аудиту та проведення такого аудиту в міністерствах, інших центральних органах виконавчої влади, їх територіальних органах та бюджетних установах, які належать до сфери управління міністерств, інших центральних органів виконавчої влади: постанова Кабінету Міністрів України від 28.09.2011 № 1001. *Офіційний вісник України*. 2011. № 75. Ст. 2799.

Заможне суспільство, конкурентоспроможна економіка, ефективна держава. Програма економічних реформ на 2010-2014 роки / Комітет з економічних реформ при Президентові України. Версія для обговорення 2 червня 2010 р. Доступно на: http://prezident.gov.ua/.

Звіт про стан державного внутрішнього фінансового контролю в Україні за 2012. Доступно на: http://www.dkrs.gov. ua/kru/uk/publish/article/93592.

Оцінка системи державного фінансування в Україні. Липень 2010 року : проект звіту / SIGMA. 70 с.

Про затвердження Методичних рекомендацій щодо здійснення інспектування органами Державної фінансової інспекції України: наказ Державної фінансової інспекції України від 14.12.2011 № 90. Доступно на: http://document.ua/metodichni-rekomendaciyi-shodo-zdiisnennja-inspektuvannja-or-doc87927.html.

Про затвердження Стандартів внутрішнього аудиту: наказ Міністерства фінансів України від 04.10.2011 № 1247. Офіційний вісник України. 2011. № 85. Ст. 3131.

Про схвалення Концепції розвитку державного внутрішнього фінансового контролю на період до 2017 року: розпорядження Кабінету Міністрів України від 24.05.2005 № 158-р (із змінами, внесеними згідно з розпорядженнями Кабінету Міністрів України № 1347-р від 22.10.2008, № 1601-р від 23.12.2009, № 968-р від 07.09.2011). Доступно на: http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=158-2005-%F0.

Україна: звіт з ефективності управління державними фінансами : проект станом на 11 квітня 2012 р. [Неофіційний переклад]. Світовий банк. 110 с.

Україна: Оцінювання системи врядування. Березень 2006 року / SIGMA. К.: Центр сприяння інституційному розвитку державної служби, 2007. 352 с.

³ Программно-целевой метод в бюджетном процессе – система бюджетного планирования, увязывающая понесенные затраты бюджетных средств с ожидаемой отдачей от их использования, с их социальною и экономическою эффективностью. В специальной экономической литературе используется равнозначный этому понятию термин: «бюджетирование, ориентированное на результат» (results-oriented budget).

Хомин О. (2012). Колегія Держфінінспекції: піврічні підсумки. Фінансовий контроль. № 8 (79). С. 4-6.

De Koning, Robert. (1999). PIfC in the context of European Union Enlargement, SIGMA Public Management Forum vol. 6 (Nov/Dec 1999), Paris, France.

REFERENCES

Budget Code of Ukraine No. 2456-VI of 08 July 2010. Available at: http://zakon.rada.gov.ua/. (On Ukrainian).

Internal control and audit in public sector governance Ukraine and European experience (2011). P.P. Andreyev, E.A. Chechulina, Jan van Tuinen, M.G. Tymokhin et al. Kyiv: Department. (On Ukrainian).

Some aspects of formation of departments of internal audit and the audit of the ministries and other central executive bodies and their territorial bodies and public institutions belonging to the management of ministries and other central executive bodies: DECREE CMU No. 1001 of 28 September 2011. (On Ukrainian).

Prosperous Society, Competitive Economy, Effective State. Economic Reform Program for 2010-2014. The Committee on Economic Reforms of the President of Ukraine. Version for discussion of 2 June 2010. Available at: http://prezident.gov.ua/. (On Ukrainian).

Report on Public Internal Financial Control in Ukraine in 2012. Available at: http://www.dkrs.gov.ua/kru/uk/publish/article/93592. (On Ukrainian).

Evaluation of government funding in Ukraine. July 2010: draft report. SIGMA.

On approval of guidelines for the implementation of the inspection by the State Financial Inspection of Ukraine: Order of the State Financial Inspection of Ukraine No. 90 of 14 December 2011. Available at: http://document.ua/metodichni-rekomendaciyi-shodo-zdiisnennja-inspektuvannja-or-doc87927.html. (On Ukrainian).

On approval of the Internal Audit Standards: Order of the Ministry of Finance of Ukraine No. 1247 of 04 October 2011. (On Ukrainian).

Concept of Development of Public Internal Financial Control till 2017: the Executive Order of the Cabinet of Ministers of Ukraine No. 158-r of 24 May 2005 (in the version of the Executive Order of the Cabinet of Ministers of Ukraine No. 1347-r of 22 October 2008, No. 1601-r of 23 December 2009, No. 968-r of 07 September 2011). Available at: http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=158-2005-%FO. (On Ukrainian).

Khomyn O. (2012) Board of State Financial Inspection: semi Results. Financial control, no. 8, pp. 4-6. (On Ukrainian).

De Koning, Robert. (1999). PIfC in the context of European Union Enlargement, SIGMA Public Management Forum vol. 6 (Nov/Dec 1999), Paris, France.

СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ КЛАСТЕРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ФИНАНСОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

КАПЛИНА А.В.

кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), e-mail: nastasiy84@mail.ru

В статье исследуется актуальная проблема оценки роли и значения кластерных инициатив в развитии финансового потенциала региона на основе учета мировой и российской практики.

Ключевые слова: кластерные объединения; финансовый потенциал региона.

CONTEMPORARY ROLE OF CLUSTER ORGANIZATIONS IN FORMING THE REGION FINANCIAL POTENTIAL

KAPLINA A.V.,

PhD, associate professor, Rostov state economic university (RSEU), e-mail: nastasiy84@mail.ru

In article the actual problem of an assessment of a role and value of cluster initiatives in development of financial capacity of the region on world and Russian practice in investigated.

Keywords: cluster associations; financial capacity of the region.

JEL classification: 016, 018.

По мнению многих экономистов, задачи повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности территории в значительной степени связаны со стимулированием развития региональных кластерных структур. Принято считать, что кластер призван решать две основные задачи: повышение конкурентоспособности территории и стимулирование инновационных процессов в регионе. Функционирование предприятий в структуре кластеров также способствует углублению межрегиональной экономической интеграции и является катализатором размещения тех производств и объектов инфраструктуры, которые содействуют развитию кластера, что позволяет рассматривать кластеры в качестве системного интегратора важнейших элементов общей теории региональной экономики (Скоч, 2007). В этой связи можно отметить, что стимулирование и развитие кластерных инициатив является одним из направлений современной региональной финансовой политики, свидетельствующей о смене концепции конкуренции отдельных изделий на концепцию региональной (национальной) системы конкурентоспособности.

При рассмотрении вопросов функционирования и управления развитием кластера как совокупности предприятий (независимо от их пространственного положения), обеспечивающих наличие цепочки добавленной стоимости, делается упор на объектно-субъектные отношения: определение структуры кластера, содержание и качество связей между субъектами кластера, количество малых компаний, входящих в структуру кластера, ориентированность на рынок инноваций, оценка экономического потенциала кластера и уровня его воздействия на региональную экономику и т.п. (Asheim, Isaksen, 1997; Barkley, Henry, 2001; Porter, 1998). Однако в последнее время все больше внимания уделяется роли кластерных структур в устранении региональной несбалансированности в процессе перераспределения и переориентации мобильного капитала из территорий ускоренного развития (ядра кластера) на депрессивные и отсталые территории (Соколенко, 2002). Как свидетельствует зарубежный опыт, применение политики кластеризации и активная роль государства в финансировании кластерных инициатив позволяет получить положительные результаты в повышении уровня экономического развития отдельных территорий. В частности, именно в результате кластерного подхода был обеспечен подъем экономики скандинавских стран (Финляндии, Норвегии, Швеции, Дании), а также депрессивных территорий США, Италии, Германии и др. Сейчас в ЕС функционирует более 2 тыс. кластеров.

MOM 곢 Часть

Сценарий долгосрочного развития экономики обусловливает необходимость разработки механизмов реализации эффективной финансовой политики регионов, обеспечивающих преимущества для развития кластерных инициатив. Инициаторами создания кластеров выступают, как правило, территориальные органы власти, функции которых проявляются в формировании институциональной среды и соответствующих механизмов функционирования региональных кластеров, совершенствовании инфраструктуры (информационной, финансовой и др.) поддержки интеграционных бизнес-инициатив. Ситуация инициирования кластерных проектов «сверху – вниз» обусловлена тем, что в отличие от развитых зарубежных стран, российская экономика формировалась вне рыночных условий, вследствие чего она не имеет ни соответствующих ресурсов (трудовых, организационных, финансовых и др.), ни опыта реализации кластерной политики. В то же время, как показывает исследование М. Портера, первопричины появления и инициирования развития кластеров «снизу – вверх» в странах с развитой рыночной экономикой обусловлены исторически сложившимися условиями. В отличие от унаследованной Россией плановой экономики, где экономическая политика диктовалась из центра, а связи покупатель-поставщик определялись национальной перспективой, экономическая политика, основанная на кластере, подразумевает достаточную экономическую автономию на региональном и местном уровнях (Porter, 2003) Однако не все кластерные структуры, создаваемые в российских регионах, отдичаются высокой производительностью и ориентированы на инновационную деятельность.

В современной научной литературе отсутствует единая методологическая основа, позволяющая дать полную оценку эффективности системной интеграции кластерных эффектов в финансовый потенциал региона, в то время как понимание роли кластера в формировании и развитии экономического потенциала территории обусловливает видение перспектив разработки механизмов финансовой поддержки кластерных инициатив.

Рассмотрим роль кластеров в развитии финансового потенциала территории, исходя из концепции капитализации региона. Учитывая, что формирование региональных кластерных структур ведет к перераспределению капитала (финансового, трудового, материального), региональная политика, ориентированная на реализацию данной стратегии, предполагает формирование кластеров таким образом, чтобы в наибольшей степени содействовать росту финансового потенциала территории. В частности, речь идет о направленной поддержке тех видов деятельности, которые приносят региону наибольший доход. В данном аспекте наиболее очевидным является влияние функционирования кластерных структур на бюджетный и налоговый потенциал территории. В качестве показателей, определяющих результативность влияния кластера на данную составляющую финансового потенциала региона, можно выделить следующие:

- доля прибыльных предприятий, входящих в структуру кластера, в общем количестве предприятий региона;
- сальдированный финансовый результат предприятий, входящих в структуру кластера определяет объем финансовых потоков, а также уровень поступления налога на прибыль;
- инвестиции в основной капитал, осуществляемый субъектами кластера;
- доля средств регионального и муниципального бюджета, направляемая для развития кластерных структур и стимулирования кластерных инициатив.

В результате взаимодействия инвесторов и репициентов финансовых потоков функционирование кластера приводит к появлению финансовых потоков в виде государственных и частных инвестиций в форме прямого финансирования, финансирования в рамках модели ГЧП, реализации целевых программ (федеральных и региональных) развития и продвижения кластера. Одновременно функционирование кластера позволяет снизить инвестиционные потребности предприятий, входящих в его структуру. Соответственно развитие отраслей, создающих конкурентные преимущества территории, осуществляется без дополнительного целевого финансирования со стороны местного бюджета, что обеспечивает возможность выделения средств в иные сферы социально-экономического развития территории.

Не вызывает сомнения тот факт, что уровень финансового потенциала региона определяется не только эффективностью работы его промышленно-производственного комплекса и величиной производимого ВРП, но и величиной финансовых потоков, обслуживаемых в регионе. Формирование региональных кластеров, как справедливо отмечает Д.Ш. Султанова, позволяет значительно повысить финансовый потенциал региона вследствие того, что большая часть финансовых потоков остается в регионе даже в случае привлечения внешних инвесторов, «на сторону» уходят только отчисления в головной офис. Для повышения финансового потенциала территории принципиальным является сохранение в регионе головных компаний, управляющих финансовыми потоками своих производственных подразделений (Султанова, 2011). Это объясняется тем, что географическая концентрация субъектов кластера (как центров управления, так и непосредственно производства) приводит к увеличению налогооблагаемой базы территории, в отличие от вертикально-интегрированных компаний, где территориальная локализация не играет преобладающей роли (Меньшенина, Капустина, 2008). Вследствие этого такие компании не ориентированы на развитие регионального потенциала.

Другим важным аргументом в пользу положительного влияния региональных кластерных структур на финансовый потенциал региона являются процессы глобализации, которые оказывают значительное влияние на архитектуру региональных финансов и предполагают осмысление новых форм структурной организации хозяйства, обеспечивающих модернизацию социально-экономического развития. Эта проблема, проявляющаяся в формировании взаимосвязей национальных экономик и рынков, расширении границ движения всех (в том числе финансовых) ресурсов, находит все большее отражение в научных трудах отечественных и зарубежных ученых. Основываясь на классических теориях внешней торговли, доказывающих, что экспортная ориентация экономики региона обеспечивает более высокие объемы ВРП, показатели производительности труда и занятости населения, следует учитывать те возможности развития финансового потенциала региона на основе кластеризации его экономики, которые необходимы для создания конкурентных преимуществ отечественного производства при вступлении России в ВТО. Переход к рыночным отношениям и усиленный приток на российский рынок зарубежной продукции выявил ряд проблем, связанных с неэффективностью и значительным отставанием от мировых стандартов используемых отечественных технологий, качеством и узостью ассортимента. Обеспечение конкурентоспособности отечественной экономики как в традиционных, так и в наукоемких отраслях является объективной необходимостью и представляет собой основной метод достижения устойчивости ее развития.

Уровень воздействия функционирования кластера на финансовый потенциал региона определяется степенью и характером влияния следующих факторов:

- спрос на продукцию, производимую кластером, уровень инновационной восприимчивости субъектов региональной системы, развития инновационной инфраструктуры и внешнеэкономических связей, себестоимость продукции кластера, наличие продукции-заменителя и т.п.;
- структура и объем источников привлечения финансовых ресурсов, обеспечивающих функционирование и развитие кластера – внешние или внутренние, собственные или заемные;
- качественных и количественных характеристик используемого капитала (трудового, финансового, производственного), уровня его ликвидности;
- уровня использования инновационных технологий;
- эффективности производственно-хозяйственной деятельности субъектов кластера, а также системы управления финансовыми потоками.

Интеграция потенциала регионального кластера в финансовый потенциал региона осуществляется посредством следующих его функций:

- системо- и структурообразующей, проявляющейся во взаимодействии субъектов бизнеса, науки, власти, финансово-кредитных учреждений по поводу реализации инвестиционных проектов, обеспечивающих конкурентные преимущества как самих участников кластера, так и региональной экономики;
- самоорганизации в неравновесных состояниях, выражающейся в повышении устойчивости региональной системы в результате снижения рисков деятельности участников кластера на основе создания системы взаимоотношений, обеспечивающей противостояние действию негативных факторов и адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды;
- целеформирующей, заключающейся в обеспечении достижения целей регионального развития;
- повышении сбалансированности структурно-отраслевого развития путем перераспределения финансовых ресурсов в соответствии с приоритетами и интересами пространственного развития.

Таким образом, деятельность региональных территориально-производственных кластеров обусловливает количественные и качественные изменения ключевых составляющих финансового потенциала региона: инвестиционного, бюджетного (включая налоговую компоненту) и кредитного потенциала (рис. 1).

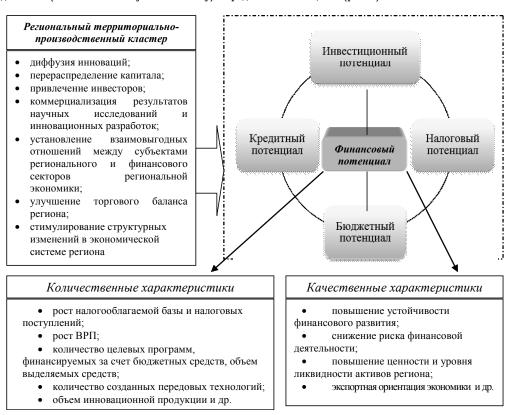

Рис. 1. Влияние кластера на финансовый потенциал региона

Развитие финансового потенциала происходит вследствие: диффузии инноваций, эффективного перераспределения капитала внутри региона, роста налоговых поступлений, коммерциализации результатов научных исследований и инновационных разработок, привлечения внешних инвесторов, установления взаимовыгодных отношений между субъектами регионального и финансового секторов региональной экономики, улучшения торгового баланса региона, стимулирования структурных изменений в экономической системе региона. Количественно данные изменения могут быть выражены в показателях роста ВРП, показателях социально-экономического развития территории, уровня и качества жизни населения.

Влияние функционирования кластеров на финансовый потенциал региона заключается не столько в возможности приращения ВРП, сколько в перераспределении финансовых ресурсов из менее эффективных сфер деятельности в более эффективные, обеспечивая повышение уровня конкурентоспособности региональной экономики. Это позволяет обеспечить объединение и рациональное использование финансовых ресурсов в наиболее перспективных отраслях экономики региона (рис. 2).

Рис. 2. Роль кластеров в поддержании конкурентоспособности региональной экономики

Отметим, что задача оценки влияния кластеров на финансовый потенциал региона заключается не в определении эффективности реализации тех или иных мероприятий в рамках кластерной политики, а в установлении того, в какой мере функционирование кластера способствует достижению задач социально-экономического развития региона, повышению уровня конкурентоспособности его экономики. Таким образом, для обеспечения концентрации конкурентных преимуществ отраслей региональной экономики необходимо стимулировать развитие кластерных моделей организации хозяйствующих субъектов, положительно зарекомендовавших себя в мировой практике. Важную роль в решении данной задачи играет институциональная составляющая, которая генерирует предпосылки качественного изменения процессов интеграции бизнеса, наращивания его инновационного потенциала.

Это актуализирует проблему формирования институциональной среды, создающей благоприятные условия для реализации кластерных инициатив, и усиление роли государства в реализации кластерной политики в регионах.

ЛИТЕРАТУРА

Меньшенина И.Г., Капустина Л.М. (2008). Кластерообразование в региональной экономике: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. С. 93.

Скоч А. (2007). Эффективность кластеризации региональной экономики. *Экономические стратегии*. № 05-06. С. 156-159.

Соколенко С.И. (2002). Промышленная и территориальная кластеризация как средство реструктуризации. *Безо-пасность Евразии*. № 1.

Султанова Д.Ш. (2011). Траектория развития успешных территорий. Региональная экономика: теория и практика. № 32(215).

Asheim B., Isaksen A. (1997). Location, agglomeration and innovations: towards regional innovation systems in Norway. European planning studies. No. 3.

Barkley O., Henry M. (2001). Advantages and disadvantages of targeting industry clusters. Clemson.

Porter M.E. (2003). Russian Competitiveness: Where Do We Stand? Institute for Strategy and Competitiveness. Harvard Business School. *U.S. Russian Investment Symposium*. Boston, Massachusetts 13 November. Available at: http://www.isc.hbs.edu/pdf/CAON_Russia.2003.Harvard_Symposium.

Porter M. (1998). The Competitive advantage of nations. London.

REFERENCES

Asheim B., Isaksen A. (1997). Location, agglomeration and innovations: towards regional innovation systems in Norway. European planning studies. No. 3.

Barkley O., Henry M. (2001). Advantages and disadvantages of targeting industry clusters. Clemson.

Menshenina I.G., Kapustina L.M. (2008). Clustering in the regional economy: the monograph. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural Mountains. State. Economics. Univ. P. 93. (In Russian).

Porter M.E. (2003). Russian Competitiveness: Where Do We Stand? Institute for Strategy and Competitiveness. Harvard Business School. U.S. Russian Investment Symposium. Boston, Massachusetts 13 November. Available at: http://www.isc.hbs.edu/pdf/CAON_Russia.2003. Harvard_Symposium.

Porter M. (1998). The Competitive advantage of nations. London.

Skoch A. (2007). The effectiveness of the clustering of the regional economy. *Economic strategies*. No. 05-06. S. 156-159. (In Russian).

Sokolenko S.I. (2002). Industrial and territorial clustering as a means of restructuring. Security in Eurasia. No. 1. (In Russian).

Sultanova D.S. (2011). The trajectory of the development of successful territories. Regional economy: theory and practice. No. 32 (215). (In Russian).

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ВЕНЧУРНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

БЕЗИРОВА З.Х.,

Кандидат экономических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова, e-mail: afm.1975@mail.ru;

ЖУРТОВА З.В.,

аспирант, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова, e-mail: v_jour@list.ru

В статье раскрывается специфика и значение венчурного инвестирования инновационной деятельности, обосновывается необходимость взаимодействия венчурного бизнеса и государства в реализации стратегий инновационного развития.

Ключевые слова: венчурное инвестирование; венчурный капитал; инновационная деятельность; инновационные проекты.

THE CONCEPT OF DEVELOPMENT OF VENTURE INVESTMENT INNOVATION ACTIVITY OF THE REGION

BEZIROVA Z. H.,

PhD, Associate Professor, Kabardino-Balkaria State Agrarian University named after V. Kokova, E-mail: afm.1975 @ mail.ru;

ZHURTOVA Z.V.,

graduate student, Kabardino-Balkaria State Agrarian University named after V. Kokova, E-mail: v_jour@list.ru

The article reveals the specificity and importance of venture investment, innovation activity, necessity of interaction of the venture business, the state in imple-mentation strategies of innovative development of Russian economy and its investment provision.

Keywords: venture capital investment; venture capital; innovation; innovative projects.

Код классификатора: JEL 031, 032.

Структурные преобразования общественно-экономического уклада России, начатые в 90-х гг. ХХ в., привели к затяжному кризису. Отечественная научно-техническая и производственная сферы оказались не в полной мере готовыми к работе в условиях рыночных реформ. Исправление сложившейся ситуации и возвращение утраченных позиций невозможно без подъема производственной сферы. Первостепенное значение для развития отечественного производства имеет повышение инвестиционной активности в реальном секторе экономики. Кроме того, для преодоления экономического кризиса необходимо массовое обновление устаревшего производственного оборудования во всех отраслях народного хозяйства, в первую очередь, активной части основных производственных фондов.

Решение данной проблемы в значительной степени зависит от возможности и умения использовать современные финансовые инструменты и механизмы для привлечения в сферу экономики внебюджетных инвестиций.

TERRA ECONOMICUS ♦ 2013 ♦ Tom 11 № 1 Yacts 3

Одним из наиболее перспективных путей реализации высокорискованных наукоемких инновационных проектов является венчурное инвестирование.

Развитие индустрии венчурного капитала и прямого инвестирования в России в настоящий момент является одним из приоритетных направлений государственной инновационной политики и необходимым условием активизации инновационной деятельности и повышения конкурентоспособности отечественной промышленности.

Венчурное инвестирование, в общих чертах представляет собой важнейший источник внебюджетного финансирования научных исследований, прикладных разработок и инновационной деятельности. Средства венчурных инвесторов вкладываются в основном в уставный капитал вновь созданных малых и средних предприятий, ориентированных, как правило, на развитие новых технологий или создание новых наукоемких продуктов. В сущности, принцип венчурного инвестирования представляет собой механизм отбора инновационных проектов (Канжаув, Фоломьев, 2006).

Основные субъекты процесса венчурного инвестирования и их взаимоотношения представлены на рис. 1 (*Вишня-ков*, 2006).

Венчурный капитал как альтернативный источник финансирования частного инновационного бизнеса зародился в США в середине 50-х гг. XX в., который затем распространился и в Европе.

Рис. 1. Основные субъекты процесса венчурного инвестирования и их взаимодействие

Венчурные инвестиции как финансовый инструмент – хотя и рискованные, но имеют, как правило, высокую доходность. Опыт США показывает, что за последние 20 лет эти вложения наиболее эффективны и средняя доходность по ним составляет 19-22%. По данным Национальной ассоциации венчурного капитала США и аналитического центра Global Insight, американские компании, использовавшие венчурный капитал в период с 1970 по 2005 гг., создали 10 млн. новых рабочих мест и получили свыше 2,1 трлн. долларов США дохода (Канжаув, Фоломьев, 2006).

По уровню развития науки и технологий второе место в мире после США занимает Япония. С середины 80-х гг. в Японии мелкие инновационные фирмы с венчурным финансированием стали рассматриваться в качестве источника инновационной модели экономического развития. Их число составляет 99% общего числа предприятий данного типа, а их доля в ВВП страны достигает 52%. Для финансирования венчурного бизнеса там используют не только частный капитал, но и государственная поддержка, налоговые льготы, организуются новые корпорации для использования нововведений в высокотехнологичных отраслях. Развитию венчурного предпринимательства в Японии способствует также создание мелких, но гибких активных инновационных предприятий, узко специализирующихся на стадиях инжиниринга и разработки новых технологий и продуктов (*Канжаув, Фоломьев, 2006*).

Развитие венчурного бизнеса в России возникло в 1994 г. по инициативе Европейского банка реконструкции и развития, что повлекло создание венчурных фондов, а в 1997 г. была создана Российская ассоциация венчурного инвестирования. В настоящее время в стране действует 22 региональных венчурных фонда инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере. Эти фонды были созданы за период с 2006 по 2010 гг. Минэкономразвития РФ совместно с администрациями регионов и аккумулируют средства объемом 9,2 млрд руб. (Обзор рынка..., 2012).

Š

곢

Часть

ω

Венчурное инвестирование реализовывается как частным, так и государственным сектором. Отраслевое распределение венчурных инвестиций указывает на тот факт, что основными сферами привлечения инвестиций венчурных фондов в 2011 г. были отрасли телекоммуникаций и компьютеров, финансовых услуг и потребительского рынка. В секторе ИКТ, который вышел в лидеры по объемам вложений в 2011 г., общий объем зафиксированных сделок составил 1061,5 млн долл. Отрасль финансовых услуг по объемам зафиксированных инвестиций составил 842,5 млн долл. Значительные объемы зафиксированных сделок в отрасли финансовых услуг связаны с осуществлением ряда крупных сделок в банковской сфере (Инновационные проекты..., 2012; Обзор рынка..., 2012).

К тенденциям последних лет, нашедших практическое воплощение в 2011 г., можно отнести формирование крупнейшего инфраструктурного фонда (РФПИ) при государственной поддержке, инвестиционная деятельность которого, окажет в ближайшей перспективе существенное влияние на весь сложившийся ландшафт российской индустрии прямых инвестиций. Также приступили к работе биотехнологический и инфраструктурный фонды ОАО «РВК»; действуют и активно формируются при участии ОАО «Роснано» нанотехнологические фонды; развертывают деятельность фонды в фармацевтической отрасли, в сфере «чистых» технологий и т.д. В целом на российском рынке объем вновь привлеченных в фонды средств в 2011 г. (около 3,8 млрд долл.) более чем в 2 раза превышает показатели 2010 г. (1,74 млрд долл.) (Обзор рынка..., 2012).

С учетом имеющейся информации можно констатировать, что в 2011 г. прирост накопленной капитализации российского рынка в объеме почти 3,8 млрд долл. был обеспечен за счет запуска 21 фонда прямых и венчурных инвестиций. За исключением нескольких фондов, осуществивших промежуточные закрытия, объем вновь привлеченных в 2011 г. капиталов связан с формированием новых фондов (Обзор рынка..., 2012).

ОАО «РВК» в 2011 г. продолжило начатую активную международную программу. Отечественными участниками инновационного процесса был получен доступ к новейшим методикам и технологиям глобального инновационного рынка. Основанные РВК фонды в зарубежной юрисдикции общим объемом 600 млн руб. уже пополнили портфель ОАО «РВК (Инновационные проекты..., 2012).

В целях развития инвестиционной активности по главным направлениям и развития инфраструктуры технологического бизнеса в 2010 г. были разработаны концепции и в настоящее время запущены следующие фонды: «БиоФонд РВК» – биофармацевтический кластерный фонд; «ИнфраФонд РВК» – фонд инфраструктурных инвестиций. Инфраструктуру развития венчурного предпринимательства в России сегодня можно считать уже достаточно развитой, она включает в себя: Всероссийский инновационный фонд, Российскую венчурную компанию, Российскую корпорацию нанотехнологий, федеральные и региональные венчурные ярмарки, систему консультационных центров. Реализуется бюджетная программа поддержки малых предприятий, в том числе венчурных проектов. Однако, по некоторым оценкам, ежегодные венчурные инвестиции в РФ не превышают 0,01-0,02% ВВП, по сравнению с 0,28% ВВП в Корее, а в США — 0,48%, что говорит о начальной стадии становления венчурного предпринимательства в РФ. В целях развития венчурного бизнеса необходимо продолжить развитие технопарков, бизнес-инкубаторов, фондового рынка, электронных бирж; расширение деятельности вузов, консалтинговых и информационных фирм, венчурных выставок (Инновационное предпринимательство..., 2010; Фияксель, 2007).

Таким образом, можно сделать вывод, что на объем инвестиций напрямую действует макроэкономическая ситуация в стране. Кроме того, региональное распределение инвестиций сильно зависит от крупных сделок, совершенных в конкретном году. Реализация одного значительного инвестиционного проекта резко изменяет долю соответствующего региона в общероссийском рейтинге.

Итак, основными проблемами становления и развития венчурного инвестирования как для России в целом, так и для отдельных его регионов являются:

- неразвитость инфраструктуры, обеспечивающей появление в научно-технической сфере быстрорастущих технологических инновационных предприятий, способных стать привлекательными объектами для венчурного инвестирования;
- недостаток отечественного капитала в венчурной индустрии РФ в качестве одного из основных факторов привлекательности страны для зарубежных инвесторов;
- низкая ликвидность венчурных инвестиций, в значительной мере обусловленная неразвитостью фондового
 рынка, являющегося важнейшим инструментом свободного выхода венчурных фондов из проинвестированных
 предприятий;
- отсутствие экономических стимулов для привлечения инвестиций в предприятия высокотехнологичного сектора, обеспечивающих приемлемый риск для венчурных инвесторов;
- практически полное отсутствие законодательной базы, регулирующей и стимулирующей деятельность венчурного инвестора в РФ;
- низкая информационная прозрачность российского рынка интеллектуальной собственности;
- нехватка квалифицированных управляющих и низкий уровень инвестиционной культуры предпринимателей;
- низкий уровень развития корпоративного управления, не позволяющий компаниям осуществлять или привлекать венчурные инвестиции (Вишняков, 2006).

Для полноценного развития венчурной индустрии в стране необходимо в первую очередь создание благоприятных условий на региональном уровне. В современных экономических условиях при помощи комплекса мер по стимулированию венчурного инвестирования практически любой регион имеет возможность осуществить рывок в развитии инновационной деятельности в целях обеспечения своего качественного экономического роста.

Для развития венчурного инвестирования в Кабардино-Балкарской Республике необходимо создание региональной и отраслевой инновационной системы. В связи с этим государственная политика региона в области развития инновационной системы должна реализовываться по таким направлениям, как создание благоприятной экономической и правовой среды в отношении инновационной деятельности; формирование инфраструктуры инновационной системы; создание системы государственной поддержки результатов интеллектуальной деятельности.

В целях эффективного государственного регулирования и стимулирования венчурного инвестирования необходимо разработать систему государственных приоритетов в области развития науки и технологии, региональные и отраслевые перечни приоритетных направлений. Важнейшие прикладные исследования и разработки должны проводиться на основе научно-технического прогноза, планирования результатов исследований ведущих научных организаций региона и изучения долговременных тенденций развития рынка.

Необходимо создать систему государственной поддержки рынка венчурного капитала, которая предусматривает наличие государственных региональных и отраслевых венчурных фондов с участием средств российского Венчурного инновационного фонда и государственного гарантийного фонда (Вишняков, 2006).

Также необходимо осуществить ряд государственных инициатив в целях создания благоприятных условий для венчурного инвестирования, а именно:

- создание правовой основы для обеспечения возможности венчурного инвестирования пенсионными фондами и страховыми организациями;
- разработка приемлемых методов прогноза эффекта от инноваций, а также поддержка государством экспертизы инновационных проектов и развития консультационных услуг для малых предприятий научно-технической сферы;
- прозрачность в отношении налогообложения доходов и прироста капитала с целью избежание двойного налогообложения, а также финансовые стимулы для инвесторов в форме налоговых льгот и государственных гарантий:
- активизация вторичного фондового рынка с целью обеспечения ликвидности инвестиций в венчурный капитал;
- развитие информационной среды, содействие повышению образования в области венчурной деятельности, воспитание венчурной культуры среди предпринимателей;
- финансовая поддержка в форме целевых грантов на исследования и разработки, а также предоставление налоговых льгот:
- поощрение более равномерного распределения активности рискового капитала по регионам и внутри них.

В частности, в КБР предлагается на базе Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарского государственного университета, Кабардино-Балкарского государственного университета, бизнес-инкубаторов, а также при содействии Гарантийного фонда КБР и Агентства инвестиций и развития КБР создать агентство или центр по трансферу технологий — специализированную структуру для развития малых технологических предприятий на начальном этапе их становления. Создание в ближайшем будущем такой структуры позволит создавать в республике малые предприятия высокотехнологической направленности. Для реализации этой задачи предлагается создать республиканский межведомственный совет по развитию системы венчурного инвестирования, а выполнение программы действий финансировать из федерального и регионального бюджетов.

Ключевым механизмом привлечения частного капитала в региональную венчурную индустрию на начальном этапе реализации концепции является создание республиканского венчурного фонда с прямым государственным участием и привлечением на долевой основе средств российского Венчурного инновационного фонда. Для реализации поставленной цели потребуется подготовка кадров – для этого необходимо будет организовать специальное направление, ориентированное на подготовку специалистов для венчурной индустрии, что потребует открытия в бизнес-инкубаторах и образовательных учреждениях соответствующих специализаций, курсов повышения квалификации персонала. Для консультационной, методической и образовательной поддержки в регионе потребуется создать специализированную структуру, т.е. коучинг-центр.

Представляется необходимым разработать и внедрить комплекс мероприятий по формированию единого информационного пространства в целях консолидации научно-технического потенциала республиканских и российских инновационных компаний, интеграции с существующими аналогичными проектами за рубежом, комплексной информационной поддержки инновационных структур для реализации регионального технологического потенциала, эффективной коммерциализации научных исследований и разработок.

ЛИТЕРАТУРА

Вишняков А.А. (2006). О концепции развития венчурного инвестирования инновационной деятельности на Российском Севере. Северные стратегии: возможности альтернативного планирования: Материалы межрегиональной научнопрактической конференции. Воркута. С. 5-9.

Инновационное предпринимательство: как работает венчурная «лестница» (2010). Сборник статей. М.: ОАО «Российская венчурная компания», «Бизнес-журнал». С. 36.

Инновационные проекты малого бизнеса. Портал информационной поддержки инновационных проектов. (2012). Доступно на: http://www.projects.innovbusiness.ru/content/section_r_6FA43BAD-2F33-4D67-BEDF-BEDCD1ECD26A_CPage_1.html.

Канжаув А.Т., Фоломьев А.Н. (2006). Национальные системы венчурного инвестирования. М.: Экономика.

Обзор рынка. Прямые и венчурные инвестиции в России 2011 (2012). СПб.: «Феникс».

Фияксель Э.А. (2007). 20 уроков венчурного бизнеса. М.: СПб ГУЭФ.

REFERENCES

Innovative Entrepreneurship: Venture operates as «ladder» (2010). Collection of articles. Moscow: OAO «Russian Venture Company», «Business Magazine». P. 36. (In Russian).

Innovative small business projects. Information portal to support innovative projects. (2012). Available at: http://www.projects.innovbusiness.ru/content/section_r_6FA43BAD-2F33-4D67-BEDF-BEDCD1ECD26A_CPage_1.html. (In Russian).

Fiyaksel E.A. (2007). 20 lessons a business venture. M. St. Petersburg GUEF. (In Russian).

Kanzhauv A.T., Folom'yev A.N. (2006). The national system of venture investing. Moscow: Economics. (In Russian).

Overview of the market. Equity and Venture Capital in Russia 2011 (2012). St. Petersburg. «Phoenix». (In Russian).

Vishnjakov A.A. (2006). On the concept of venture investing of the innovation in the Russian North. Northern Strategy: Opportunities alternative planning: Proceedings of the inter-regional scientific-practical conference. Vorkuta. Pp. 5-9. (In Russian).

ERRA ECONOMICUS ♦ 2013 ♦ Tom 11 № 1 Yacta

 $^{\circ}$

НАПРАВЛЕНИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

КАШНИКОВА Т.В.,

кандидат экономических наук, доцент, Южный Федеральный университет, e-mail: kashnikova@live.ru

В статье рассматриваются основные направления и инструменты повышения эффективности социальной защиты населения региона, возможности осуществления государственной поддержки домашних хозяйств на мезоуровне, в том числе и малообеспеченных слоев населения. Особое внимание уделяется выявлению инновационных инструментов при формировании социальной политики в Ростовской области. Определяется комплекс мер, необходимых для достижения достойного уровня жизни населения региона.

Ключевые слова: социальная политика; социальные гарантии; социальная поддержка граждан; занятость населения; пенсионное обеспечение; система здравоохранения; демографическая политика.

TRENDS AND TOOLS FOR EFFICIENCY INCREASE OF SOCIAL PROTECTION OF THE POPULATION IN THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION)

KASHNIKOVA T.V.,

PhD, Associate Professor, Southern Federal University, e-mail: kashnikova@live.ru

In article the main trends and instruments of efficiency increase of social protection of the population in the region, possibility of the state support for households at mesolevel including low-income population are considered. Special attention is paid to identification of innovative tools for forming social policy in the Rostov region. The system of measures necessary for achieving a worthy living standard of the population in the region is defined.

Keywords: social policy; social guarantees; social support of citizens; population employment; provision of pensions; health system; demographic policy.

JEL classification: H55.

В 2012 г. в экономике и социальной сфере Ростовской области сохранились позитивные тенденции. По сравнению с 2011 г. возрос оборот организаций, увеличены индексы промышленного производства, оборота розничной торговли и общественного питания, платных услуг населению, сократилась численность официально зарегистрированных безработных. В 2012 г. свыше 210 тыс. семей получили различные выплаты и пособия (всего 15 видов) на детей, в том числе детские пособия, ежемесячные денежные выплаты на детей первого-второго года жизни из малоимущих семей, детей из многодетных семей. Компенсация расходов на оплату коммунальных услуг предоставлена 64,5 тыс. членов многодетных семей. С 2012 г. с целью стимулирования рождения третьего и последующих детей, введен региональный материнский капитал — 100 тыс. руб. (с ежегодной индексацией). Сертификаты выданы 632 семьям. Беременным женщинам из малоимущих семей, кормящим матерям и детям в возрасте до 3 лет

Часть

из малоимущих семей предоставлены ежемесячные денежные выплаты на полноценное питание. С 2011 г. 21 малоимущая многодетная семья, достойно воспитывающая 10 и более несовершеннолетних детей, получила бесплатно в личную собственность микроавтобусы. В 2012 г. всеми видами отдыха и оздоровления охвачено 95% детей школьного возраста. Число оздоровленных детей возросло на 14,5%. Из различных источников на эти цели направлено 1,4 млрд руб.

В области принят Закон «О ежемесячной денежной выплате на третьего ребенка или последующих детей гражданам Российской Федерации, проживающим на территории Ростовской области», который вступил в силу с 1 января 2013 г. Право на получение ежемесячной денежной выплаты определяется в зависимости от среднедушевого дохода семьи, размер которого должен быть ниже среднедушевого денежного дохода населения, сложившегося в Ростовской области за год, предшествующий году обращения за ежемесячной денежной выплатой (оценка среднедушевых денежных доходов 2012 г. составляет 17 575,47 руб. в месяц). Малоимущим семьям, в которых после 31 декабря 2012 г. родится третий или последующие дети, будет назначена ежемесячная денежная выплата со дня рождения ребенка и до достижения им возраста трех лет в размере прожиточного минимума для детей, который в Ростовской области в 2013 г. составит 6535 руб. в месяц. В настоящее время из средств федерального и областного бюджетов выплачивается 15 различных видов пособий семьям с детьми. В 2013 г. на эти цели из бюджета области будет направлено почти 3 млрд руб. Социальная поддержка семей с детьми, особенно многодетных семей, введение новых видов социальной помощи положительно отражается на демографической ситуации в Ростовской области. Внесены изменения в Областной закон о социальной поддержке детства в Ростовской области. Областной закон «О мерах социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в части содержания в приемных семьях» подготовлен в целях увеличения размера ежемесячного денежного вознаграждения, причитающегося приемным родителям (с 5 тыс. 683 руб. до 7 тыс. 388 руб.), которое ежегодно индексируется исходя из определенного областным законом о бюджете уровня инфляции.

В 2012 г. для реализации национального проекта «Здоровье» из федерального бюджета, средств фондов обязательного медицинского и социального страхования областью получено 1,7 млрд руб., 300 млн руб. было выделено из областного бюджета. В 2013 г. работа в рамках национального проекта продолжается по четырем направлениям: формирование здорового образа жизни, развитие первичной медико-санитарной помощи и совершенствование профилактики заболеваний, повышение доступности и качества специализированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи, совершенствование медицинской помощи женщинам и детям. В Ростовской области в рамках мероприятий по формированию здорового образа жизни работают 14 взрослых и 6 детских центров здоровья. С начала 2013 г. в центры обратилось почти 64 тысячи жителей Дона, из них только 33% признано здоровыми. В результате реализации мероприятий, направленных на реформирование первичной медицинской службы, произошли значительные изменения в качестве обслуживания граждан, своевременном выявлении и лечении, а также в предотвращении заболеваний.

В 2012 г. в Ростовской области впервые за 20 лет родилось более 50 тыс. детей. Определенный вклад в позитивный процесс внесла и постоянно совершенствуемая медицинская помощь женщинам и детям. В 2012 г. только на оплату по родовым сертификатам из средств федерального бюджета выплачено 470 млн руб. В рамках национального проекта и модернизации здравоохранения в 2012 г. продолжалось проведение диспансеризации 14-летних подростков, а также детей-сирот и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Интеграция мероприятий национального проекта с модернизацией здравоохранения позволили еще больше укрепить материально-техническую базу лечебных учреждений, внедрить стандарты медицинской помощи и повысить уровень информатизации здравоохранения Ростовской области.

Среди основных направлений социальной политики необходимо выделить социальную программу по обслуживанию пожилых граждан и инвалидов. Социальное обслуживание граждан старшего поколения сегодня – это сложившаяся система, сочетающая различные формы, виды и типы учреждений, цель которых - удовлетворение потребностей пожилых людей в социально-медицинских и бытовых услугах. Сегодня в каждом муниципальном образовании области действует центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов (ЦСО). Социальные услуги центров, в первую очередь, ориентированы на граждан, находящихся в особо сложных жизненных ситуациях. Важную роль в социальной поддержке пожилых людей играют социально-реабилитационные отделения. Сегодня их в Ростовской области 71. Учитывая, что в социально-реабилитационные отделения в основном поступают малообеспеченные одинокие пенсионеры, они решают и чисто житейские проблемы (пребывать в благоприятных условиях в зимнее время, пройти реабилитацию путем получения полноценного питания, медицинской помощи и др.). Социальные услуги на дому получили 84 тыс. пожилых граждан. В каждом Центре социального обслуживания созданы классы компьютерной грамотности. Обучение прошли около 3 тыс. пожилых и инвалидов. Организованы «народные университеты» – клубно-кружковая форма социальной реабилитации, охватившая более 10 тыс. пожилых граждан. Во всех муниципальных районах и 4 городских округах для оказания неотложных медико-социальных услуг пожилым людям и инвалидам на дому организована работа 82 мобильных бригад. В 2012 г. для мобильных бригад приобретено 11 микроавтобусов. Инвалидам с нарушениями зрения, слуха и опорно-двигательного аппарата в 2012 г. предоставлено 2,1 тыс. единиц технических средств реабилитации в рамках областной долгосрочной целевой программы «Доступная среда на 2011-2014 годы».

Назначение и выплата пенсий, оказание государственной социальной помощи по линии ПФР в 2012 г. проходило своевременно и без срывов по всей территории Ростовской области. Трудовые пенсии в течение года были про-

индексированы дважды: 1 февраля – на 7% и 1 апреля – на 3,41%. Социальные пенсии 1 апреля были увеличены на 14,1%, размеры ежемесячных денежных выплат – на 6%. В августе была проведена корректировка трудовых пенсий работающих пенсионеров. Средний размер трудовой пенсии в Ростовской области на сегодня составляет 8,6 тыс. руб., в том числе трудовой пенсии по старости – 9 тыс. руб., социальной пенсии – 5,3 тыс. руб. Доходы получателей двух пенсий из числа инвалидов ВОВ составляют в среднем 25,7 тыс. руб., участников ВОВ – 26,9 тыс. руб. Размер трудовых пенсий с 1 февраля 2013 г. увеличился на 6,6%. Индексация пенсий осуществлена исходя из показателя уровня инфляции в РФ, который в 2012 г. составил 6,6%. В результате повышения средний размер трудовой пенсии по старости составил 9 тыс. 577 руб. В целом индексация коснулась 1 млн 176 тыс. пенсионеров, проживающих в регионе.

Не менее важным является вопрос о государственном субсидировании населения. Увеличено финансирование мероприятий Областной долгосрочной целевой программы «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения Ростовской области на 2010-2014 годы», направленных на реализацию прав граждан на социальную поддержку, а также на социальную поддержку семей, имеющих детей. Общий объем финансирования программы в 2012 г. был увеличен с 103830530,7 до 104431451,6 тыс. руб. В 2013 г. на предоставление жилищных субсидий в бюджете Ростовской области заложено 2,45 млрд руб. Сохранен региональный стандарт максимально допустимой доли собственных платежей граждан за ЖКУ – 15% от совокупного дохода семьи. На сегодняшний день в области продолжается предоставление адресной помощи жителям тех районов, в которых тарифы для населения установлены выше критериев доступности оплаты за холодное водоснабжение и водоотведение (40 руб./куб. м., 35 руб./куб. м. соответственно). В целом, различными мерами социальной поддержки в Ростовской области пользуются 844 тыс. льготников. В 2013 г. на эти цели будет направлено более 10 млрд руб. из федерального и областного бюджетов.

В 2012 г. особое внимание уделялось вопросам погашения задолженности по заработной плате на предприятиях Ростовской области. По информации Ростовстата на 01.11.2012 задолженность по выплате заработной платы составляла 50,5 млн руб. перед 2826 работниками на 6 действующих предприятиях и 67,2 млн руб. перед 1091 работником на 4 предприятиях-банкротах. На 14.11.2012 задолженность в действующих организациях снизилась на 0,1 млн руб. и составила 50,4 млн руб. На предприятиях-банкротах сумма долга снизилась на 0,2 млн руб. и составила 67,0 млн руб. За две декады февраля 2013 г. задолженность по заработной плате перед работниками донских организаций сократилась на 29,1 млн руб. и по данным Ростовстата сегодня составляет: на 6 действующих предприятиях 33,8 млн руб. и 46,8 млн руб. на 4 предприятиях-банкротах. Администрацией Ростовской области были приняты все необходимые меры по ее ликвидации. Еженедельно на заседаниях областной межведомственной комиссии по организации взаимодействия государственных органов при осуществлении контроля за соблюдением трудового законодательства заслушивались отчеты руководителей предприятий-должников, глав администраций муниципальных образований, отраслевых министров. Для решения данной проблемы были задействованы надзорные органы, Федерация профсоюзов, Союз работодателей. Подготовку заседаний и контроль выполнения решений комиссии осуществляло министерство труда и социального развития.

Для снижения уровня регистрируемой безработицы в Ростовской области реализуются областная долгосрочная целевая программа «Содействие занятости населения Ростовской области на 2012-2014 годы» и целевая программа «Снижение напряженности на рынке труда Ростовской области на 2012 год». В 2012 г. сохранилась тенденция к снижению уровня регистрируемой безработицы в г. Ростове-на-Дону. По состоянию на 01.11.2012 г. данный показатель составил 0,4% от экономически активного населения, что на 0,2 процентных пунктов меньше, чем в аналогичном периоде 2011 г. С начала 2012 г. в службу занятости обратились 24,1 тыс. человек. Трудоустроено 18,8 тыс. человек. Из них 2527 человек приняли участие в общественных работах, на временные работы направлен 931 граждании и 5206 несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет. Доля трудоустроенных граждан от числа обратившихся по отношению к уровню 2011 г. увеличилась на 8,6% и составила 78%. Открыли собственное дело и получили финансовую поддержку на подготовку учредительных документов 100 безработных граждан. Число зарегистрированных безработных граждан на 01.11.2012 составило 2425 человек, что на 32% меньше, чем за аналогичный период 2011 г. За 10 месяцев 2012 г. признаны безработными 8196 человек – это на 23% меньше, чем за аналогичный период 2011 г.

Отмечен рост числа вакансий, заявленных в службу занятости. В общегородском банке данных в настоящее время зарегистрировано 15 тыс. вакансий (что на 5% больше, чем в аналогичном периоде 2011 г.). Из них предложения по рабочим профессиям — 72%. Услуги по профессиональной ориентации получили 20,5 тыс. человек, в том числе 7857 безработных. За счет средств бюджета города обеспечена занятость 2760 человек, в том числе 2122 несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. Социальные выплаты безработным произведены в полном объеме. Социальную поддержку получили более 14 тыс. безработных граждан. В рамках реализации целевой программы по снижению напряженности на рынке труда Ростовской области на 2012 г. было предусмотрено частичное возмещение расходов работодателю в размере 50 тыс. руб. за каждое рабочее место для инвалидов и 30 тыс. руб. за каждое рабочее место для инвалидов.

Мероприятия, предусмотренные Областной программой по снижению напряженности на рынке труда Ростовской области, смогли существенно повлиять на ситуацию на данном рынке, снизить уровень регистрируемой безработицы. В 2013 г. субсидирование самозанятости безработных граждан и стимулирование создания ими дополнительных рабочих мест для трудоустройства безработных граждан не предусмотрено (начинающим предпринимателям компенсируют расходы по организации предпринимательской деятельности – оплата госпошлины за регистрацию

предприятия, нотариальные услуги, изготовление печатей и штампов, приобретение бухгалтерской документации). Программа сохранила свою социальную направленность в части содействия в трудоустройстве незанятых инвалидов; родителей, воспитывающих детей-инвалидов; многодетных родителей. Работодатели должны создать рабочие места для данных категорий граждан, а служба занятости частично компенсирует затраты по их созданию.

В 2012 г. проведено 297 ярмарок вакансий, в которых приняли участие 12,7 тыс. человек. Трудоустроено более 30% участников. В июле и октябре 2012 г. впервые в Ростове-на-Дону прошли ярмарки вакансий для граждан предпенсионного и пенсионного возраста под общим названием «С мудростью лет – к новым горизонтам». Их посетили 910 человек. Проведены 32 ярмарки вакансий для выпускников, в том числе 9 - для выпускников ВУЗов. В них участвовали более 7 тыс. молодых ростовчан. С начала 2012 г. на предприятиях сокращено 1660 человек, что в 2 раза меньше численности фактически уволенных граждан за аналогичный период 2011 г. Сведения о предстоящих увольнениях предоставили 48 предприятий города, планируется высвобождение 1062 работников, в том числе 641 ростовчанина. На предприятиях, где отмечалась нестабильная ситуация, организованы консультационные пункты, проводилась информационно-консультативная работа по вопросам исполнения действующего законодательства о занятости населения. Проведено 215 рабочих встреч с работодателями, на которых обсуждались вопросы обеспечения занятости населения. Организовано 110 выездов мобильных центров занятости населения в общеобразовательные учреждения города, комиссии по делам несовершеннолетних районов города, на ярмарки вакансий. Мобильные центры занятости населения работали на центральных улицах и площадях Ростова-на-Дону. Консультации здесь получили 3,5 тыс. человек.

В настоящее время планируется стимулировать дополнительным финансированием уже открывших собственное дело начинающих предпринимателей, в случае, если они создадут в рамках своего бизнеса рабочие места, на которые примут безработных граждан. Регулирование социально-трудовых отношений в организациях области осуществляется на основе социального партнерства. Одним из главных показателей развития социального партнерства является количество и качество заключенных соглашений и коллективных договоров. Для повышения осведомленности жителей города и области о формах и видах предоставляемой социальной помощи проводятся информационные встречи с населением, общественными организациями, размещается и регулярно обновляется информация об оказании адресной социальной помощи на официальном портале Администрации Ростова и городской Думы, в СМИ, на информационных стендах районных Управлений соцзащиты.

Таким образом, в Ростовской области реализуются социальные программы и проекты по всем основным направлениям деятельности Правительства Российской Федерации для снижения социально-экономической дифференциации и повышения уровня жизни. При этом в каждой из программ учтены территориальные, демографические, экономические, национальные, социальные особенности области, что делает их наиболее эффективными.

ЛИТЕРАТУРА

Ведомственная целевая программа «Снижение напряженности на рынке труда Ростовской области на 2012 год». Доступно на: http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=91437.

Закон от 22.06.2012 № 882-3С «О ежемесячной денежной выплате на третьего ребенка или последующих детей гражданам Российской Федерации, проживающим на территории Ростовской области». Доступно на: http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=111893.

Кашникова Т.В. (2012). Динамика бедности в России в условиях глобальной нестабильности. Глобальный мир: антикризисные императивы, модернизация, институты. М.: Изд-во «Вузовская книга».

Кашникова Т.В. (2012). Мониторинг региональных различий уровня и качества жизни населения России. Маркетинг и коммуникации в бизнесе. Ростов н/Д: Изд-во: «АкадемЛит».

Кашникова Т.В. (2013). Макроэкономическая стратегия социально-экономического развития РФ: политика локализации бедности. Экономический механизм устойчивого развития экономики России в условиях нестабильной внешней среды. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие-XXI век».

Областная долгосрочная целевая программа «Содействие занятости населения Ростовской области на 2012-2014 годы». Доступно на: http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=103228.

Областной закон от 22.10.2005 № 369-3С «О мерах социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в части содержания в приемных семьях». Доступно на: http://www.rostlaws.ru/index.php?ds=1443472.

Областной закон Ростовской области от 22 июня 2012 г. N 873-3C «О внесении изменений в Областной закон «О социальной поддержке детства в Ростовской области». Доступно на: http://regionz.ru/index.php?ds=1714647.

Постановление Правительства P0 от 07.12.2012 N 1070 «О внесении изменений в постановление Администрации Ростовской области от 16.10.2009 N 529». Доступно на: http://base.garant.ru/19506941/.

REFERENCES

Departmental target program "Intensity decrease on a Labour Market of the Rostov Region in 2012". Available at: http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=91437. (In Russian)

Kashnikova T.V. (2012). Poverty Dynamics in Russia in the context of global instability. The global world: anti-crisis imperatives, modernization and institutions. Moscow: Publishing House "Vuzovskaya Kniga". (In Russian).

Kashnikova T.V. (2012). Monitoring of regional differences of level and life quality in Russia. Marketing and communications in business. Rostov n/D: "AkademLit" Publishing House. (In Russian).

IERRA ECONOMICUS ♦ 2013 ♦ Tom 11 № 1 4acts 3

Kashnikova T.V. (2013). Macroeconomic strategy of social and economic development of the Russian Federation: policy of poverty localization. Economic mechanism for sustainable development of Russian economy in a volatile environment.. Rostov-on-Don: "Sodeystviye-XXI Vek". (In Russian).

Regional long-term target program «Assistance of Employment of the Rostov Region for 2012-2014». Available at: http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=103228. (In Russian).

The regional law of 22.10.2005 No. 369-ZS «About measures of social support of orphans and children without parental support in part of keeping them in foster home «. Available at: http://www.rostlaws.ru/index.php?ds=1443472. (In Russian).

The law of 22.06.2012 No. 882-ZS «About monthly payment for the third child or the subsequent children to citizens of the Russian Federation living on the territory of the Rostov region». Available at: http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=111893. (In Russian).

The regional law of the Rostov Region, June 22, 2012 N 873-ZS «About modification of the Regional law «About Social Support of Childhood in the Rostov Region». Available at: http://regionz.ru/index.php?ds=1714647. (In Russian).

The Government Resolution of the Rostov region 07.12.2012 N 1070 «About modification of the resolution of Administration of the Rostov region of 16.10.2009 N 529». Available at: http://base.garant.ru/19506941/. (In Russian).

СИСТЕМНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕС СТРУКТУР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННО АГРАРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

ГРИГОРЬЕВА О.П.,

старший преподаватель кафедры статистики и эконометрики, кандидат экономических наук, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: ksuta_stav@mail.ru;

ГЕРАСИМОВ А.Н.,

доктор экономических наук, доцент кафедры статистики и эконометрики, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: Gerasimov_77_77@mail.ru;

СКРЕБЦОВА Т.В.,

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры финансового менеджмента и банковского дела, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: skrebtsova_t@inbox.ru

В статье авторами идентифицированы факторы, влияющие на результаты предпринимательской деятельности в молочном производстве и дана количественная оценка уровня их воздействия. Разработана методика прогнозирования эффективности производства и реализации молока с учетом ценовой ситуации на локальном рынке, позволяющая оперативно принимать управленческие решения и снижать предпринимательские риски. Доказана необходимость и обоснованы пути создания интегрированных формирований в молочном подкомплексе.

Ключевые слова: сельскохозяйственное производство; эффективность; интеграция; интегрированные формирования; прогнозирование.

SYSTEM INTEGRATION AS A FORM OF INTERACTION BETWEEN THE BUSINESS STRUCTURES AT THE PRESENT STAGE OF TRADITIONAL AGRICULTURAL REGIONS DEVELOPMENT OF RUSSIA

GRIGORIEVA O.P.,

Lecturer at the Department of Economics and Statistics, Ph.D,
Stavropol State Agrarian University,
e-mail: ksuta_stav@mail.ru;

GERASIMOV A.N.,

Associate Professor at the Department of Statistics and Econometrics, doctor of Sciences,
Stavropol State Agrarian University,
e-mail: Gerasimov_77_77@mail.ru;

SKREBTSOVA T.V.,

Lecturer at the Department of Financial management and banking, PhD,
Stavropol State Agrarian University,
e-mail: skrebtsova_t@inbox.ru

In the article the authors identified factors that influence the results of business activities in the dairy industry, and a quantitative assessment of their im-pact. The technique of predicting the effectiveness of the

production and sale of milk in view of the price situation on the local market, allowing operational management decisions and reduce business risks. The necessity and justified way of creating integrated units in the dairy subcomplex.

Keywords: agricultural production; efficiency; integration; integrated form; and forecasting.

JEL classification: Q13, Q14, Q18.

Проблемы развития предпринимательства на локальных рынках молока и молочной продукции в России свидетельствуют о недостаточной эффективности осуществляемых в отрасли преобразований, которые сопровождаются спадом крупнотоварного производства молока, нарушением паритетных предпринимательских взаимоотношений между технологическими связанными предприятиями, разрушением сырьевых зон и низким уровнем использования мощностей перерабатывающих предприятий, увеличением потерь молока при одновременном снижении качества продукции и ее конкурентоспособности (Григорьева, 2009. С. 124).

При совершенствовании предпринимательских связей важно определить центральное звено во всей цепи производства готового продукта (Углицких, 2013. С. 418). По нашему мнению – это стадия переработки, являющаяся связующим звеном между производителями молока и потребителями молочных продуктов. Именно перерабатывающие предприятия, учитывая возможности сырьевой зоны, должны осуществлять координацию действий по повышению качества молока в хозяйствах, определять объемы его производства (Григорьева, 2012. С. 64). С другой стороны, на перерабатывающие предприятия ложится функция предоставления населению качественных молочных продуктов в необходимом объеме и ассортименте. При этом перерабатывающие предприятия в своей ассортиментной политике обязаны исходить из того, что современная экономика является, прежде всего, «экономикой потребителя» (Григорьева, 2013. С. 32). Таким образом, для обеспечения устойчивого развития предпринимательства в молочном подкомплексе необходимо изучение причин кризиса в отрасли и определение путей выхода из сложившейся ситуации.

Предпосылки развития предпринимательских связей между перерабатывающей промышленностью и производителями молока складывались в течение продолжительного времени. Сформировавшаяся структура предпринимательских связей не позволяет повышать конкурентоспособность молочной продукции и снижает инвестиционную привлекательность отрасли. В конечном итоге это сдерживает реализацию следующих положений поступательного развития предпринимательства в молочном подкомплексе, являющихся, на наш взгляд, наиболее важными предпосылками его интеграции: обеспечение продовольственной безопасности региона и страны (*Герасимов, 2012. С. 27*); поддержка конкурентоспособности молочной продукции; использование инновационных технологий в кормопроизводстве, переработке и хранении молочной продукции (*Герасимов, 2012b. С. 44*); устранение различий уровней и темпов развития сельхозтоваропроизводителей и перерабатывающей промышленности (*Глотова, 2012. С. 200*); полное использование природных ресурсов региона (*Громов, 2010. С. 126*), развитие племенного скотоводства и генетического потенциала молочного стада; необходимость в оптимизации загрузки производственных мощностей перерабатывающих предприятий.

Процессы интеграции сельского хозяйства с перерабатывающей промышленностью предполагают совершенствование взаимосвязей между ними и образование новых организационных форм предпринимательской деятельности. Объективная закономерность интеграции предпринимателей этих двух отраслей обуславливается рядом факторов: экономией средств в результате снижения потерь сырья при транспортировке; улучшения использования трудовых ресурсов; обеспечением наибольшего контроля за качеством сырья и готовой молочной продукции; возможностью совершенствования сбытовой политики; концентрацией капитала, а значит и большими возможностями для инвестирования в производство и др.

Комплексное развитие предпринимательства в молочном подкомплексе возможно лишь при учете следующих объективных факторов, определяющих его специфику:

- скоропортящийся характер молока накладывает жесткие ограничения на сроки переработки и вынуждает производителей иметь специальное оборудование для хранения и транспортировки сырья и готовой продукции;
- ✓ сезонный характер поступления сырья, с одной стороны, и необходимость равномерного снабжения населения молочными продуктами, с другой стороны, вынуждает хранить в замороженном, или частично переработанном виде значительные их объемы, а также обостряет проблему равномерной загрузки производственных мощностей;
- ✓ ввоз сырья и молочной продукции ставит производителей в условия жесткой конкуренции не только на региональном уровне, но и на федеральном и международном, диктует повышенные требования к качеству и цене продукции, а также к формированию и поддержанию брендов продукции и предприятия.

Основные, полученные в ходе наших исследований, результаты деятельности предпринимателей молочной промышленности Ставропольского края свидетельствуют о том, что последние 6 лет характеризовались постепенным выходом из кризиса и относительной стабилизацией отрасли. Установилась положительная тенденция роста производства всех основных видов молочной продукции в предпринимательском секторе. Так производство цельномолочной продукции за исследуемый период увеличилось на 80,1%; нежирной молочной продукции и масла — на 7,7 и 11,7% соответственно; сыра — в два с половиной, сухого молока — в три с половиной раза.

Однако в течение года мощности заводов по производству молочной продукции используются только на 40–70%, что объясняется и выраженной сезонностью производства молока, и устаревшим морально и физически оборудова-

нием, и отсутствием целенаправленной маркетинговой стратегии как неотъемлемого фактора развития предпринимательства. В такой ситуации, для того, чтобы «выжить» в зимний период, перерабатывающие предприятия вынуждены летом производить на «закладку» некоторые виды продукции: масло, молоко сухое, и др., чтобы использовать их в производственном процессе и реализации зимой.

В структуре производства молочной продукции доля сыров не превышает 5% в общем объеме; нежирной молочной продукции производится не более 3%; производство мороженного характеризуется ярко выраженной сезонностью и не превышает 14%; а масла производится в пределах 2–6%. Наибольший удельный вес (55,1%) приходится на производство цельномолочной продукции как не требующей длительной специализированной обработки. Сравнение фактической структуры производства молочной продукции с нормативными структурными показателями свидетельствует об их непротиворечивости в целом. Хотя, на наш взгляд, учитывая передовой опыт, следует существенно расширить ассортимент, исходя, прежде всего, из требований рынка.

Анализ потребления молока и молочных продуктов в Ставропольском крае показал, что за исследуемый период, как и в целом по России, потребление не достигло научно обоснованной нормы, установленной Минздравом РФ в 392 кг на душу населения в год в пересчете на молоко. В среднем каждый житель края недополучает около 204 килограммов молока и молочных продуктов в год. Это говорит о широких возможностях расширения рынка молочных продуктов.

Наиболее показательно уровень развития предпринимательства в молочном подкомплексе характеризуется рентабельностью реализации продукции, низкий уровень которой приводит к финансовой неустойчивости и зависимости предпринимательских структур от кредиторов, конъюнктуры рынка, партнеров, поставщиков сырья, материалов, энергоносителей и пр. (*Григорьева, 2012. С. 58*). Следствием этого является снижение предпринимательского интереса к данному сектору аграрной экономики, что никоим образом не отвечает потребностям общества.

Число факторов, влияющих на результаты предпринимательской деятельности велико, однако их значимость, как во времени, так и в пространстве, существенно различается. В связи с необходимостью оценки влияния каждого из них на результативность молочного производства нами обоснована целесообразность применения метода канонических корреляций (Гладилин, 2011. С. 186). В качестве результирующих признаков, исходя из проведенного в диссертации анализа, определены: y_1 — рентабельность производства молока, %; y_2 — себестоимость производства 1 ц. молока, руб.; y_3 — валовое производство молока, тонн; а факторных: x_1 — надой молока на 1 корову, кг.; x_2 — жирность молока, %; x_3 — наличие кормов на 1 корову, центнеров кормовых единиц (ц.к.е.); x_4 — наличие кормов на 1 ц. молока, ц.к.е.; x_5 — посевная площадь под кормовыми, тыс.га.

В результате построены следующие канонические переменные для стандартизированных исходных показателей x_i и y_i :

$$U = 0,937x_1 - 0,129x_3$$

$$V = 0,597y_1 + 0,211y_2 + 0,774y_3$$

с коэффициентом корреляции 0,862.

Эти соотношения позволяют нам установить экономическую зависимость между показателями и выявить основные резервы увеличения эффективности предпринимательской деятельности в отрасли в исследуемый период: повышение результативности молочного стада и кормовой базы и стабилизация затрат на производство молока. При этом наибольшее влияние на результативность хозяйственной деятельности (валовое производство молока и его рентабельность) оказывает продуктивность животных.

Функционирование предпринимательских структур в постоянно изменяющейся среде обуславливает необходимость текущего и стратегического прогнозирования и планирования. Нами предложена методика прогнозирования важнейших показателей, характеризующих предпринимательство в молочном подкомплексе Ставропольского края, представленная двумя этапами. На первом этапе нами получены прогнозы производственно-хозяйственной деятельности, и выявлено, что посевные площади под кормовыми культурами, будут сокращаться, а средние и валовые надои имеют тенденцию к росту. Это обусловлено намечающимися позитивными изменениями в качестве пастбищ, заготовке кормов, структуре рационов животных и составе молочного стада.

На втором этапе, исходя из результатов канонического анализа, для определения рентабельности производства молока предлагается использовать зависимость (1), учитывающую влияние не только ценовых факторов, но и продуктивность животных в сочетании с конъюнктурой рынка:

$$P = \left(\frac{II \times II \times K_T}{3} - 1\right) \times 100,\tag{1}$$

где Ц – цена реализации 1 т. молока, руб.; 3 – затраты на одну корову, руб.; Π – продуктивность одной коровы, тонн; $K_{\rm T}$ – коэффициент товарности молока.

На основе этой зависимости в работе предложено использование матрицы прогнозных значений рентабельности производства молока, позволяющее оперативно принимать управленческие решения и снижать предпринимательские риски с учетом продуктивности коров и ценовой ситуации на рынке. Эта методики применима для различных значений показателей (Ц, П, КТ и 3). В табл. 1 представлен расчет прогноза рентабельности предпринимательского сектора АПК в Ставропольском крае.

В предлагаемой матрице вертикальная шкала отражает изменение затрат на содержание одной коровы, горизонтальная – изменение продуктивности коров. В ячейках матрицы – уровень рентабельности производства молока при различных сочетаниях затрат на содержание и продуктивности коров, с учетом сложившейся цены реализации. Верхняя часть матрицы представляет пределы эффективного производства молока.

Повышение экономической эффективности предпринимательства в молочном подкомплексе может и должно быть достигнуто через усиление интеграционных связей. Опыт агроинтеграции свидетельствует о многообразии ее организационных форм. На практике это объединение осуществляется по отраслевому, территориальному или территориально-отраслевому принципу.

Таблица 1

Матрица прогнозных значений рентабельности производства молока в предпринимательском секторе АПК

	продуктивность коров, кг в год										
затраты на 1 корову, руб.	2303	2313	2446	2677	2735	2689	3635	4155	4429		
10000	50,6	51,3	60,0	75,1	78,9	75,9	87,7	94,1	100,5		
10500	43,4	44,1	52,4	66,8	70,3	67,5	78,8	84,8	91,0		
11000	36,9	37,6	45,5	59,2	62,6	59,9	70,7	76,4	82,3		
11500	31,0	31,6	39,1	52,3	55,5	53,0	63,3	68,8	74,3		
12000	25,5	26,1	33,3	45,9	49,0	46,6	56,5	61,7	67,1		
12500	20,5	21,1	28,0	40,1	43,1	40,7	50,2	55,3	60,4		
13000	15,8	16,4	23,1	34,7	37,6	35,3	44,4	49,3	54,2		
13500	11,6	12,1	18,5	29,7	32,5	30,3	39,1	43,8	48,5		
14000	7,6	8,1	14,3	25,1	27,8	25,6	34,1	38,6	43,2		
14500	3,9	4,4	10,4	20,8	23,3	21,3	29,5	33,9	38,3		
15000	0,4	0,9	6,7	16,8	19,2	17,3	25,2	29,4	33,7		
15500	-2,8	-2,4	3,2	13,0	15,4	13,5	21,1	25,2	29,4		
16000	-5,9	-5,4	0,0	9,5	11,8	9,9	17,3	21,3	25,3		
16500	-8,7	-8,3	-3,0	6,1	8,4	6,6	13,8	17,6	21,5		

Исследование предпринимательства и опыта развития интеграции в Ставропольском крае и других регионах страны позволили определить, что совершенствование организационных структур и системы управления производством должно быть направлено на создание интегрированных формирований по производству и переработке молока на базе существующих сырьевых зон перерабатывающих предприятий. Наиболее целесообразным для развития предпринимательства представляется создание соответствующего агрокомбината, который может быть организован в рамках успешно функционирующего перерабатывающего предприятия, объединяя молочно-товарные фермы, сельхозтовапроизводителей, обслуживающие и торговые организации. В связи с этим нами предложен проект агрокомбината вертикального типа построения (рис. 1).

Рис. 1. Схема предпринимательских связей в предлагаемом агрокомбинате

Перерабатывающие предприятия в рамках агрокомбината имеют ключевое значение и должны стимулировать договорные отношения по следующим направлениям:

- инвестирование СХП и КФХ с целью повышения их доли в общем объеме закупаемого молочного сырья;
- закупка молока соответствующего качества по гарантированным ценам и в гарантированных объемах;
- обеспечение личных подворий и фермеров молодняком скота, кормами на основе установленного порядка их выделения; при этом возможно предоставление кормов в качестве товарного кредита;
- передача сельскохозяйственными предприятиями незанятых животноводческих помещений в аренду населению и фермерам для организации расширенного производства молока;
- ветеринарное и зоотехническое обслуживание личных подворий и фермерских хозяйств;
- проведение совместной с торговыми организациями маркетинговой политики основанной на потребностях населения:
- повышение профессионального уровня мелкотоварных производителей.

Развитие каждого из этих направлений повлечет за собой рост инвестиционной привлекательности молочного животноводства и предпринимательской активности в отрасли.

Основываясь на данных о становлении и развитии агроформирований в Волгоградской (ЗАО «РусАгроПроект»), Омской (ОАО Агрохолдинг «Омский») и Орловской (ОАО «Агрофирма Мценская», ОАО «Орловский агрокомбинат», Агрофирма «Двуречье») областях, Краснодарского края (ОАО «Кубарус-Молоко») мы использовали метод аналогий для количественного обоснования формирования в молочном подкомплексе Ставропольского края агрокомбината с учетом региональных особенностей. Это позволило нам создать модельное агроформирование и рассчитать прогнозируемые результаты предпринимательской деятельности каждого из участников агропромышленного объединения по производству молочной продукции (табл. 2). Как показывает опыт общая сумма инвестиционных затрат подобного проекта составляет на начальном этапе около 50 млн руб. при расчетном сроке окупаемости проекта 5-6 лет.

Таблица 2

Сравнительная характеристика прогнозируемых показателей экономической эффективности предпринимательской деятельности до и после процесса интеграции

	Мод	ельное	Предлагаемый агрокомбинат		
Показатель	агрофор	мирование			
	До интеграции	После интеграции	До интеграции	После интеграции	
Валовой надой, тонн	3515,4	13626,9	9314,5	41264,3	
Рентабельность реализации молока, %	2,8	9,8	3,02	10,5	
Принято молока на переработку, тонн	35281,2	50482,9	42651,2	61028,4	
В т.ч. пригодного к сквашиванию, % от всего принятого	33,7	43,2	32,1	41,2	
Рентабельность реализации молочной продукции, %	12,9	22,6	2,9	5,2	

При этом необходимо иметь в виду, что агрокомбинат должен обязательно представлять собой единую систему, позволяющую достичь эмерджентного экономического эффекта.

Сравнительный анализ прогнозируемой эффективности предпринимательской деятельности при условии создания на территории края интегрированных агроформирований и без таковых показал, что средний надой за счет изменения качественных показателей молочного стада вырастет более на треть. Это обусловит рост валового производства молока на 12%, снижение себестоимости молока на 0,9% и значительный рост рентабельности предпринимательской деятельности. Поэтому формирование интеграционных структур по вертикальному типу – один из перспективнейших путей повышения эффективности агропромышленного предпринимательства и конкурентоспособности продукции.

Эффективное функционирование и развитие предпринимательских структур в молочном подкомплексе региона должно базироваться на следующих положениях: совершенствование кормовой базы путем повышения качества пастбищ и применения прогрессивных технологий при заготовке кормов; увеличение продуктивности коров, предполагающее изменение породного состава молочного стада; наращивание объемов, снижение себестоимости и повышение рентабельности производства путем реорганизации предпринимательских связей и создания интегрированных формирований.

Повышение экономической эффективности предпринимательской деятельности в молочном подкомплексе региона может быть достигнуто при согласованности целей и действий всех звеньев единой технологической цепочки по производству и реализации молочной продукции, совершенствовании организационно-экономических форм. Создание предпринимательских агроформирований будет способствовать изменению структуры производства молочного сырья в пользу крупных производителей, повышению его количественных и качественных показателей.

Необходимо образование предпринимательской структуры, объединяющей в себе, на основе успешно функционирующего перерабатывающего предприятия, производителей молока и субъектов системы сбыта готовой продукции. Ее характерной особенностью является размещение на существующей материально-технической базе

предприятий и привязка к локальной сырьевой зоне. Это будет содействовать повышению рентабельности предпринимательской деятельности всех составляющих молочного подкомплекса.

Приоритетными направлениями развития предпринимательства в молочнопродуктовом подкомплексе являются: восстановление промышленного молочного скотоводства, повышение генетического потенциала молочной продуктивности коров, улучшение племенной работы, оптимизация кормовой базы, как приоритетных факторов, определяющих рост продуктивности скота, повышение качества производимого молока и молочной продукции и эффективности развития отрасли, что, в конечном итоге, приведет к повышению инвестиционной привлекательности.

ЛИТЕРАТУРА

Герасимов А.Н., Громов Е.И. (2012). Регионально-отраслевые аспекты вступления России в ВТО. *Экономика и предпринимательство*, № 4, С. 26-31.

Герасимов А.Н., Громов Е.И., Мурдугов А.В., Шаталова О.И. (2012). Совершенствование механизма эффективного функционирования региональных агроэкономических систем, М.: Колос; Ставрополь: Сервисшкола, 172 с.

Гладилин А.В., Герасимов А.Н., Громов Е.И. (2011). Эконометрика, Ростов-на-Дону: Феникс, 304 с.

Глотова И.И., Томилина Е.П., Углицких О.Н. (2012). Совершенствование способов привлечения заемных ресурсов сельскохозяйственными организациями. *Экономика и предпринимательство*, № 5, с. 198-203.

Григорьева О.П., Томилина Е.П. (2013). Адаптация региональной экономической политики к нормам и правилам ВТО. *Экономика и предпринимательство*, Т. 7, № 1, С. 30–34.

Григорьева О.П. (2012). Проблемы устойчивого развития сельских территорий. *Вестник АПК Ставрополья*, Т. 5, № 1. С. 64–67.

Григорьева О.П. (2009). Развитие интеграционных процессов в молочном подкомплексе АПК. *Вестник Северо- Кавказского Государственного Технического Университета*. *Серия «Экономика»*, № 1, с. 124-129.

Григорьева О.П. (2012). Экономико-статистическая оценка уровня жизни населения макрорегионов Российской Федерации. Экономика и предпринимательство, № 4, с. 57-60.

Громов Е.И. (2010). Системные аспекты социоэколого-экономической оценки аграрно ориентированных территорий. *Вестник университета*, № 20, с. 124-128.

Углицких О.Н., Глотова И.И., Томилина Е.П. (2013). Роль межрегиональных предпринимательских связей в обеспечении молочной продукцией продовольственного рынка российской федерации. Экономика и предпринимательство, № 4, с. 418-422.

REFERENCES

Gerasimov A., Gromov E. (2012). Regional-sectoral aspects of Russia's accession to the WTO. Economics and Business, \mathbb{N}^2 4, p. 26-31. (In Russian).

Gerasimov A., Gromov E., Murdugov A., Shatalova O. (2012). Improving the performance of regional agro-economic systems, Moscow: Kolos, Stavropol Servisshkola, 172 p. (In Russian).

Gladilin A., Gerasimov A., Gromov E. (2011). Econometrics, Rostov-on-Don: Phoenix, 304 p. (In Russian).

Glotova I., Tomilina E., Uglitskikh O. (2012). Improved methods of leverage resources by agricultural organizations. Economics and Business, № 5, p. 198-203. (In Russian).

Grigorieva O., Tomilina E. (2013). Adaptation of regional economic policies to WTO rules and disciplines. Economics and Business, Vol 7, № 1, p. 30-34. (In Russian).

Grigorieva 0. (2012). Problems of sustainable development of rural areas. *Bulletin AIC Stavropol*, T. 5, \mathbb{N}^{0} 1, p. 64-67. (In Russian).

Grigorieva O. (2009) The development of integration processes in the dairy subcomplex. Bulletin of the North Caucasus State Technical University. Series "Economy», № 1, p. 124-129. (In Russian).

Grigorieva 0. (2012). Economic-statistical evaluation of the standard of living macro-regions of the Russian Federation. *Economics and Business*, № 4, p. 57-60. (In Russian).

Gromov E. (2010). System aspects socio ecological oriented economic evaluation of agricultural areas. *Bulletin of the University*, № 20, p. 124-128. (In Russian).

Uglitskikh O., Glotova I., Tomilina E. (2013). The role of inter-business relations in providing dairy products of the food market of the Russian Federation. *Economics and Business*, № 4, p. 418-422. (In Russian).

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ХИМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА

КУЗЬМЕНКО В.В..

заведующий кафедрой «Налоги и налогообложение», доктор экономических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет, e-mail: naloqi@ncstu.ru;

трысячный в.и.,

доктор экономических наук, профессор кафедры «Управление проектами и инновациями», Северо-Кавказский федеральный университет, e-mail: kavkazvi@qmail.com

В статье обоснована необходимость создания концепции развития предприятий регионального химического комплекса, разработаны цели, задачи и механизмы ее поэтапной реализации, последовательное осуществление которых позволит повысить конкурентоспособность отрасли промышленности территории. Неизбежная глобализация рынков, а также перспективы дальнейшей либерализации территориальных сегментов после вступления страны в ВТО открывают предприятиям-производителям химической продукции возможности широкого выбора в приобретении современного оборудования для развития и модернизации собственного производства. В связи с этим необходима новая политика по поддержке обрабатывающих отраслей, которая будет проводится в условиях жестких ограничений финансовых возможностей. В предлагаемой «Концепции развития предприятий химического комплекса Ставропольского края на 2012-2020 годы», разработанной с использованием инструментов моделирования экономических отношений в среде хозяйствующих субъектов отрасли, существующих концепций и федеральных целевых программ, стратегий регионального развития промышленности предложен комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности функционирования предприятий химического производства.

Ключевые слова: концепция; химический комплекс; модернизация; промышленность.

CONCEPTUAL SUBSTANTIATION OF CHEMICAL ENTERPRISES DEVELOPMENT IN THE REGION

KUZ'MENKO V.V.,

Head of the Department «Taxes and taxation», doctor of sciences, professor,
North-Caucasian Federal University,
e-mail: nalogi@ncstu.ru;

TRYSYACHNY V.I.,

Professor of «Project Management and Innovation», doctor of Sciences,
North-Caucasian Federal University,
e-mail: kavkazvi@gmail.com

In article need of creation of the concept of development of the enterprises of a regional chemical complex is proved, the purposes, tasks and mechanisms of its stage-by-stage realization which consecutive implementation will allow to increase competitiveness of the industry of the territory are developed. Inevitable globalization of the markets, and also prospects of further liberalization of territorial seg-ments after the entry of the country into the WTO open to the manufacturing enter-prises of chemical production of possibility of a wide choice in acquisition of the modern

equipment for development and modernization of own production. In this regard the new policy on support of processing branches which will be is necessary is carried out in the conditions of rigid restrictions of financial opportunities. In of-fered «Concepts of development of the enterprises of a chemical complex of the Stavropol region for 2012-2020», developed with use of instruments of modeling of the economic relations in the sphere of managing subjects of the branch, existing concepts and federal target programs, strategy of regional development of the in-dustry the complex of the actions directed on increase of efficiency of functioning of the enterprises of chemical production is offered.

Keywords: concept; chemical complex; modernization; industry.

JEL classification: L65.

Актуальность разработки Концепции развития химического комплекса вызвана необходимостью разрешения совокупности выявленных проблем функционирования хозяйствующих субъектов химической промышленности региона, а именно:

- неблагоприятными изменениями внешнеэкономических факторов, воздействующих на эффективность функционирования предприятий;
- отраслевыми потребностями внедрения инновационных технологий;
- ужесточениями требований по снижению нагрузки на экологию региона;
- необходимостью обновления основных производственных фондов крупных химических предприятий;
- существующей возможностью сокращения рабочих мест в химической отрасли промышленности региона;
- недостаточной эффективностью проведения стимулирующих экономический рост мероприятий на территориальном уровне.

В качестве основной цели разрабатываемой Концепции выступает разработка комплекса мер, направленных на создание благоприятных рыночных условий и формирование механизмов, обеспечивающих:

- удовлетворение спроса на продукцию химической отрасли преимущественно за счет российского производителя с целью устойчивого развития соответствующего промышленного сектора;
- повышение уровня экологической безопасности территории;
- проведение технико-технологической модернизации химического производства;
- создание новых рабочих мест в химическом комплексе Ставропольского края.

Поставленная цель предопределяет необходимость решения следующих задач:

- совершенствование регулирующих инструментов на территориальном уровне, обеспечивающих защиту и государственную поддержку регионального производителя химической продукции;
- повышение уровня конкурентоспособности предприятий промышленности Ставропольского края в условиях либерализации рынка и вступления Российской Федерации в ВТО;
- стимулирование создания в стране новых типов оборудования и технологий, поддерживающих развитие современных высокотехнологичных производств (Ивантер, 2005);
- повышение инвестиционной привлекательности химической промышленности региона.

Основными направлениями должна стать разработка адекватных схем и источников финансирования инновационных технологий с возможностью последующего закрепления правообладания ими (Петров, 1999, Саркисов, 2011).

Разработанные мероприятия по поддержке регионального промышленного производства должны комплексно реализовываться, представляя собой целостную систему развития. Указанные действия позволят предприятиям достичь финансовой устойчивости и увеличить свою долю на внутреннем рынке (Кузьменко и др., 2011).

В основу решения некоторых задач развития предприятий химического комплекса региона может быть положена «Стратегия развития промышленного комплекса Ставропольского края на период до 2020 года».

Процесс реализации разработанной нами Концепции включает три этапа, характеризующихся определенными целями, задачами и технологиями повышения эффективности функционирования хозяйствующих субъектов химической промышленности и развития отрасли в целом.

Первый этап (2012-2014 гг.) предусматривает повышение уровня конкурентоспособности продукции предприятий химического производства региона, пользующейся стабильным спросом, а также расширение соответствующих сегментов рынка за счет активного продвижения новых технологий и товаров.

Решение большинства задач первого этапа должно осуществляться с наименьшими затратами, причем, прежде всего за счет:

- ✓ оптимизации производственных цепочек и модернизации отдельных технологий на предприятиях химической промышленности;
- ✓ увеличения загрузки оборудования при одновременном повышении его технологического уровня;
- ✓ сертификации продукции и новых производств;
- ✓ усиления контроля по обеспечению экологической безопасности функционирования;
- ✓ внедрения современных систем контроллинга.

Второй этап (2015-2017 гг.) предусматривает:

 рост экономического потенциала территориального химического комплекса, производящего конкурентоспособную продукцию;

Часть

- разработку и внедрение перспективных технологий в соответствии с результатами ФЦП «Национальная технологическая база» и укрепление конкурентных позиций среди ведущих предприятий отечественной химической промышленности;
- формирование новых сегментов на внутреннем рынке, с закреплением ведущей роли продукции предприятий региона;
- создание совместных предприятий с транснациональными корпорациями по производству новых видов химической продукции при расширении перспектив длительного сотрудничества в технологической сфере;
- завершение реструктуризации химического комплекса, отвечающей критериям функционирования и управления в условиях мирового разделения труда и вступления России в ВТО.

Третий этап (2018-2020 гг.) предполагает реализацию комплекса мер стабилизирующего характера:

- сохранение позиций на российском рынке крупными предприятиями промышленной отрасли региона;
- создание конкурентных преимуществ в производстве химической продукции по инновационным технологиям;
- формирование научно-производственных кластеров, отвечающих современным потребностям развития химической промышленности с учетом экономических, социальных, географических, климатических особенностей территории Ставропольского края;
- оптимизация товаропроводящей сети и увеличение экспорта продукции предприятиями химического комплекса региона в страны ближнего зарубежья;
- развитие совместных предприятий и организация полного производственного цикла в рамках территориальных кластеров.

Основными средствами реализации Концепции являются:

- стимулирование реструктуризации технологической и организационной основы промышленных производств;
- создание благоприятного инвестиционного климата для модернизации всех сфер территориальноотраслевого комплекса;
- активизация инвестиционной деятельности нерезидентов за счет создания в регионе совместных предприятий по ряду критически важных видов химической продукции;
- прямое участие государства в создании новых видов химических производств.

Для реализации данной Концепции необходимо обосновать ряд положений по нормативно-правовому сопровождению процессов инновационно ориентированного развития промышленных предприятий, которые должны инициировать экономический рост в структуре территориально-хозяйственного комплекса в целом. В частности, следует определить разработать и совершенствовать:

- основные принципы научно-технической политики в области химического производства;
- направления модернизации системы управления предприятиями отрасли на основе внедрения инструментов контроллинга;
- механизмы стандартизации и сертификации продукции.

Последовательная реализация предложенных концептуальных положений позволит сформировать устойчиво функционирующий сектор конкурентоспособных промышленных производства в регионе. Конечной целью государственной политики в сфере поддержки химической отрасли должно стать создание экономических условий, при которых производство высокотехнологичных видов продукции будет осуществляться преимущественно крупными предприятиями на территории Российской Федерации, а не импортироваться из-за рубежа.

ЛИТЕРАТУРА

Государственное регулирование экономики (1999). Под ред. проф. А.Н. Петрова. Ч. 1: Учебное пособие. СПб.: Знание, 115 с.

Инновационно-технологическое развитие экономики России (2005). Под. ред. В.В. Ивантера. М.: МАКС Пресс, 387 с. *Кузьменко И.П.* (2011). Адаптивное управление как инструмент повышения устойчивости хозяйствующих субъектов. И.П. Кузьменко, В.П. Кирпанев. *Вестник Адыгейского государственного университета*. Выпуск 1(73). Майкоп: АГУ, С. 258-263.

Саркисов В.Б. (2011). Обоснование селективной поддержки инновационных проектов. В.Б. Саркисов, И.П. Кузьменко. Вестник Адыгейского государственного университета. Выпуск 1(73). Майкоп: АГУ, С. 178-182.

REFERENCES

Government regulation of the economy (1999). Ed. prof. A.N. Petrov. Part 1: Manual. St. Petersburg.: Knowledge, 115. (In Russian).

Innovation and technological development of economy of Russia (2005). Ed. prof. V.V. Ivanter. Moscow: MAKS Press, 387 p. (In Russian).

Kuz'menko I.P. (2011). Adaptive management as a tool to improve the sustainability of businesses. I.P. Kuzmenko V.P. Kirpanev. Bulletin of Adygian State University. Issue 1 (73). Maikop: ASU, pp. 258-263. (In Russian).

Sarkisov V.B. (2011). Rationale for selective support of innovative projects. V.B. Sarkisov, I.P. Kuz'menko. Bulletin of Adygian State University. Issue 1 (73). Maikop: ASU, pp. 178-182. (In Russian).

СИСТЕМНАЯ ДИАГНОСТИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ МАКРОРЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГЕРАСИМОВ А.Н.,

доктор экономических наук, доцент кафедры статистики и эконометрики, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: Gerasimov_77_77@mail.ru;

громов Е.И.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики и эконометрики, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: qromei@mail.ru;

ШАТАЛОВА О.И.,

доктор экономических наук. зав. кафедрой экономики и управления, Южно-Российский гуманитарный институт, e-mail: Shatalova0lqa77@ya.ru

В статье авторами с использованием обоснованной системы индикаторов диагностировано положение макрорегионов Российской Федерации в разрезе основные направлений: экологического, экономического, социального, институционального и технологического. Установлены основные проблемы функционирования экономики макрорегионов и образующих их субъектов. Идентифицированы факторы регионального развития, дана количественная оценка уровня их воздействия, выявлены макрорегиональные тенденции.

Ключевые слова: системная диагностика; социально-экономическое положение; индикаторы; тенденции развития; макрорегион.

DIAGNOSTICS SYSTEM SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE RUSSIAN FEDERATION MACROREGIONS

GERASIMOV A.N.,

associate Professor, Department of Economics and Statistics, doctor of sciences, Stavropol State Agrarian University, e-mail: Gerasimov_77_77@mail.ru;

GROMOV E.I.,

associate Professor, Department of Economics and Statistics, Ph.D,
Stavropol State Agrarian University,
e-mail: gromei@mail.ru;

SHATALOVA O.I.,

Head. Of the Department of Economics and Management, doctor of Sciences,
South-Russian Institute for the Humanities,
e-mail: ShatalovaOlga77@ya.ru

In the article authors using sound system status indicators diagnosed macro-regions of the Russian Federation in the context of the major areas: environmental, economic, social, institutional and technological. Established the basic problems of the economy and macro-regions of the constituent entities. Identified factors of regional development, the quantitative assessment of their impact, identified macro-regional trends.

Keywords: system diagnostics; socio-economic status; indicators; trends; macro-region.

JEL classification: 018, R11.

На сегодняшний день проблемы регионального развития занимают одно из ведущих направлений, так как формирование региональной политики во многом определяет и курс развития всей страны в целом. Ввиду многообразности и дифференциации регионов по уровню развития (с любых уровневых позиций), их функционирование требует и различных подходов по управлению. Россия имеет сравнительно небольшой опыт по градации регионального развития отдельных территорий (*Герасимов, 2012b. С. 183*), так как на протяжении 70 лет навязывание плановой экономики влекло за собой подавление региональной самостоятельности, стремление к социально-экономическому уравниванию территорий, деградацию инновационности и новаторства, так как само существование плановой экономики отрицало полностью необходимость развиваться и совершенствоваться.

Рассматривая проблемы устойчивого регионального развития можно проследить их взаимообусловленность и взаимосвязанность. Так, решение экономических проблем, связанных с повышением макроэкономических показателей, неизбежно влечет за собой усугубление экологических проблем, хотя и, одновременно, направлено на решение социального блока проблем. К примеру, увеличение объемов валового регионального продукта возможно за счет расширения производства, которое при любом сочетании факторов производства наносит вред окружающей среде.

Основную роль при определении устойчивости регионального развития играют внешние факторы и условия, к которым можно отнести: институциональную среду, ресурсообеспеченность, развитие конкуренции, уровень государственной поддержки, развитость сбыта, инвестиционный климат, ценовая политика, состояние окружающей среды и т.д. Влияние обозначенных факторов во многом формирует уровень регионального развития, так как в большей степени именно внешние факторы воздействуют на две основные сферы — экономическую и социальную. К примеру, мировой финансовый кризис привел к дестабилизации российской экономики, результате чего произошел существенный упадок объемов ВРП, а значит и ухудшение условий социального развития территорий. По своей природе, внешние факторы могут выступать как стимулами регионального развития, так и его основными сдерживающими факторами. Стимулирующие функции проявляются в принятии адекватного современным реалиям законодательства, в наличии необходимой поддержки со стороны государства и хозяйствующих субъектов, в обеспечении надлежащего уровня ценообразования и т.д.

В условиях посткризисного развития экономики и дальнейшей интеграции с ВТО, основной целью регионального развития является повышение благосостояния населения региона и адаптация данного развития к стандартам высокоразвитых стран (Григорьева, 2013. С. 30). Определение данного целеполагания ставит перед собой приоритетные задачи, выполнение которых возможно только при условии устойчивого развития регионов. Современная наука позволяет оценить степень устойчивость регионального развития на основе методологического инструментария, включающего методы и индикаторы устойчивого развития территорий.

Российская Федерация является одним из самых больших территориальных образований, занимая самую большую площадь на евразийском материке. Ввиду такого огромного пространства, структурные элементы Федерации (федеральные округа) характеризуются огромной дифференциацией как по геополитическому развитию, так и по социально-экономическому.

Наличие огромных территориальных площадей во многом обусловило и различие в условиях хозяйствования субъектов федерации, так как в России представлено 7 климатических поясов – от самого суровых (арктического) до самого теплого (субтропического). Эволюционно, под воздействием природно-климатических условий сформировалось и региональная экономика, характеризующаяся от аграрной до индустриальной. Россия на сегодняшний момент является практически единственной страной в мире способной за счет собственных ресурсов полностью обеспечить себя стратегическими продуктами жизнедеятельности. Однако недостаточное развитие уровня технического и модернизированного развития привело к тому, что в мировом пространстве Россию рассматривают как дешевый сырьевой придаток к мировой экономике, за счет которого высокоразвитые страны могут обеспечить себе дальнейшее высокотехнологичное развитие. Несмотря на глобальные запасы природных ресурсов, Россия не смогла обеспечить себе достойное место на мировом рынке, а восприятие к ней формируется только под условиями поставок стратегических продуктов нефтяной и газовой промышленности. До сих пор Россия не может обеспечить конкурентоспособность своих аграрных рынков, несмотря на их высокие экологические характеристики, развитие технического производства отстает от западных технологий на несколько десятилетий. Поэтому на протяжении последних десятилетий (начиная с XIX в.) основным преимуществом России является только наличие богатых полезных ископаемых и природных ресурсов (лес, вода, газ, нефть, минералы и т.д.). Техническое отставание от мировых держав привело к тому, что современные модернизированные предприятия, имеющиеся в России (пусть и немногочисленны) полностью или частично находятся под контролем иностранных государств, в то время как отечественные промышленные гиганты морально и физически устарели еще 30-50 лет назад., в ввиду чего и выпускаемая ими продукция также не может являться конкурентоспособной.

Диагностику условий функционирования и развития макротерриторий необходимо проводить начиная с экологического направления, и анализа таких экологических индикаторов, как затраты на охрану окружающей среды, инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование, удельный вес организаций, осуществлявших инновации, обеспечивающие повышение экологической безопасности, ввод в действие мощностей по охране от загрязнения водных ресурсов и атмосферного воздуха, выбросов загрязняющих веществ. В настоящее время все мировое сообщество поглощено проблемами сохранения экологии на планете ввиду высокотехногенного развития стран и наращивания урбанизированного склада народного хозяйства. Экология в наибольшей степени подвержена негативному влиянию со стороны регионального развития, так как любое экономическое или техногенное развитие предполагает увеличение потребления тех или иных ресурсов. Поэтому в региональных стратегиях развития и национальных программах все большее внимание уделяется вопросам модернизации экологического оборудования,

установке современных систем очистки и улавливания вредных веществ, что в свою очередь требует больших инвестиционных вложений (*Тельнова*, 2013. С. 226).

По состоянию на конец 2011 г. в РФ объем инвестиционных ресурсов, направленных на охрану окружающей среды и рациональное природопользование увеличился в 3,8 раза по сравнению с 2002 г. и составил на конец 2011 г. 95662 млн руб. Максимальное увеличение привлеченных инвестиций в экологическую сферу по сравнению с 2002 г. формировалось в Дальневосточном федеральном округе (в 13,7 раз) и в Южном федеральном округе (в 9,3 раза). Касаемо ДФО, такой рост объема инвестиционных ресурсов в сферу экологии связан с развитием геологического изучения, разведки и добычи углеводородного сырья, в связи с увеличением уровня добычи углеводородов, воспроизводства минерально-сырьевой базы, а также разведки, добычи и переработки углеводородов. Привлечение инвестиционных ресурсов в экологические проекты Южного федерального округа обусловлено стратегическим расположением округа (границы в государствами), а также особым статусом курортных регионов ЮФО в части Черноморского побережья. Наименьший прирост инвестиционных ресурсов в сферу экологии наблюдался в Северо-Западном федеральном округе (2,3 раза по сравнению с 2002 г.). Однако, рассматривая абсолютные значения объемов инвестиционных ресурсов, следует отметить, что Северо-Западный район находится на четвертом месте среди федеральных округов, в то время как ЮФО по абсолютным показателям привлечения экологических инвестиций опережает только Северо-Кавказский федеральный округ (4251 и 1814 млн руб. соответственно).

Одним из показателей экологического развития территорий является доля организаций, осуществляющих инновации, обеспечивающие повышение экологической безопасности региона. Еще в 2002 г. в целом по стране уровне данного показателя составлял менее 1% от общей численности предприятий, в то время как в 2011 г. данный показатель был равен уде 5,7%. Наиболее высокий процент инновационно-экологических предприятий зафиксирован в Приволжском и Уральском федеральных округах (7,5 и 6,5% соответственно), в которых сосредоточено большое количество добывающих предприятий, инвестиционная привлекательность которых со стороны инвесторов позволяет применять самые современные технологии, в том числе и экологосберегающие. Наименьшее количество инновационных предприятий, использующих экологические технологии расположено в СКФО и ЮФО (3,1 и 3,6% соответственно) (Герасимов, 2012. С. 65-66).

Структура затрат инвестиционных ресурсов, направленных на повышение экологической безопасности регионов является довольно разноплановой, но наибольший удельный вес в ней приходится на приобретение мощностей по охране от загрязнения водных ресурсов и атмосферного воздуха. За период с 2002 по 2011 гг. количество мощностей в целом по РФ увеличилось в 2 раза по сравнению с 2002 г. (*Григорьева, 2012. С. 58*).

Однако, следует отметить, что динамика ввода мощностей в разрезе федеральных округов довольно различна: по Приволжскому, Уральскому, Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам наблюдается рост мощностей, в то время как по остальным округам — снижение. Так наибольшее снижение ввода в действие новых мощностей наблюдалось в Центральном ФО (4,2% от уровня 2002 г.).

Основным индикатором экономического развития территории является валовой региональный продукт. Формирование ВРП настолько многогранно, что он по праву является ориентиром эффективности регионального управления и действенности региональных властей в области не только экономической политики, но и социальной, институциональной, производственно и т.д. Учитывая развитие приоритетных национальных проектов, направленных не только на развитие экономического сектора России, но и на повышение ее демографического уровня, в большей степени репрезентативным будет производны показатель регионального производства – ВРП на душу населения. За анализируемый период уровень данного показателя увеличился в среднем по стране в 4,5 раза и составил по итогам 2011 г. 273061 руб. на душу населения. Наибольший рост данного показателя по сравнению с базовым периодом был зафиксирован в ДФО (4,96 раза), и наименьший – в УФО (4,07 раза).

Еще одним индикатором экономического направления является стоимость основных производственных фондов, который в целях нивелирования, мы также рассчитаем как взвешенный показатель, т. е. в расчете на одного занятого в экономике.

За исследуемый период стоимость основных фондов в среднем по РФ увеличилась в 3,4 раза, однако если учесть процент инфляции (официальный) за этот же период, по оценкам экспертов, реальное увеличение составило не более 1,7 – 1,9 раза. Наибольший прирост основных фондов наблюдался в Центральном ФО (4,35 раза), а наименьший – в СКФО (2,77 раза) (Громов, 2012. С. 372).

Прибыль экономики в расчете на одного занятого выбрана в качестве индикатора экономического направления ввиду того, что является конечным финансовым результатом, характеризующим финансовую стабильность регионального развития. Все показатели, выраженные в стоимостных единицах при динамическом исследовании довольно сложно подвергаются реальному анализу, так как подвержены влиянию внешних факторов, ив первую очередь – инфляционных процессов, поэтому говоря о том, что в среднем по стране за период с 2002 по 2011 гг. прибыль экономики на одного занятого выросла в 6,7 раза, необходимо делать поправочный коэффициент на уровень инфляции. Максимальный рост данного показателя в течение анализируемого периода наблюдался в Северо-Западном ФО и Южном ФО (8,9 и 8,0 раз соответственно). Минимальный рост данного показателя приходится на Уральский ФО (4,5 раз), однако в абсолютном выражении показатель по данному региону является самым большим – 214 тыс. руб. В абсолютном выражении в среднем по стране уровень данного индикатора составил в 2011 г. 130 тыс. руб.

Согласно долгосрочным прогнозам развития Российской Федерации к 2025 г. Россия должна стать страной с возобновляющимся уровнем населения, для чего созданы и реализовываются национальные проекты, направленные на поднятие демографических показателей. К сожалению, по итогам 2011 г. Россия, по прежнему относится к группе выми-

곢

Часть

рающих стран, так как коэффициент естественной убыли составил 0,9 промилле. Единственным регионом с постоянной положительным динамикой коэффициента естественного прироста в РФ является Северо-Кавказский ФО, где уровень данного индикатора составил 9 промилле. Следует также отметить, что на протяжении исследуемого периода в Сибирском и Уральском федеральных округах естественная убыль сменилась на прирост, а по остальным регионам наблюдается положительная динамика сокращения естественной убыли.

Среднегодовая численность занятых в экономике является одним из основных макроэкономических показателей, характеризующим человеческие ресурсы экономики и позволяющий определить потенциал страны в ключе рабочей силы. За анализируемый период количество занятых человек в отраслях экономики в среднем по РФ увеличилось на 3,3%, причем максимальные значения данного индикатора зафиксировано в СКФО (124%), а Приволжский ФО является единственным регионом, в котором произошло снижение данного показателя (на 0,5%). Наряду с положительной динамикой численности занятых в экономике необходимо отметить снижение уровня безработицы во всех регионах России (в среднем на 16,5% по сравнению с базисным периодом) (*Тельнова, 2012. С. 108*).

Наибольшее снижение безработицы наблюдалось по ЮФО (17,1%), а минимальное – в СКФО (13,8%). Кроме того, уровень безработицы в регионах СКФО по-прежнему остается самым высоки в стране и превышает среднероссийские показатели в 2,5 раза.

На протяжении всего XX в. Россия позиционировала себя в мировом пространстве как страна с отстающим техническим уровнем (за исключением оборонных отраслей). Начало XXI в. ознаменовалось для нашей страны мощным техническим подъемом, обусловленным развитием национальных программ модернизации экономики, а также улучшением внешней инфраструктуры в целях привлечения иностранных инвестиционных ресурсов.

Стратегической целью модернизации российской экономики стала интеграция мировых научно-технических достижений и национальной конкретно-исторической спецификой страны, обусловленной ее экономическими особенностями и проблемами. Проблема отставания российской модернизации от мирового пространства усугубляется наличием бюрократических факторов, выражающихся в высокой политизированности российской экономики и ее привязанности к стратегическим сырьевым ресурсам (Скрипниченко, 2012. С. 94).

В современных условиях для сокращения разрыва меду российской экономикой и мировыми державами необходимо преодоление следующих ключевых проблем: низкая правовая культура российских хозяйствующих субъектов, низкая мотивация производительности труда, повышение экономической эффективности, снижение энергоресурсности производства, развитие интеллектуального потенциала российского общества, использование инновационных механизмов. При этом инновационному развитию и модернизации экономики на основе инноваций должно быть определено решающее значение (Шаталова, 2011а. С. 37).

Особенностями модернизации российской экономики являются их глобальность и всеохватность, так как модернизация, в целях обеспечения должной результативности, в своем понимании должна охватывать все без исключения сферы: социальную, экономическую, экологическую, производственную и т.д. Только при наличии такой «всеохватности» можно будет говорить об инновационном варианте развития российской экономики. Однако, основополагающим направлением модернизации в современных условиях хозяйствования в РФ, должно стать именно производственное, как априори формирующее валовой региональный продукт.

В среднем по РФ затраты на технологические инновации за период с 2002 по 2011 гг. увеличились в 7,8 раза, однако среди федеральных округов по динамике данного индикатора наблюдается дольно большая дифференциация. Так, наибольший рост объема инновационных затрат приходится на Центральный ФО (в 12,2 раза), Сибирский (в 12,5 раза) и Северо-Западный (в 11,4 раза). Соответствие произведенной продукции инновационного характера и затрат на технологические инновации в Центральном ФО и Северо-Западном полностью коррелирует, а в Сибирском округе затраты на инновации не приносят соответствующих результатов. В остальных федеральных округах рост затрат на инновации составляет 400-500% по сравнению с уровнем 2002 г. (Шаталова, 20116. С. 122).

Негативные тенденции по динамике индексов промышленного производства во многом взаимосвязаны со снижением уровня использования среднегодовой производственной мощности организаций. Так в 2011 г. в среднем по стране уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций составлял всего 59%, что на 4,8% меньше по сравнению с 2002 г. Наименьшее использование производственных мощностей наблюдается в Сибирском ФО и Уральском, что обусловлено моральным и физическим устареванием промышленного оборудования российских предприятий-гигантов. В наибольшей степени производственные мощности используются в Центральном и Северо-Западном федеральных округах (86,1 и 80,2% соответственно). Снижение использования среднегодовой производственной мощности организаций обусловлено, прежде всего, высокой степенью износа оборудования.

Проведенная оценки развития макротерриторий дает возможность увидеть уровень регионального развития по основным обозначенным направлениям (экологическое, экономическое, социальное, институциональное и технологическое). Однако каждый отдельный макрорегион обладает своими специфическими особенностями по каждому из указанных направлений, поэтому в целях более детальной оценки необходимо провести исследование на более низком уровне – например, на отдельном федеральном округе. Основной целью такой детализированной диагностики будет являться выявление системообразующих факторов, формирующих общие показатели регионального развития.

ЛИТЕРАТУРА

Герасимов А.Н., Громов Е.И., Пшеничный П.П. (2012). Совершенствование системы управления экономикой макрорегиона, Ставрополь: АРГУС, 116 с.

Герасимов А.Н., Левченко С.А. (2012). Эконометрический подход к исследованию результатов функционирования региональных социально-экономических систем. Экономика и предпринимательство, № 4, с. 183-188.

Григорьева О.П. (2012). Экономико-статистическая оценка уровня жизни населения макрорегионов Российской Федерации. *Экономика и предпринимательство*, № 4, с. 57-60.

Григорьева О.П., Томилина Е.П. (2013). Адаптация региональной экономической политики к нормам и правилам ВТО. Экономика и предпринимательство, Т. 7, № 1, с. 30-34.

Громов Е.И., Герасимов А.Н. (2012). Статистическая оценка экономических, демографических и социальных процессов в регионах Северо-Кавказского федерального округа. *Экономика и предпринимательство*, № 5, с. 372-378.

Скрипниченко Ю.С., Еременко Н.В. (2012). Кластерные формирования как перспективные формы взаимодействия субъектов региональной системы аграрной экономики. Экономика и предпринимательство, № 4, с. 93-97.

Тельнова Н.Н. (2012). Совершенствование инструментов активизации инновационно-инвестиционной деятельности в аграрной сфере экономики. *Экономика и предпринимательство*, № 3, с. 106-111.

Тельнова Н.Н., Григорьева О.П. (2013). Организация земельных территорий в аграрном секторе экономики. Экономика и предпринимательство, № 6, с. 225-231.

Шаталова О.И. (2011). Методология исследования закономерностей и тенденций развития локальных продуктовых рынков Северо-Кавказского региона. *Экономика и предпринимательство*, № 6, с. 36-42.

Шаталова О.И. (2011). Методология применения системно-деривативного анализа при изучении развития рыночных структур. *Вестник университета (ГУУ)*, № 12, с. 122-126.

REFERENCES

Gerasimov A., Gromov E., Pshenichniy P. (2012). Improvement of macro-economic management, Stavropol: ARGUS, 116 p. (In Russian).

Gerasimov A., Levchenko S. (2012). The econometric approach to the study of the results of operation of the regional socioeconomic systems. *Economics and Business*, № 4, p. 183-188. (In Russian).

Grigorieva O. (2012). Economic-statistical evaluation of the standard of living macro-regions of the Russian Federation. Economics and Business, № 4, p. 57-60. (In Russian).

Grigorieva O., Tomilina E. (2013). Adaptation of regional economic policies to WTO rules and disciplines. *Economics and Business*, Vol 7, № 1, p. 30-34. (In Russian).

Gromov E., Gerasimov A. (2012). Statistical evaluation of the economic, demographic and social processes in the regions of the North Caucasus Federal District. *Economics and Business*, № 5, p. 372-378. (In Russian).

Skripnichenko Y., Eremenko N. (2012). Cluster formation as a promising form of interaction among the regional system of the agrarian economy. Economics and Business, N^0 4, p. 93-97. (In Russian).

Telnova N. (2012). Improved tools enhance innovation and investment in the agricultural sector of the economy. *Economics and Business*, № 3, p. 106-111. (In Russian).

Telnova N., Grigorieva 0. (2013). The organization of land areas in the agricultural sector. *Economics and Business*, № 6, p. 225-231. (In Russian).

Shatalova 0. (2011). The methodology of the study of patterns and trends in the development of local food markets in the North Caucasus region. Economics and Business, № 6, p. 36-42. (In Russian).

МОНИТОРИНГ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО МАКРОРЕГИОНА

КЛИШИНА Ю.Е.,

старший преподаватель кафедры финансов, кредита и страхового дела, кандидат экономических наук, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: yu_klishina@list.ru;

ОБОТУРОВА Н.П.,

доцент кафедры технологии мяса и консервирования, кандидат технических наук, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: doroqusha007@yandex.ru;

УГЛИЦКИХ О.Н.,

доцент кафедры «Финансы, кредит и страховое дело», кандидат экономических наук, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: ug_on@rambler.ru

В статье посредством проведенного ретроспективного анализа основных показателей инновационного развития макротерритории, рассмотренного на примере Северо-Кавказского федерального округа, обозначены основные тенденции и проблемы внедрения и развития инноваций на исследуемой территории; определены отличительные особенности экономического развития федерального округа; проанализированы основные индикаторы инновационного регионального развития в сравнении со среднероссийскими показателями.

Ключевые слова: развитие; макрорегион; инновации; инвестиции; факторы; индикаторы; показатели; сравнительный анализ.

MONITORING OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE NORTH-CAUCASIAN MACRO REGION

KLISHINA YU.E.,

lecturer at the department of Finance, credit and insurance, Ph.D,
Stavropol State Agrarian University,
e-mail: yu_klishina@list.ru;

OBOTUROVA N.P.,

assistant professor at the department of Technology and preservation of meat
Ph.D. of Technical Sciences,
Stavropol State Agrarian University,
e-mail: dorogusha007@yandex.ru;

UGLITSKIKH O.N.,

associate Professor at the department of «Finance, Credit and Insurance», PhD,
Stavropol State Agrarian University,
e-mail: ug_on@rambler.ru

In the article by conducted a retrospective analysis of the main indicators of innovation development maxpomeppumopuu considered on the example of the North-Caucasian Federal district, the main trends and problems of implementation and development of innovations in the study area; the distinctive features of eco-

nomic development of the Federal district; analysis of the basic indicators of inno-vation regional development in comparison with the average indicators.

Keywords: development of the macroregion; innovations; investments; factors; indicators; comparative analysis.

JEL classification: 018.

Северо-Кавказский округ обладает рядом уникальных условий благоприятных для развития таких сфер как сельское хозяйство, туризм, санаторно-курортная деятельность, добывающая и обрабатывающая промышленность. Однако при столь значительных природных ресурсах, социально-экономическое развитие округа является самым отстающим в стране. Причиной тому является социальная и политическая нестабильность в регионе, вызванная институциональными трансформациями, происходящими в республиках СКФО.

Большинство субъектов макрорегиона по итогам 2011 г. характеризуются как экономически слаборазвитые не только среди субъектов округа, но и в целом по РФ. Основные причины такого положения — крайне низкий уровень развития экономики и социальной сферы, высокая степень безработицы, сложная политическая обстановка и напряженная этнополитическая ситуация. Регионы СКФО традиционно считаются основными реципиентами в РФ, так как доля федерального бюджета в инвестирование социально-экономического развития отдельных территорий достигает 80-90%. Практически все субъекты Российской Федерации, входящие в состав Северо-Кавказского федерального округа, в конце 1990-х гг. и в период с 2008 по 2009 гг. в силу ряда причин объективного характера, оказались в числе наиболее подверженных кризису. В связи с этим по основным макроэкономическим показателям СКФО существенно отстает от других макрорегионов России (Гладилин, 2010. С. 315).

Проведенный ретроспективный сравнительный анализ РФ и СКФО свидетельствует, что темпы роста валового регионального продукта существенно отличаются. Так, за период с 2002 по 2011 год рост ВВП в Российской Федерации составил 6,28 раза, в то время как в СКФО за этот же период всего 6,19. Особенностью формирования валового регионального продукта в СКФО является то, что округ по своей направленности является индустриально-аграрным. Располагая многоотраслевым промышленным и аграрным потенциалом, тем не менее, сырьевые отрасли занимают ведущее место в объеме ВРП округа.

Большая энергоемкость валового регионального продукта в СКФО обусловлена природно-географическими условиями хозяйствования, размером территорий, а также наличием большей доли энергоемких отраслей. По состоянию на конец 2011 г. реальный сектор экономики Северо-Кавказского федерального округа по-прежнему характеризуется как низкоразвитый. Доля аграрного производства в ВРП составляет 19-22%, что в 4 раза больше по сравнению с РФ. Доля продукции обрабатывающих производств составляет 15-17% (по Российской Федерации - 19%). Основной вклад в ВРП округа, по-прежнему, вносит сектор государственного управления и сфера ЖКХ, доля которых составляет до 50-53% (по Российской Федерации – 15-17%) (Герасимов, 20136. С. 464).

Субъекты СКФО являются самыми низкими по уровню инвестиционной привлекательности. Основными причинами этого являются высокие политические и экономические риски, недостаточная развитость инфраструктуры, недостаточность финансовых средств у российских предпринимателей, несовершенство законодательной базы, регламентирующей инвестирование, а также высокий уровень бюрократизации российской экономики.

Принятие и реализация стратегической программы развития СКФО до 2025 г., а также ряд превентивных мер по улучшению политики привлечения иностранных инвестиций привело к тому, что за период с 2002 по 2011 гг. темпы роста иностранных инвестиций увеличились более чем в 20 раз, в то время как в целом по России за этот же период – немногим более 7 раз. В стоимостном выражении объем иностранных инвестиций, приходящихся на долю СКФО, составил в 2011 г. примерно 5,1%, однако до 2010 г. данный показатель по округу был меньше в 8,5 раз.

Рассматривая структуру вложения инвестиционных ресурсов можно говорить о том, что интересы иностранных инвесторов сосредоточены в сырьевых отраслях.

Улучшение инвестиционного климата в СКФО представляется возможным посредством расширения финансовых стимулов (налоговые и таможенные льготы, доступ к льготному финансированию, льготы по аренде земли, гарантии и т.п.), развития необходимой базовой инфраструктуры и создания эффективных процессов привлечения и взаимодействия с потенциальными инвесторами.

От состояния экономической сферы развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа во многом зависит и социальная региональная политика. Одним из основных индикаторов инновационно-производственного потенциала макрорегиона является стоимость основных фондов на душу населения (Григорьева, 2012. С. 58).

Стоимость основных фондов на душу населения в 2011 г. по Российской федерации составила 754,9 тыс. руб., что в 4,2 раза больше по сравнению с 2002 г. Следует отметить, что данный показатель по регионам СКФО ниже примерно в три раза – 277,9 тыс. руб., а также значительно ниже и темпы роста данного показателя за анализируемый период – в 2,8 раза. Усугубляет данное положение еще и тот факт, что по степени износа основных фондов в регионах СКФО характеризуются весьма высокими показателями – 46%, однако данный показатель является средним по округу, в то время как в отдельных субъектах он достигает 65% (Герасимов, 2013. С. 480).

Одной из важнейших характеристик регионального развития территорий является индекс промышленного производства. Кризис 2008-2009 гг. отразился, прежде всего, на реальном секторе экономики, в результате чего производственная сфера оказалась наиболее уязвимой и подверженной негативному воздействию.

Однако взаимодействие федеральных и региональных институциональных структур по преодолению последствий глобального кризиса привело к тому, что индексы промышленного производства демонстрируют в 2010-2011 гг. устойчивые тенденции роста (Скрипниченко, 2012. С. 96). Так в 2011 г. данный индикатор в целом по России составил 104,7%, а в регионах СКФО — 105,1%. Еще более интенсивный рост наблюдается в сельскохозяйственном производстве — 123% в 2011 г. по России, и 111% по СКФО (Герасимов, 2013а. С. 116). Проведенный ретроспективный анализ индексов промышленного и сельскохозяйственного производства позволил установить положительные тенденции, однако темпы роста несколько различны. Так, в СКФО рост индекса промышленного производства за период с 2002 по 2011 г. составил 105,7 %, а по РФ — 101,6%. Опережение промышленного развития в субъектах Северо-Кавказского федерального округа вполне объяснимо восстановлением и модернизацией промышленных производств отдельных республик округа, в результате чего по некоторым муниципальным районам степень обновления производственных предприятий (или точнее восстановления) достигает 90%.

В аграрном секторе наблюдается несколько иная тенденция. Темп роста индекса производства продукции по РФ за анализируемый период составил 119,9%, в то время как по регионам СКФО – только 105,8%. Учитывая аграрноориентированную специализацию округа, можно говорить о недостаточной результативности региональных программ по развитию сельского хозяйства (*Герасимов, 2012. С. 187*).

На фоне развития и модернизации промышленных предприятий СКФО можно проанализировать тенденцию инновационной активности предприятий. Несмотря на наращивание темпов роста промышленного производства, инновационная активность предприятий округа за исследуемый период сократилась практически вдвое, в то время как российские показатели, напротив, характеризуются устойчивым ростом – 262,5%. Данная статистика говорит о том, что, несмотря на существенную федеральную поддержку, предприятия Северо-Кавказского федерального округа не стремятся использовать в своем производстве передовые технологии.

За период с 2002 по 2011 годы удельный вес инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров увеличился с 2,8% до 9,1%. За аналогичный период увеличение данного индикатора в целом по России составило с 2,4% до 6,3%, то есть на 30,8% меньше. Таким образом, можно говорить о том, что в регионах СКФО количество предприятий использующих передовые технологии сократилось, а объем производства на инновационных предприятиях вырос (*Герасимов, 2012 С. 209*).

Необходимость разработки стратегий регионального развития продиктованы различными причинами социальноэкономического характера, однако долгосрочный характер этих программ является «вынужденной» мерой. В настоящий момент для исследования макрорегиона действующими являются две базовые программы: «Стратегия социальноэкономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года», принятая в 2010 г. и «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденная в 2008 г.

Сравнение фактически достигнутых показателей в среднем по России с прогнозными значениями индикаторов социально-экономических развития СКФО в 2025 г. показало, что даже по оптимальному сценарию Стратегии к окончанию срока ее реализации регионы Северного Кавказа лишь по показателям качества жизни выйдут на уровень РФ 2011 г. (Герасимов, 2012 С. 189). Сопоставление прогнозных значений индикаторов 2020 г. инновационного сценария Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации со значениями показателей 2025 г. оптимального сценария Стратегии социально-экономического развития СКФО показало, что существующее 1,5-2 кратное отставание в уровне развития пространственных социально-экономических систем Северного Кавказа и России сохранится.

Вместе с тем, согласно Концепции предусматривается, что к 2020 г. уровень дохода и качество жизни россиян достигнет среднеевропейских показателей (*Герасимов, 20126. С. 28*).

По нашему мнению, необходимость сокращения сложившегося отставания в развитии пространственных социально-экономических систем Северо-Кавказского региона от среднероссийского уровня, требует принятия оперативных управленческих решений, отсутствие эффективного инструментарно-методического аппарата последних, доказывает актуальность его разработки.

В современной научной литературе макрорегиональное развитие все чаще рассматривается во взаимоувязке с инновационными факторами, как основополагающими и базисо-формирующими, что обусловливает необходимость проведения аналитических исследований основных показателей инновационной компоненты развития макрорегина.

Основой инновационной сферы региона являются хозяйствующие субъекты, динамика которых характеризует результативность управления РФ в целом как действенную, а управление в СКФО – как неэффективную. За исследуемый период количество предприятий и организаций в регионах СКФО сократилось на 14,7%, в то время как в целом по России наблюдается рост данного показателя на 1,4% (Герасимов, 2013г. С. 210). Индикатором инновационного развития является рост малого бизнеса в регионе. Рассматривая динамику малых предприятий по исследуемым территориям, следует отметить, что за последние 10 лет наблюдается устойчивая тенденция их роста и в РФ и в СКФО, частности (на 94% и 53% соответственно). Доля малых и средних предприятий в регионах СКФО стабильно растет, увеличивается количество занятых в секторе малого и среднего предпринимательства. Малый бизнес является одним из важных направлений экономического развития СКФО, где задача повышения занятости населения является наиболее актуальной. Вместе с тем, существует целый ряд особенностей и проблем развития малого бизнеса, которые являются типичными для регионов СКФО и которые необходимо оперативно решить: совершенствование инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства на Северном Кавказе и системы инфраструктуры с привлечением представителей бизнес-сообщества; возможность предоставления малым предприятиям муниципальной собственности в аренду для производственных нужд; поддержка инновационного предпринимательства в СКФО; улучшение общественно-политической ситуации на Северном Кавказе, расширение экономических связей между предпринимателями регионов СКФО, расширение экономического сотрудничества; применение системного подхода и ориентирования на комплексное развитие; расширение взаимодействия между органами государственной власти и международными организациями для объединения усилий и достижения синергетического эффекта.

Несмотря на устойчивый рост малого бизнеса в стране и регионах, по-прежнему именно крупные предприятия являются основными производителями ВРП. На конец 2011 г. в целом по РФ, отношение объема производства крупных организаций к сумме объемов продаж крупных и мелких организаций составляло 77,3%, в то время как в регионах СКФО доля малого бизнеса более существенна – 38%. Однако динамика данного показателя в макрорегионе свидетельствует о том, что доля малого бизнеса в общей структуре ВРП неуклонно снижается с 2005 по 2011 год это сокращение составило 9,3%.

Количество инновационной продукции во многом определяется общей инновационной активностью регионального развития, однако рассматривая взаимоувязку этих двух показателей, следует отметь, что в рассматриваемых макротерриториях существует некоторое несоответствие. Так, рост объема производства инновационных товаров в СКФО характеризуется более высокими темпами по сравнению со средними по России, в то время как уровень инновационной активности предприятии округа в два раза ниже, чем в Росси в целом. Это разногласие можно объяснить только тем фактом, что концентрация производства инновационных продуктов в регионах СКФО более высокая нежели в РФ.

По числу технологических инноваций, регионы СКФО также характеризуются некоторой отсталостью по сравнению с другими федеральными округами, что определяется в большей степенью аграрной направленностью экономики регионов СКФО, нежели индустриальной. Так, по состоянию на конец 2011 г., удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций в целом по России составлял 8,9%, а в СКФО – 4,2%.

Показателем уровня инновационного развития является валовое накопление основного капитала, представляющее собой вложение средств в основной капитал (основные фонды) для создания нового дохода в будущем. Для регионов СКФО этот показатель инновационного развития выступает как стимулирующий фактор.

За исследуемый период его рост составил более 390%. В сравнении с регионами РФ этот рост является одним из самых высоких, так как в среднем по России рост валового накопление основного капитала за период с 2005 по 2011 год составил 310%. В условиях глобализации и нарастающей международной интеграции, инновационность регионального развития становится неотъемлемой частью всех стратегических программ, а также основным индикаторов уровня территориального развития.

В настоящее время существует целая система индикаторов инновационного развития регионов, которые включают показатели, характеризующие уровень развития технологических и нетехнологических инноваций, экологических, социальных и экономических инноваций. Немаловажное значение инновационность имеет и при определении результативность управления региональным развитием.

Вместе с тем в практике управления не выработаны подходы к оценке инновационного уровня развития регионов, что препятствует адекватной оценке результативности государственной инновационной политики на федеральном и региональном уровне, эффективности расходования бюджетных средств. В последнее время одним из эффективных инструментов решения задач подобного рода становятся рейтинги.

В условия пострикизсного развития российской экономики, оценить результативность регионального управления, по мнению автора, можно путем исследования показателей интенсивности валовое накопление основного капитала.

За исследуемый период, валовое накопление основного капитала в расчете на одного занятого в экономике СКФО увеличилось в 2,6 раза. Абсолютное увеличение валового накопления составляет в реальности еще большее значение, так как представленный показатель является расчетным, где в качестве соизмерителя задействована численность занятых в экономике, которая, в свою очередь по СКФО увеличилась на 27,3%.

Необходимо отметить, что ввиду развития национальных проектов и программ развития, СКФО в 2011 г. смог увеличить объем накопления основного капитала на 1,5 % по сравнению с 2010 г., в то время как некоторые регионы имеют менее динамичную тенденцию данного показателя (Герасимов, 2012в. С. 29).

Если рассматривать объем валового накопления основного капитала в расчете на одно предприятие, то здесь динамика имеет еще большие темпы – 6 раз за период с 2005 по 2011 гг. Во многом это объясняется тем фактом, что в 2011 г. по сравнению с 2005 г., количество предприятий в регионах СКФО уменьшилось на 15,2%. Сокращение количества предприятий еще раз подтверждает низкую эффективность регионального управления, так как в основном сократилась численность малых предприятий, которые в условиях глобального финансового кризиса просто не смогли выжить. Еще одной характерной тенденцией современного этапа регионального развития является промышленная интеграция, в результате которой количество мелких предприятий сократилось ввиду их кооперации в рамках единого юридического лица (например, коалиции фермерских хозяйств, перерабатывающих предприятий и производственных хозяйств и т.д.).

К показателям инновационной компоненты управления региональным развитием можно также отнести объем затрат на инновации. Ввиду нивелирования инфляционного фактора, автором предлагается использовать аппроксимирующий показатель — объем затрат на инновации в расчете на одного занятого в экономике, с целью определить уровень отдачи от инновационных вливаний в экономику. За период с 2005 по 2011 гг., значение данного показателя увеличилось в 2,7 раза. Кроме того, в 2,6 раза увеличился и объем затрат на инновации в расчете на каждое предприятие, которое осуществляет технологические инновации. Следует отметить, что к концу 2011 г. количество указанных предприятий меньше по сравнению с уровнем 1995 г. То есть наблюдается тенденции регресса наращивания инноваций хозяйствующими субъектами, хотя последние 2 года тенденция является направленно-положительной.

Поддержка инновационного развития регионов осуществляется со стороны государства посредством стратегических программ софинансирования и финансовой поддержки.

Перспективы инновационного развития регионов во многом определяются результативностью управления. Для регионов РФ формирование государственной региональной инновационной политики связано с разработкой политики, учитывающей особенности и социально-экономическое положение региона.

곢

Часть

Однако, рассматривая первые итоги указанных федеральных программ, необходимо отметить, что тенденции инновационного развития в целом характеризуются как отрицательные.

Не удалость кардинально повысить инновационную активность и эффективность работы компаний, в том числе государственных, создать конкурентную среду, стимулирующую использование инноваций. Но главным индикатором результативности инновационного развития региона является соответствие вкладываемым ресурсам в инновационное развитие региона и финансовым результатам, и в первую очередь объему валового накопления основного капитала (Тельнова, 2011. С. 29).

По мнению экспертов, в России, в большинстве регионов инновационные вливания не приносят никакой отдачи со стороны экономики, а значит, средства расходуются крайне неэффективно.

ЛИТЕРАТУРА

Герасимов А.Н. (2012). Современные направления инновационного развития аграрноориентированных региональных экономических систем. *Экономика и предпринимательство*, № 2, с. 205-210.

Герасимов А.Н., Громов Е.И. (2012). Регионально-отраслевые аспекты вступления России в ВТО. *Экономика и предпринимательство*, № 4, с. 26-31.

Герасимов А.Н., Громов Е.И., Шаталова О.И. (2013). Пространственно-динамические сравнения субъектов СКФО по уровню социально-экономического развития. *Экономика и предпринимательство*, № 5, с. 112-118.

Герасимов А.Н., Громов Е.И., Шаталова О.И. (2013). Результативность системы управления аграрноориентирвоанным макрорегионом: подходы, особенности измерения, индикаторы. *Экономика и предпринимательство*, № 2, с. 460-466.

Герасимов А.Н., Громов Е.И., Шаталова О.И. (2013). Ресурсный потенциал как фактор социально-экономического развития СКФО. Экономика и предпринимательство, № 2, с. 477-482.

Герасимов А.Н., Левченко С.А. (2012). Проблемы функционирования и развития региональных социальноэкономических систем. *Экономика и предпринимательство*, № 2, с. 27-31.

Герасимов А.Н., Левченко С.А. (2012). Эконометрический подход к исследованию результатов функционирования региональных социально-экономических систем. *Экономика и предпринимательство*, № 4, с. 183-188.

Герасимов А.Н., Пьянов А.С. (2013). Особенности функционирования и современные тенденции развития региональных агроэкономических систем. *Экономика и предпринимательство*, № 5, с. 207-211.

Гладилин А.В., Герасимов А.Н., Громов Е.И. (2010). Совершенствование экономического механизма аграрного производства. Ставрополь: АГРУС, 440 с.

Григорьева О.П. (2012). Экономико-статистическая оценка уровня жизни населения макрорегионов Российской Федерации. *Экономика и предпринимательство*, № 4, с. 57-60.

Скрипниченко Ю.С., Еременко Н.В. (2012). Кластерные формирования как перспективные формы взаимодействия субъектов региональной системы аграрной экономики. Экономика и предпринимательство, № 4, с. 93-97.

Тельнова Н.Н. (2011). Анализ структурных изменений в аграрном производстве Ставропольского края. Управление экономическими системами: электронный научный журнал, № 7-31, с. 29.

REFERENCES

Gerasimov A. (2012). Modern directions of innovative development of the agro-oriented regional economies. *Economics and Business*, № 2, p. 205-210. (In Russian).

Gerasimov A., Gromov E. (2012). Regional-sectoral aspects of Russia's accession to the WTO. Economics and Business, № 4, p. 26-31. (In Russian).

Gerasimov A., Gromov E., Shatalov O. (2013). Spatial dynamics of comparison subjects North Caucasus Federal District in terms of socio-economic development. Economics and Business, № 5, p. 112-118. (In Russian).

Gerasimov A., Gromov E., Shatalov O. (2013). The effectiveness of the control system of agro-oriented macroregion: approaches, particularly measurement, indicators. *Economics and Business*, № 2, p. 460-466. (In Russian).

Gerasimov A., Gromov E., Shatalov O. (2013). The resource potential as a socio-economic development of the North Caucasus Federal District. Economics and Business, № 2, p. 477-482. (In Russian).

Gerasimov A., Levchenko S. (2012). The problems of the functioning and development of regional socio-economic systems. Economics and Business, № 2, p. 27-31. (In Russian).

Gerasimov A., Levchenko S. (2012). The econometric approach to the study of the results of operation of the regional socio-economic systems. Economics and Business, N^0 4, p. 183-188. (In Russian).

Gerasimov A., Pianov A. (2013). Peculiarities of the current trends and the development of regional agricultural economies. Economics and Business, № 5, p. 207-211. (In Russian).

Gladilin A., Gerasimov A., Gromov E. (2010). Improvement of the economic mechanism of the agricultural production, Stavropol: AGRUS, P. 440. (In Russian).

Grigorieva O. (2012). Economic-statistical evaluation of the standard of living macro-regions of the Russian Federation. *Economics and Business*, № 4, p. 57-60. (In Russian).

Skripnichenko Y., Eremenko N. (2012). Cluster formation as a promising form of interaction among the regional system of the agrarian economy. Economics and Business, № 4, p. 93-97. (In Russian).

Telnova N. (2011). Analysis of structural changes in the agricultural production in Stavropol Territory. *Management of economic systems: electronic scientific journal*, № 7-31, p. 29. (In Russian).

СЕЛЬСКИЕ ДОМАШНИЕ ХОЗЯЙСТВА КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА

ТЕЛЬНОВА Н.Н.,

доцент кафедры статистики и эконометрики, кандидат экономических наук, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: telnatnik@mail.ru;

Ο ΤΑΠΕΗΚΟ Ε.Α.,

доцент кафедры финансового менеджмента и банковского дела, кандидат экономических на-ук, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: helen_07-84@mail.ru;

КОБОЗЕВ А.К.,

профессор, кандидат технических наук, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: kankuz@mail.ru

В статье рассмотрена сущность и роль домашних хозяйств в инновационной региональной экономике, определены их основные функции; освещены основные характеристики домохозяйства как многофункционального объекта регионального управления; обозначены основные требования к концепциям экономики домохозяйств; выделены особенности жизнедеятельности домохозяйств в сельской местности региона; представлены рекомендаций по совершенствованию управления сельскими домашними хозяйствами как региональной социально-экономической подсистемой.

Ключевые слова: сельские домашние хозяйства; человеческий капитал; управление; экономика; инновации; социально-экономическое развитие.

RURAL HOUSEHOLDS AS AN OBJECT OF MANAGEMENT IN THE INNOVATION ECONOMY OF THE REGION

TELNOVA N.N.,

Associate Professor at the Department of Economics and Statistics, Ph.D,
Stavropol State Agrarian University,
e-mail: telnatnik@mail.ru;

OSTAPENKO E.A.,

Assistant professor at the department of Financial management and banking, PhD,
Stavropol State Agrarian University,
e-mail: helen_07-84@mail.ru;

KOBOZEV A.K.,

Professor, PhD of Technical Sciences, Stavropol State Agrarian University, e-mail: kankuz@mail.ru

The paper considers the nature and role of households in regional innovation economy, defined by their main function; highlights the main characteristics of the household as a multi-purpose facility of regional management, outlines the key requirements for the concepts of household economy, highlighted features of life of rural households in the region, presented recommendations for improve the management of rural households as a regional socio-economic subsystem.

Keywords: rural households; human capital; management; economics; innovation; socio-economic development.

JEL classification: Q12, Q16, Q18.

Инновационное развитие и реализация человеческого потенциала являются приоритетами России в XXI в. В настоящее время создание постиндустриальной инновационной экономики, основанной на формировании и использовании новых знаний, которые приносят монопольную прибыль при продаже этих знаний в виде лицензий, патентов, а также при условии применения их в производстве товаров и услуг, одной из главных задач является развитие человеческого потенциала. При формировании инновационной экономки он становится движущей силой экономического роста, национальной конкурентоспособности и рассматривается уже не как категория экономики «рабочая сила», а как «человеческий капитал» (Герасимов, 2012. С. 43).

Человеческий капитал выступает интенсивным производительным и социальным фактором развития и жизнедеятельности территории, который неразрывно связан с человеком, с его интеллектом и менталитетом. Он формируется за счет инвестиций в воспитание, образование, здоровье, знания, предпринимательскую способность, информационное обеспечение, безопасность и экономическую свободу населения, а также в науку, культуру и искусство (Корчагин, 2005. С. 54). Это определяет первоочередную проблему по улучшению уровня качества человеческого капитала в регионах и прежде всего затрагивает трудоспособное население как важнейший ресурс, обеспечивающий устойчивый экономический рост и стабильное функционирование экономики. Поэтому важной научно-исследовательской задачей является комплексная оценка социального и экономического потенциала первичного звена рыночной экономики – домашнего хозяйства.

Изучению сущности домашних хозяйств как экономической категории, классификации, анализу материального положения, уровня и качества жизни, занятости домохозяйств на селе были посвящены труды многих ученых. На наш взгляд, домохозяйство должно изучаться как область региональной экономики, так как оно является важнейшим звеном, выполняющее воспроизводство и развитие человеческого потенциала через трудовые ресурсы. Эти обстоятельства и определяют роль и значимость сельских домашних хозяйств в достижении главной стратегической цели социального и экономического развития всех регионов и страны в целом – рост уровня и качества жизни населения.

Домохозяйства населения особенно активизировались в последнее время и превратились в ограниченный по размерам, но важный по своим социальным и экономическим функциям частнособственнический сектор, который обеспечивает выживание населения проживающего в сельской местности, а в настоящий момент ставший гарантом продовольственной независимости страны (Григорьева, 2012. С. 58).

В процессе развития современных исследований в области деятельности домашних хозяйств определились основные требования к концепциям экономики домохозяйств, которые можно систематизировать следующим образом:

- домашние хозяйства необходимо рассматривать как функциональные единицы производства и потребления имеющие своей целью воспроизводство домохозяйственного сообщества и его участников. Производство при этом может включать в себя как произведенную продукцию для рыночного обмена, так и продукцию для средств существования, собственного потребления, которая может и не иметь денежной стоимости. Концепция домохозяйства с экономической точки зрения должна учитывать все сферы потребления и производства домашнего хозяйства, так как они конкурируют между собой за временные, дефицитные трудовые и материальные ресурсы;
- сообщества домашних хозяйств должны исследовать как институты, в которых объединены индивидуумы, находящиеся постоянно во взаимодействии друг с другом. Их действия и решения могут быть ориентированы как на общее благо всех членов домохозяйств, так и непосредственно на индивидуальную полезность, что зависит от конкретных ситуаций и существующих альтернатив;
- сообщества домашних хозяйств нельзя рассматривать изолированно от социального и экономического окружения. Их существенные характеристики определяются как отношением с социально-экономическим окружением, так и внутренними взаимоотношениями.

Сточки зрения роли и значения в экономике регионов домохозяйства являются самоорганизованными хозяйственноэкономическими субъектами и характеризуются ограниченными автономными бюджетами и обособленными местами
проживания его членов, которые, выполняя свои определенные функции в сферах производства, потребления, накопления, поставки и воспроизводства человеческого капитала, участвуют в создании и развитии экономического потенциала
совокупных секторов экономики регионов с тем чтобы максимизировать свое благосостояние. Необходимо подчеркнуть
заинтересованность в связанности и взаимодействиях домохозяйств и других субъектов рыночной экономики. Сельские
домашние хозяйства также оказывают существенное влияние на формирование и развитие экономического потенциала
реального сектора экономики регионов выраженное в:

- обеспечении предложения на рынке факторов производства, так как сельские домохозяйства являются поставщиками производственных ресурсов (трудовые, предпринимательские способности, капитал);
- обеспечении необходимого для функционирования рыночного механизма уровня потребительского спроса на товары и услуги, произведенные частными и государственными предприятиями;
- пополнении доходной части государственного бюджета посредством уплаты налогов и других видов обязательных платежей:
- формировании накоплений и инвестиций за счет сбережений домохозяйств, которые для фирм и государства являются источниками инвестирования производства;
- воспроизводстве, развитии и реализации человеческого капитала посредством занятости в различных сферах;
- повышении личного благосостояния домохозяйств посредством развития семейного бизнеса, что способствует и развитию рыночной экономики в целом.

Под влиянием политических, социальных, экономических, природных и других факторов состояние экономической системы в регионах модифицируется, что порождает разные дисбалансы, которые воздействуют на начальные элементы

данной системы – домашние хозяйства (*Тельнова, 2012. С. 107*). Являясь в качестве основных потребителей на рынке товаров и услуг, домохозяйства одновременно обеспечивают рынок трудовыми ресурсами. Их потребительское и трудовое поведение имеет непосредственное влияние и на экономическое поведение разных участников рыночных отношений, и на деятельность экономической системы в целом. В этой связи возрастает значимость регионального аспекта в исследовании домохозяйств, которые рассматриваются нами в качестве многофункционального, сложного объекта управления.

Выделяют чаще всего пять главных функций домашних хозяйств: снабжение, производство, сбережение, потребление, воспроизводство. Наиболее изученными в настоящее время является функция потребления и функция сбережения. Они отражают процесс деятельности домохозяйств в удовлетворении потребностей в товарах и услугах. Их реализация имеет непосредственное влияние на создание экономического потенциала в реальном секторе экономики (Скрипниченко, 2012. С. 94).

Основной целью жизнедеятельности «максимизация благосостояния при осуществлении потребительского выбора в условиях бюджетного ограничения». Иными словами, в процессе своей деятельности домашнее хозяйство постоянно стремится к расширению закупок товаров и услуг. Чтобы это осуществить все его члены направляют свою деятельность на повышение доходов домашних хозяйств.

В свою очередь структуры, как доходов домашних хозяйств, так и его расходов во многом зависят от внешних факторов, в которых проходит жизнедеятельность всех членов. Следовательно, характерные черты российской экономики в значительной степени определяют ключевые статьи доходов и расходов, определяющие типы конкретных домохозяйств.

Социологические обследования в части доходов сельских домохозяйств Ставропольского края, показали, что общий объем денежных доходов состоит из разных источников поступлений денежных средств. Первостепенными источниками дохода для жителей села являются: зарплата, получаемая членами домашних хозяйства от разных видов деятельности; доход от работы на личном подсобном хозяйстве; доход от бизнеса; пенсия; пособия по рождению, воспитанию детей. В большинстве случаев определяющую роль в уровне благосостояния семьи, выполняет заработная плата членов домохозяйств, т. е. доход существенно зависит от занимаемой должности и вида экономической деятельности. Источники дохода, такие как безвозмездная поддержка родственников, доходы от сдачи в аренду жилья и различного имущества, доходы от собственности, доходы от продажи личного имущества, дивиденды, проценты для большинства домашних хозяйств небольшие либо полностью отсутствуют.

В бюджете каждого домашнего хозяйства в расходной части выделяют уплату налогов государству, расходы на удовлетворение личных потребностей в виде покупки товаров и услуг и создания накоплений. Домохозяйства, снабжая свое существование и покупая товары и услуги, участвуют непосредственно в формировании нужного уровня потребительского спроса в экономике регионов, в свою очередь, это обусловливает формирование и функционирование рыночного механизма. Члены домохозяйств, удовлетворяя свои личные потребности, в свою очередь становятся полноправным субъектом рыночных отношений, так как выступают основными покупателями на рынке товаров и услуг в регионах.

Весьма значима в экономике роль функции сбережения домашних хозяйств, она очень важна с точки зрения развития рынка финансовых услуг и капитала. Сбережения домашних хозяйств участвуют в формировании источников финансирования инвестиций в расширение основного капитала и вложений, необходимых для инвестиционной деятельности в динамичных условиях рыночной экономики (Шаталова, 2011. С. 124).

Многие исследователи не относят функции производства и снабжения домохозяйств к числу определяющих (*Шаталова, 2011 С. 38*). Однако, на наш взгляд, в России, реализация домашним хозяйством этих функций является важным аспектом как для развития экономики регионов, так и его жизнедеятельности. Это касается в первую очередь сельских муниципальных образований.

Если устойчивое развитие сельского хозяйства принимать как многоцелевую категорию (*Громов, 2012. С. 373*), то наиболее важным фактором, который способный обеспечить устойчивый экономический рост, на наш взгляд, является наличие высококвалифицированных трудовых ресурсов. В свою очередь долгосрочный системный кризис в аграрном производстве привел сельское население к бедности и нищете. Перестройка в структуре аграрного сектора экономики привела к реструктуризации занятого населения в сельском хозяйстве. Снижение производства в сельском хозяйстве повлекло сокращение занятого трудоспособного населения, что стало причиной повышения роли личных подсобных хозяйств в формировании доходов сельских домашних хозяйств. Помимо этого, низкая возможность в трудоустройстве и невысокий уровень оплаты труда в сельском хозяйстве привели к дополнительным стимулам развития предпринимательской деятельности фермерских хозяйств и других предприятий на селе.

Фактический уровень занятости в сельском хозяйстве в Российской Федерации, практически в два раза превышает официальные данные (Варшавская, 2010. С. 56). Деятельность в производстве сельскохозяйственной продукции является для пятой части занятого населения России основной работой. Большая часть работников сельского хозяйства сосредоточена в домохозяйствах населения. Производство сельскохозяйственной продукции в домохозяйствах — масштабное социально-экономическое явление. В секторе продовольственного обеспечения в 2011 г. было занято 24–28 млн человек, или почти четверть взрослого населения в России, а в период аграрного сезона уровень работающих в нем составляет 35–38%. При этом примерно каждый восьмой работник ограничен деятельностью только в пределах дачных или приусадебных участках.

Рынок труда в аграрном секторе требует большого внимания со стороны государственной политики занятости населения, так как сельское хозяйство играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности страны. В 2011 г. по сравнению с 2000 г. произошло увеличение численности экономически активного населения в $P\Phi$ на 4,7%, сельского – на 6,3%. Занятость экономически активного населения выросла по стране на 4,8%, а сельского населения на 2,1%. Уровень безработицы сократился по России на 1,1%, в сельской местности он повысился на 2,4%.

Домохозяйства в демографической структуре регионов выступают основной составляющей, так как они являются источником воспроизводства человеческого капитала. Уровень и качество жизни сельского населения во многом опреде-

ляет количество детей в семьях. Так, в типологических группах сельского населения с низким доходом, которые составляют около 75% обследованных домохозяйств по Ставропольскому краю, сосредоточена достаточно высокая доля детей.

Ухудшение демографической ситуации в регионах России требует всестороннего, глубокого изучения демографических процессов, что позволит объективно отражать и анализировать состояние домашних хозяйств, а также осуществлять на основе полученных результатов не только оперативные управленческие воздействия, но и долгосрочные демографические прогнозы (Герасимов, 2012. С. 185). При проведении исследований состояния домашних хозяйств необходимо обеспечить более детальный учет, сплошное и всестороннее обследование демографических характеристик на уровне регионов, так как данные имеющиеся в статистических сборниках недостаточно детализированы.

Определяя степень устойчивости и перспективы развития домохозяйств как формы организации сельскохозяйственного производства можно выделить факторы, сдерживающие их воспроизводство:

- отсутствие помощи со стороны сельскохозяйственных предприятий;
- невысокая техническая оснащенность, ведущая к большим затратам труда, трудозатраты в домохозяйствах, в расчете на один центнер продукции выше, чем в коллективных хозяйствах в 3-8 раз;
- сложности с реализацией продукции, недостаточная отработанность проблем сбыта произведенной сельскохозяйственной продукции влечет сокращение хозяйствами населения поголовья скота;
- убыточность большинства сельхозпредприятий породила бартерный товарообмен. В результате чего значительную часть заработной платы работники получают в натуральной форме. Перед владельцем домохозяйств встала задача превратить полученную продукцию от сельхозпроизводства в денежную форму;
- количество членов семей в сельской местности сокращается что ведет к сложной демографической ситуации;
- разрушение социальной инфраструктуры способствует росту заболеваемости среди сельского населения;
- низкий правовой и социальный статус домохозяйств.

Проблемы, которые возникают в сфере занятости и на рынке труда, непосредственно определяют социальное и экономическое положение населения и в частности влияют на процессы его воспроизводства, оказывая тем самым значимое воздействие на демографическую ситуацию в стране. Политика занятости прежде всего предполагает увеличение эффективности труда за счет создания качественных новых рабочих мест, прогрессивных тенденций в профессиональной и квалификационной структуре кадров, адекватной зарплаты труда и наиболее полном использовании трудовых ресурсов.

Таким образом, процесс воспроизводства человеческого капитала как фактора экономического роста регионов, соответствует современным требованиям перехода к инновационной экономике, этот процесс порождает вложение больших инвестиций в социальную сферу, отрасли обслуживающей население регионов. Для формирования условий, благоприятствующих эффективному рыночному поведению домохозяйств, требуется содействие государства, ориентированное на усиление экономической активности населения (за счет повышения материального благосостояния, социальной защиты и уровня жизни сельского населения, расширения производственного и ресурсного потенциала, организации новых и дополнительных оснащенных рабочих мест, создания эффективных торгово-закупочных структур в каждом районе, увеличения выплат по социальным трансфертам, совершенствования системы финансово-кредитной поддержки, и т.д.). Инвестиции в человеческий капитал кроме социального эффекта также непосредственно влияют на рост валового регионального продукта и повышение конкурентоспособности экономики.

ЛИТЕРАТУРА

Варшавская Е.Я. (2010). Альтернативная оценка аграрной занятости в Российской Федерации. Вопросы статистики, № 2, с. 55–57.

Герасимов А.Н., Громов Е.И., Пшеничный П.П. (2012). Совершенствование системы управления экономикой макрорегиона, Ставрополь: АРГУС, 116 с.

Герасимов А.Н., Левченко С.А. (2012). Эконометрический подход к исследованию результатов функционирования региональных социально-экономических систем. *Экономика и предпринимательство*, № 4, с. 183-188.

Григорьева О.П. (2012). Экономико-статистическая оценка уровня жизни населения макрорегионов Российской Федерации. *Экономика и предпринимательство*, № 4, с. 57-60.

Громов Е.И., Герасимов А.Н. (2012). Статистическая оценка экономических, демографических и социальных процессов в регионах Северо-Кавказского федерального округа. *Экономика и предпринимательство*, № 5, с. 372-378.

Корчагин Ю.А. (2005). Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? Воронеж: ЦИРЭ, 252 с. Скрипниченко Ю.С., Еременко Н.В. (2012). Кластерные формирования как перспективные формы взаимодействия

Тельнова Н.Н. (2012). Совершенствование инструментов активизации инновационно-инвестиционной деятельности в аграрной сфере экономики. *Экономика и предпринимательство*, № 3, с. 106-111.

субъектов региональной системы аграрной экономики. Экономика и предпринимательство, № 4, с. 93-97.

Шаталова О.И. (2011). Методология исследования закономерностей и тенденций развития локальных продуктовых рынков Северо-Кавказского региона. *Экономика и предпринимательство*, № 6, с. 36-42.

Шаталова О.И. (2011). Методология применения системно-деривативного анализа при изучении развития рыночных структур. *Вестник университета (ГУУ)*, № 12, с. 122-126.

REFERENCES

Gerasimov A., Gromov E., Pshenichniy P. (2012) Improvement of macro-economic management, Stavropol: ARGUS, 116 p. (In Russian).

Gerasimov A., Levchenko S. (2012). The econometric approach to the study of the results of operation of the regional socio-economic systems. Economics and Business, № 4, p. 183-188. (In Russian).

Grigorieva O. (2012). Economic-statistical evaluation of the standard of living macro-regions of the Russian Federation. *Economics and Business*, \mathbb{N}^2 4, p. 57-60. (In Russian).

Gromov E., Gerasimov A. (2012). Statistical evaluation of the economic, demographic and social processes in the regions of the North Caucasus Federal District. *Economics and Business*, № 5, p. 372-378. (In Russian).

Korchagin Y. (2005). Russian human capital factor of development or degradation? Voronezh, 252 c. (In Russian).

Skripnichenko Y., Eremenko N. (2012). Cluster formation as a promising form of interaction among the regional system of the agrarian economy. Economics and Business, Nº 4, p. 93-97. (In Russian)

Telnova N. (2012). Improved tools enhance innovation and investment in the agricultural sector of the economy. Economics and Business, \mathbb{N}^2 3, p. 106-111. (In Russian).

Shatalova 0. (2011). The methodology of the study of patterns and trends in the development of local food markets in the North Caucasus region. Economics and Business, № 6, p. 36-42. (In Russian)

Shatalova 0. (2011). The methodology of applying the system-a derivative of analysis in the study of the development of market structures. Bulletin University, N 12, p. 122-126. (In Russian).

Varshavskaya E. (2010). Alternative assessment of agricultural employment in the Russian Federation. Statistical Issues, № 2, p. 55-57. (In Russian).

РЕСУРСНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ МЕГА-КОРПОРАЦИЕЙ ЗОН ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РОСТА ВО ВНУТРЕННЕЙ СРЕДЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

КОРОЛЕВА Н.А.,

докторант, Адыгейский государственный университет, e-mail: korol_na_mail@list.ru

Мега-корпорации стали доминирующими субъектами в пространстве развития региональных экономических систем современной России. В процессе их воздействия на территориальное развитие формируется потребность в использовании их ресурсов для инвестирования развития зон постиндустриального роста во внутренней среде региональных экономических систем. В исследовании этих изменений необходим познавательный потенциал современной редакции системного подхода.

Ключевые слова: Региональная экономическая система; мега-корпорация; зоны постиндустриального роста; развитие.

THE MEGA-CORPORATION'S RESOURCE INVESTMENT OF THE ZONES OF POST-INDUSTRIAL GROWTH INSIDE THE REGIONAL ECONOMY SYSTEM

KOROLEVA N.A.,

PhD, Adygeya State University, e-mail: korol_na_mail@list.ru

The mega-corporations had staying the dominative subjects in the space of evolution of the regional economy systems of contemporary Russia. In the process of their influence at the territory development transforms the potential of process of using of their resources for development the zones of postindustrial growth inside the regional economy systems. In the research of this functional changes we need to use the cognitive potential of contemporary redaction of system approach.

Keywords: regional economy system; mega-corporation; zones of postindustrial growth; development.

JEL classification: 018.

Одним из результатов рыночных преобразований на мезо-уровне организации национального хозяйства России стало доминирование масштабных, глобальных по своим связям корпораций в пространстве развития региональных экономических систем, что выражается в определяющем вкладе в формирование территориальных бюджетов, в контроле над инвестиционным процессом, локальными рынками, территориальной инфраструктурой. Одной из таких корпораций стал «Газпром». В свою очередь, состояние региональной экономики существенным образом влияет на эволюцию мега-корпораций. Отдельные аспекты указанного взаимодействия нашли отражение в результатах исследований, однако в условиях глобальной интеграции хозяйственных отношений и постиндустриальных преобразований востребован его системный анализ.

Содержание процесса взаимодействия мега-корпорации и региональной экономической системы во многом обусловлено специфическими характеристиками хозяйственного пространства России, в частности, развитием региональной поляризации. Глубокие различия в достигнутых уровнях и потенциале развития отдельных террито-

риальных систем накладывают отпечаток на эффективность и устойчивость протекающих в их внутренней среде хозяйственных процессов, позволяя реализовать одни функции указанного взаимодействия и в то же время подрывая другие его функции. Необходимо принимать во внимание и такие детерминанты содержания указанного взаимодействия, как наличие у мега- корпорации мощной вертикали экономической власти, а также участие государства в капитале, которое, в случае «Газпрома», выросло до уровня полного контроля. Теория и практика региональной экономики, территориального и корпоративного менеджмента, прогнозирования нуждаются в раскрытии функций указанного взаимодействия. Решая данную задачу, необходимо учитывать потребность региона и мега-корпорации как системных субъектов в формировании активов нового типа – инновационных нематериальных активов, человеческого капитала, новой организационной культуры и др.

Природа субъектов данного взаимодействия обусловливает многообразие его способов, среди которых на современном этапе развития особое значение приобретает интеграция, обеспечивающая переплетение ресурсных баз и факторов хозяйственных процессов мега-корпорации и региональной экономической системы, создавая условия для формирования синергетического эффекта. Соответственно, одной из приоритетных задач региональных исследований становится поиск способов интеграционного взаимодействия, позволяющих участникам извлекать значимый и устойчивый синергетический эффект в соразмерном приращении их конкурентоспособности с учетом стратегической перспективы и тенденций, господствующих в развитии мировой экономики.

Глобальный финансовый кризис высветил новый важный аспект исследуемого взаимодействия — финансовоинвестиционные связи между мега-корпорацией и территорией. Один из важнейших уроков кризиса состоит в том, что финансовая несостоятельность и дестабилизация эмиссионного механизма мега-корпорации способны сформировать масштабные угрозы существованию экономической системы региона. Отсюда — потребность в обосновании действенных инструментов диагностики возникающих здесь проблем, а также в разработке соответствующих механизмов территориального и корпоративного регулирования. Правомерно выделить приоритетные направления научного поиска — диагностика конкурентоспособности обоих системных субъектов, диагностика возможностей и ограничений партнерств, формирующихся в процессе исследуемого взаимодействия, а также диагностика накопления инновационных активов в экономической системе региона и системе мега-корпорации.

Региональные экономические системы России входят в процесс модернизации, обладая различными потенциалами, институциональными характеристиками и адаптационными способностями к быстро изменяющимся условиям. Динамично и устойчиво развивающемуся региону, каким является Краснодарский край, эффективное взаимодействие с мега-корпорацией может придать дополнительный импульс обновления, выражающийся в создании «пространств модернизации» в виде региональных кластеров, зон корпоративного роста, субрегиональных систем и других форм активизации регионального развития, которые нуждаются в адекватной научной оценке (Прохорова, 2010).

В исследуемом процессе территориальное звено власти и управления, встроенное в общую вертикаль государственной власти, взаимодействует с соответствующими звеньями вертикали экономической власти мега- корпорации, что во многом определяет характер развития территории, состав ее конкурентных преимуществ. Для эффективного управления таким взаимодействием в условиях постиндустриальных преобразований востребованы качественно новые идеи, специальные принципы и инструменты активизации взаимодействия.

В исследовании указанного воздействия востребован познавательный потенциал современной редакции системного подхода, в которой традиционные возможности системного представления исследуемых объектов, их функционального и структурного анализа подкреплены возможностями эволюционного подхода. При этом экономика рассматривается через призму процессов создания, эволюции, взаимодействия и трансформации экономических систем (Мезоэкономика развития, 2011).

Адекватная концептуальная платформа исследования процесса взаимодействия мега-корпорации и региональной экономической системы – последовательно развернутое представление региональной экономической системы в качестве квази-корпорации, что предоставляет следующие возможности: обеспечить необходимую сопоставимость обеих систем в целях осуществления качественного и количественного анализа их взаимодействия; представить указанные системы в качестве интегрированных и пространственно локализованных субъектов хозяйственных отношений; обрести базу для постановки и решения задачи согласования экономических интересов данных субъектов; сфокусировать внимание на синергетическом эффекте взаимодействия (Мокрушин, 2011).

За два десятилетия рыночных преобразований и интеграции национальной экономики в мировое хозяйство был накоплен значительный опыт формирования и развития межсистемных связей между мега-корпорациями и регионами-субъектами России, что нашло отражение в научной литературе. Оценивая указанный опыт, необходимо учитывать, что среди мега-корпораций, обладающих статусом субъектов глобальной экономики, присутствуют как ТНК, сформировавшиеся во внешней среде ("ВР", "Philip Morris" и др.), так и компании, имеющие российские корни («Газпром», «Роснефть» и др.). Следует также принимать во внимание феномен региональной поляризации хозяйственного пространства, превращающий одни регионы в пространства притяжения инвестиций, а другие – в пространства инвестиционного запустения; при этом способ взаимодействия мега-корпорации с региональной экономической системой оказывает определяющее влияние на характер территориального развития (Зелинская, 2010).

Выделим основные способы взаимодействия мега-корпорации и региональной экономической системы:

 использование ресурсов региональной экономической системы в обороте мега-корпорации, что, зачастую, ведет к установлению экономического господства корпорации, снижению субъектного потенциала региональной системы и формированию модели «отраслевого региона»;

- конкурентное взаимодействие на рынках факторов производства, т. е., борьба за наиболее ценные элементы человеческого фактора, технологии, финансовые ресурсы, что сводит региональную экономическую систему к обычному рыночному субъекту, сужая ее возможности и уродливо трансформируя рассмотренное выше концептуальное представление;
- разграничение функций по отношению к объектам совместного использования, что обусловливает снижение издержек обоих субъектов межсистемного взаимодействия и создает условия для формирования целостной инфраструктурной платформы, обеспечивающей потребности данного процесса;
- совместное участие в реализации инвестиционных проектов развития инфраструктуры, человеческого фактора, технологий, организационных механизмов и др.; в том случае, когда такие проекты разрабатываются на основе стратегических соглашений, возникают плацдармы для развития более сложного интеграционного способа взаимодействия;
- осуществление институционально-хозяйственных преобразований в региональном пространстве, что означает фокусирование внимания на создании новых организационных механизмов, институтов, то есть, на изменении траектории и характера собственного развития;
- интеграционное взаимодействие, обеспечивающее формирование ряда позитивных синергетических эффектов, что создает условия для приращения продуктивности взаимодействия и обеспечивает рост конкурентоспособности обоих системных субъектов. Конечный результат интеграционного взаимодействия сращивание указанных субъектов; возникает мета-система (Ермоленко, 2012).

Поскольку интересующее нас взаимодействие продуцирует во внутренней среде региональной экономической системы различные формы хозяйственных локализаций, каждая из которых складывается на основе продуктивной комбинации ресурсов и факторов хозяйственного процесса, в его исследовании востребован метод капитальных комбинаций. Адаптируем основные принципы указанного метода применительно к заявленной проблеме:

- движение хозяйственной локализации, образующейся в ходе исследуемого взаимодействия, есть непрерывное создание и разрушение каких-либо бизнес возможностей, а вместе с тем и конкурентных преимушеств:
- факторами формирования указанных возможностей выступают инициированные исследуемым взаимодействием научно-технический прогресс, организационные изменения, открытие рынков, приращение компетенций человеческого фактора, институциональные преобразования и др.;
- потенциал метода капитальных комбинаций должен быть сфокусирован на субрегиональном уровне данного взаимодействия, где концентрируются основные бизнес возможности и потенциальные конкурентные преимущества;
- благодаря исследуемому взаимодействию, во внутренней среде региона локализуются те зоны («ядра развития»), где обнаружены новые возможности и, соответственно, начинается экономический рост и формирование новых конкурентных преимуществ, а также зоны, где господствует застой (Попов, 2010).

Отметим следующие регрессивные изменения структуры активов в процессе взаимодействия организаций, входящих в систему холдинга ОАО «Газпром» и экономической системы Краснодарского края:

- рост доли физически изношенного и морально устаревшего основного капитала в организациях холдинга и региональной экономической системе; инвестиционный процесс в обоих системных субъектах не обеспечивает решение приоритетной задачи обновления капитала, а возводит «надстройки» из вновь формируемого капитала над устаревающим «базисом» основного капитала;
- сужение корпоративного и территориального потоков инвестиций в интенсивное развитие человеческого фактора, что лишает обоих системных субъектов основного ресурса ускорения постиндустриальных преобразований;
- уменьшение доли инновационных нематериальных активов в структуре активов холдинга и региональной экономической системы, что подрывает основы воспроизводства данными системными субъектами конкурентных преимуществ (выделим в данном отношении низкие доли инновационных продуктов в выручке и ВРП) и обеспечения инвестиционной привлекательности.

Оценим интегральный результат указанных изменений структуры активов — он заключается в закреплении стратегической ориентации территориальных организаций холдинга ОАО «Газпром» на добычу, экспорт и территориальное потребление газа, что зафиксировано в корпоративной стратегии, а также стратегической ориентации экономики Краснодарского края на создание в своем хозяйственном пространстве транспортных коридоров для экспорта топливно-энергетических и сырьевых ресурсов, что зафиксировано в Стратегии социально-экономического развития региона до 2020 г. Сравнив данный интегральный результат с доминирующими тенденциями современного экономического развития, правомерно сформулировать вывод о том, что действующая стратегическая ориентация не способствует обеспечению конкурентоспособности ОАО «Газпром» и экономической системы Краснодарского края.

Корректное решение задачи обеспечения конкурентоспособности мега-корпорации и региональной экономической системы в условиях перехода к экономике знаний может быть обеспечено на основе перелома действующей тенденции регрессивного изменения структуры активов в процессе взаимодействия указанных субъектов. Условия ускорения постиндустриальных преобразований предполагают утверждение новой тенденции возрастания доли человеческого капитала и инновационных нематериальных активов в структуре активов обеих систем, для чего востребована новая, продуктивная пространственная форма их взаимодействия (Конкурентоспособность регионов..., 2003).

Глобальная рецессия высветила ущербность существующего способа взаимодействия экономической системы Краснодарского края и организаций, входящих в систему «Газпрома» и обозначила предел действующей стратегической ориентации развития данной мега-корпорации. Динамичная перестройка мирового рынка с учетом тенденций энергосбережения обусловливает ускоряющееся снижение глобального спроса на газ, а также ужесточение конкуренции за счет появления альтернативных продуктов (сланцевый газ, биологическое топливо и др.). В пространстве России данная тенденция усугубляется бюрократизацией экономики и процессами нелегитимного присвоения доходов частью собственников капитала и менеджеров крупных корпораций (Дзарасов, 2010).

С другой стороны, региональные экономические системы современной России остро нуждаются в формировании и интенсивном развитии системных субрегиональных локализаций, обладающих потенциалом постиндустриального роста, как внутренних плацдармов дальнейших преобразований. Налицо противоречивая ситуация, выход из которой предполагает вовлечение в процесс развития указанных локализаций ресурсов развития мега-корпораций, ранее стратегически ориентированных на добычу, первичную переработку и экспорт топливно-энергетических и сырьевых продуктов, что обусловливает:

- расширение ресурсной базы и пространства маневра для ускорения модернизации и дальнейшего инновационного развития региональной экономики;
- стратегическую коррекцию развития мега-корпорации, что выражается в трансформации ресурсов расширения топливно-сырьевого экспорта в ресурсы инвестирования региональной модернизации и инновационного развития.

Адаптация данной научной идеи к условиям взаимодействия организаций холдинга «Газпром» и экономической системы Краснодарского края позволяет обосновать способ преобразования указанного взаимодействия в соответствии с императивами модернизации региональной экономики и ускорения постиндустриальных трансформаций в мировом хозяйстве — адресное инвестиционное использование потенциала развития указанных организаций в целях создания перспективных для мега-корпорации и региональной экономики субрегиональных локализаций, обладающих постиндустриальной стратегической ориентацией и способных внести существенный вклад в приращение конкурентоспособности обоих указанных системных субъектов.

Выделим перспективные локализации постиндустриального роста во внутренней среде Краснодарского края, для развития которых востребовано привлечение инвестиционных ресурсов холдинга «Газпром»:

- а) рекреационно-образовательная подсистема, ориентированная на интенсивное развитие человеческого фактора территории на основе комбинирования и переплетения имеющихся ресурсов и факторов научно-образовательного и рекреационного профилей;
- б) продовольственная подсистема, ориентированная на воспроизводство здорового и способствующего развитию человека питания на основе применения комплекса высоких технологий.

ЛИТЕРАТУРА

Дзарасов Р.С. (2010). Российский капитализм: анатомия эксплуатации. Альтернативы. № 4.

Ермоленко А.А. (2012). Потерянное пространство России. Научная мысль Кавказа. № 4.

Зелинская М.В. (2010). Интегрированные информативные инструменты развития региональной экономической системы. Краснодар: ЮИМ.

Мезоэкономика развития (2011). Под ред. члена-корр. РАН Г.Б. Клейнера; Центральный экономикоматематический институт РАН. М.: Наука.

Мокрушин А.А. (2011). Стратегические аспекты взаимодействия вертикально интегрированных корпораций с региональной экономической системой. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Экономика». №. 2 (74).

Попов Р.А. (2010). Системология регионального хозяйства. М.: Высшая школа,

Конкурентоспособность регионов: теоретико-прикладные аспекты (2003). Под ред. Н.Я. Калюжновой. М.: ТЕИС.

Прохорова В.В. (2010). Субрегиональные структуры территориальной экономической системы. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Экономика». № 4.

REFERENCES

Dzarasov R.S. (2010). Russian capitalism: the anatomy of operation. An alternative. No. 4.

Ermolenko A.A. (2012). Russia wasted space. Caucasus Scientific thought. No. 4.

Zielinskaya M. (2010). Integrated informative tools development of regional economic system. Krasnodar, YUIM.

Mezoekonomika of development (2011). Ed. by G.B. Kleiner, Central Economics and Mathematics Institute, RAS. Moscow: Nauka.

Mokrushin A.A. (2011). Strategic aspects of the interaction of vertically integrated corporations with regional economic system. *West nickname Adygea State University. Series "Economy"*. №. 2 (74).

Popov R.A. (2010). Systemology regional economy. Moscow: Higher School,

Regional Competitiveness: theoretical and applied aspects (2003). Ed. By N.Y. Kalyuzhnova. Moscow: TEIS.

Prokhorov V.V. (2010). Sub-regional structures of territorial economic system. Bulletin of Adygea State University. Series "Economy". No. 4.

ПОЗИЦИРОВАНИЕ СОВОКУПНОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ РЫНКОВ РАСТИНИЕВОДЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ В ЭКОНОМИКЕ МАКРОРЕГИОНА

ГЛАДИЛИН А.В.,

профессор кафедры экономики и технологии управления, доктор экономических наук, Северо-Кавказский федеральный университет, e-mail: ShatalovaOlga77@ya.ru;

ШАТАЛОВА О.И.,

зав. кафедрой экономики и управления, доктор экономических наук, Южно-Российский гуманитарный институт, e-mail: ShatalovaOlqa77@ya.ru;

кобозев м.н.,

преподаватель кафедры технологии и сопротивления материалов, кандидат физико-математических наук, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: mikeyk@yandex.ru

В статье представлены категории «локальный рынок», «устойчивое развитие рынков», определены факторы и методы динамического устойчивого развития локальных рынков на примере отрасли растениеводства, проведена сравнительная динамическая оценка развития основных стратегических локальных рынков продукции растениеводства на примере РФ, СКФО и Ставропольского края; обозначены тенденции развития локальных рынков и перспективы их развития в условиях дальнейшей глобализации национальной экономики.

Ключевые слова: устойчивое развитие, локальный рынок, тенденции, условия, факторы, индикаторы, показатели, растениеводство.

SET POSITIONING OF LOCAL PLANT-GROWING PRODUCTS MARKETS IN THE MACRO-ECONOMY

GLADILIN A.V.,

Professor of the Department of Economics and Technology Management, Doctor of Sciences,
North-Caucasian Federal University,
e-mail: ShatalovaOlga77@ya.ru;

SHATALOVA O.I.,

Head of the Department of Economics and Management, doctor of Sciences,
South-Russian Institute for the Humanities,
e-mail: ShatalovaOlga77@ya.ru;

KOBOZEV M.N.,

Lecturer of the Department of Technology and the strength of materials, Ph.D. in Physics and Mathematical Sciences,
Stavropol State Agrarian University,
e-mail: mikeyk@yandex.ru

In the article the category of «local market», «sustainable development markets,» the factors and methods of dynamic sustainable development of local markets for example, plant growing, a comparative assessment of the dynamic development of key strategic local markets for crop production on the example of the Russian Federation and the North Caucasus Federal District, Stavropol Territory, identified trends in local markets and prospects for their development in an increasingly globalized national economy.

Keywords: sustainable development; local market trends; conditions and factors; indicators; indicators; crop.

JEL classification: Q11, Q13, Q18.

В настоящее время обеспечение устойчивости развития рынка продукции растениеводства, как рынка основных стратегических продуктов, представляет собой совокупность процессов определения основных показателей развития агропромышленного производства, социальной инфраструктуры в отраслевом и территориальном разрезе, а также формирования системы экономического регулирования. Устойчивое развитие рыночных элементов в условиях неопределенности и повышенных рисков требуют разработки научно-обоснованных методик совершенствования планов развития рынка в целом с использованием формализованных методов выявления закономерностей развития и прогнозирования тенденций, позволяющих объективно учитывать сложившиеся условия хозяйствования и изменение рыночной конъюнктуры. В связи с этим, возрастание роли прогнозирования в рыночных системах, обусловлено глобальными трансформациями внешних условий, адаптацией государственного регулирования рыночных структур, дальнейшей интеграцией отрасли с другими отраслями АПК и ВТО (Шаталова, 2012. С. 102).

Решение проблемы стабилизации рыночной системы на примере продукции растениеводства и ее дальнейшее развитие невозможно без научного обеспечения отрасли, без совершенствования материально-технической базы отрасли при активной инвестиционной поддержке со стороны государства.

Научная дефиниции «рынок» имеет многоаспектную направленность и содержание, так как, согласно определению Н. Бухарина, рынок – это обратная сторона товарного производства, которая является основной рыночного хозяйства. Причем согласно теории рынка, товарное производство и рынок – это две взаимоопределяемые категории, которые обосновывают существование друг друга, и делают невозможным наличие только одного из этих элементов в отдельности от другого. Само возникновение рынка как некоего структурного элемента всего экономического процесса было обусловлено множеством обстоятельств, определенных эволюционным развитием и возникающими на каждом этапе предпосылками. Современный рынок продукции растениеводства все больше превращается в торговлю и продажу качественных продуктов, сопутствующих товаров и услуг, ибо качество стало важнейшим свойством зерна, муки, крупы, хлеба, сахара, масла и других изделий, делающим их конкурентоспособными. Качественными хлебопродуктами считаются те из них, которые соответствуют нормам международных и отечественных стандартов. В современных условиях углубления процессов глобализации мировой экономики при активном воздействии на аграрные отрасли научно-технического прогресса и распространении этих процессов на продовольственный сектор, усиливших тенденции вертикальной интеграции, становится вполне правомерным говорить о формировании большой рыночной системы аграрной продукции, основой которой является отрасль растениеводства.

Рынок растениеводства занимает важное место в мировой торговле товарами. Хотя его удельный вес постоянно меняется, в 2010 г. продукции растениеводства составила примерно 17% мирового экспорта по сравнению с 16% в 1995 г. и 24% в 1990 г. Такие трансформации объясняются тем фактом, что за последние 20 лет произошли изменения и в территориальной структуре посевных площадей. Основополагающими факторами рынка продукции растениеводства являются производственные, среди которых базисом являются земельные ресурсы.

Такое распределение в мировом аграрном хозяйстве определяется следующими причинами: совершенством аграрной политики индустриальных государств, в которых развитие сельского хозяйства связано с уровнем субсидирования производства; низкой технической оснащенностью производственного сектора аграрного рынка восточноевропейских и развивающихся стран; несовершенной организационной составляющей формой отношений, представленных натуральными и полунатуральными индивидуальными крестьянскими хозяйствами, крупными латифундиями, общиной, сохранением ростовщичества, издольщины; ценовым диспаритетом аграрного производства стран социализма, так как цены, устанавливаемые на сельскохозяйственные продукты, занижались для поддержания жизненного уровня промышленных рабочих, сельскохозяйственный экспорт облагается пошлинами для финансирования импорта машин и оборудования; деформацией приоритетов развития воспроизводства в аграрном секторе со стороны правительства сельскохозяйственных услуг, инфраструктуры, исследований (Гладилин, 2010. С. 216).

Среди определяющих внешних факторов воздействия на ресурсную составляющую рынка растениеводства основополагающее место занимают природно-климатические факторы возделывания основных сельскохозяйственных культур. Глобальное потепление климата затронуло и территорию Российской Федерации, где температура в среднем за год прибавила 2-2,5 градуса. Особо аномальным стало лето 2010 г., когда на территории РФ было зафиксировано свыше 100 температурных рекордов. Так, средняя температура в РФ в 2010 г. составила -0,6 градуса, по СКФО – 17,6, по Ставропольскому краю – 16.2 градуса по Пельсию.

Северо-Кавказский федеральный округ в целом имеет выраженную растениеводческую направленность, так как доля валовой продукции растениеводства в общем объеме произведенной продукции АПК составляет более 56%. В связи с этим посевные площади сельскохозяйственных структур постоянно расширяются при одновременном сокращении пастбищ и параллельном осваивании новых нераспаханных земель. В период с 2001 по 2010 г. площадь посевов сельскохозяйственных культур в СКФО увеличилась на 9,1%. Немаловажное влияние на рост данного показателя оказывает тот факт, что в связи с восстановлением экономики таких республик, как Чеченская, Дагестан, формируется и сельскохозяйственный сектор, налаживаются аграрные производства, некогда заброшенные земли снова вошли в сельскохозяйственный производственный процесс. По Ставропольскому краю также наблюдается тенденция увеличения общего объема посевных площадей, за исследуемый период — на 7,4% (Тельнова, 2012. С. 29).

Рассматривая структуру посевных площадей, следует отметить, что по зерновым культурам в разрезе всех трех исследуемых территорий наблюдается тенденция роста за последние десять лет: – по РФ – на 1,4%; – по СКФО – на 20,2%; – по Ставропольскому краю – на 22,0%.

В основном это увеличение обусловлено реструктуризацией посевных площадей, где в результате сокращения производства продукции животноводства освободившиеся земли перераспределили под посевы зерновых культур. Также определяющим является тот факт, что в настоящее время зерновые обладают сравнительно высокой рентабельностью производства по отношению к другим растениеводческим культурам (Герасимов, 2013. С. 480).

곢

Часть

Южные регионы России традиционно являются основными производителями овощей, однако максимальная концентрация овощных предприятий сосредоточена в Краснодарском крае и Ростовской области, что во многом обусловлено расположением основной массы перерабатывающих предприятий в этих регионах. В целом по России на конец 2010 г. посевные площади картофеля снизились на 20%, а овощей – на 7,6%. В регионах Северо-Кавказского федерального округа наблюдается обратная тенденция – посевы картофеля увеличились на 5,2%, а овощей – на 25,8%, что объясняется тем, что регионы Северного Кавказа на протяжении многих десятилетий специализируются на производстве данной продукции. Важным сдерживающим фактором развития овощного комплекса в южных регионах России, в том числе и в СКФО, являются ограниченные возможности реализации произведенной продукции для местных товаропроизводителей. Конкурировать с дешевой импортной продукцией южные регионы не в состоянии, так как удельный вес трудовых затрат в производстве овощей, ввиду их максимальной трудоемкости, делает их неконкурентоспособными.

Представляется, что данную проблему можно было решить посредством введения ввозных пошлин на импортную продукцию, поддержав, таким образом, местных производителей овощей и картофеля. Однако после вступления России в ВТО такая возможность утеряна. Отрицательным моментом для развития овощного комплекса является и то обстоятельство, что отечественные товаропроизводители не обладают возможностями современной расфасовки продукции и технологическими условиями ее хранения, поэтому на данном этапе сложилась ситуации, когда овощи легче не производить совсем, нежели продать то, что произвели (Мурдугов, 2012. С.86).

Состояние АПК в значительной степени определяется наличием и объемами приобретения сельскохозяйственной техники и энергетических ресурсов, а также их качеством. В то же время за последнее десятилетие, напротив, произошло обвальное уменьшение числа сельскохозяйственных машин и оборудования, поступающих на село. Повышение технической оснащенности сельского хозяйства связано, прежде всего, с устранением диспаритетности в межотраслевом обмене.

Анализ материально-технической базы отрасли растениеводства показал, что за исследуемые 10 лет стоимость основных производственных фондов увеличилась в 3,7 раза и по итогам 2010 г. составила 2489 млрд руб. Во многом этот рост обусловлен реализацией действенной программы агролизинга, поучившей активное развитие в начале XXI в.

В регионах Северо-Кавказского федерального округа также наблюдается рост стоимости основных производственных фондов, за десять лет — в 3,6 раза. По Ставропольскому краю этот показатель составляет рост в 3,2 раза (*Скрипниченко, 2012. С. 95*).

Рынок продукции растениеводства обладает рядом специфических особенностей, которые определяют финансовое обеспечение его производственной и реализационной сферы. Как показало исследование, собственными ресурсами, т. е. чистой прибылью, аграрные структуры обеспечивают свое развитие только на 15-18%. За исследуемый период, сумма чистой прибыли сельского хозяйства РФ увеличилась в 4,1 раза. Такое увеличение определяется не столько развитием аграрной сферы, сколько инфляционными процессами в экономики России. По оценкам экспертом, реальная инфляция ежегодно в России составляет 15-18%, т. е. на анализируемые 10 лет уровень инфляции составил до 180%. Таким образом, реальные доходы аграрного сектора выросли не в 4,1 раза, на максимум в 1,9-2,1 раза.

Основным показателем интенсивности в растениеводстве является урожайность сельскохозяйственных культур. За исследуемый период урожайность зерновых культур в целом по РФ, сократилась на 28,4%. Урожайность зерновых 2010 г. стала рекордно низкой последние двадцать лет, поэтому динамика темпов роста получилась отрицательная, в то время как урожайность 2008-2009 гг. была в среднем на 40% больше. Отрицательной явилась и динамика урожайности зерновых культур в регионах Северного Кавказа — на 12,9 %. Исключение по урожайности является Ставропольский край, где прирост урожайности зерновых культур в 2010 г. составил 22,7% по сравнению с 2001 г.

Важным условием, оказывающим влияние на эффективность развития сферы растениеводства является обеспеченность трудовыми ресурсами. Анализ человеческого фактора в части экономически активного населения позволяет сделать вывод, что для всех трех локальных рынков по всем категориям работников, а также по всем видам деятельности, связанным с функционированием рынка продукции растениеводства, наблюдается рост занятости населения. Вместе с тем в производственной сфере, то есть непосредственно в сельском хозяйстве, прирост занятости составил по РФ 2,9%, по регионам СКФО – 19,3%, по Ставропольском краю – 12,9%. Активизация и развитие сельского хозяйства в регионах Северного Кавказа наряду со стабилизацией социально-политической обстановки привели к росту субъектов аграрного бизнеса и, как следствие, к созданию дополнительных рабочих мест. Отметим, что здесь сказался и финансовый кризис, который «вытолкнул» в аграрную сферу некоторое количество людей, потерявших более престижную и оплачиваемую работу в городах.

Увеличение занятости в сельском хозяйстве в Ставропольском крае вызвано также существенным влиянием национального проекта «Развитие АПК», в котором одной из стратегических целей является создание дополнительных рабочих мест, и, в какой-то мере, миграцией населения из соседних регионов. В торговом компоненте рынка растениеводческой продукции также наблюдается рост занятости, что обусловлено стабилизацией рынка и созданием новых каналов сбыта продукции растениеводства. Помимо традиционных государственных закупок, реализации населению и бартера, широкое развитие в регионе получили биржевые торги, которые, в свою очередь, способствовали повышению уровня профессионального образования населения и созданию дополнительных трудовых мест (Григорьева, 2012. С.58).

Наконец, рынок продукции растениеводства обладает рядом специфических особенностей, которые определяют финансовое обеспечение его производственной и реализационной составляющих. Раскроем данное положение, опираясь на результаты анализа трех интересующих нас рынков.

Отметим, что в растениеводстве сформировалась специфическая финансовая инфраструктура, базирующаяся на кредитных ресурсах и весьма неустойчиво обеспечивающая создание условий для развития соответствующих локальных рынков. В среднем по России развитие рынка растениеводства в современных условиях примерно на 70% зависит от заемных средств, чего явно недостаточно для обеспечения устойчивого роста. Как показывает анализ, собственными ресурсами, то есть чистой

прибылью, аграрные структуры обеспечивают свое развитие только на 15–20%. Правда, за исследуемый период величина чистой прибыли сельского хозяйства РФ увеличилась в 4,1 раза, но этот рост был, в основном, инфляционным.

Зависимость от природно-климатических условий и рискованность отрасли растениеводства оказывают негативное влияние на инвестиционные процессы. Тем не менее, привлечение инвестиционных ресурсов в аграрный комплекс за исследуемые 10 лет в целом по РФ увеличилось в 5,5 раза, по регионам СКФО – в 6,8 раза, по Ставропольскому краю – в 4,9 раза. Приоритетность восстановления и развития сельского хозяйства в регионах Северного Кавказа привела к тому, что по итогам 2010 г. СКФО вышел на первое место по объему привлеченных инвестиций.

Приведенные выше положения дополнительно актуализируют задачу стабилизации развития локальных рынков растениеводческой продукции СКФО посредством научных методов планирования и прогнозирования, что позволит своевременно адаптировать управленческие решения по устойчивому развитию рыночных структур.

ЛИТЕРАТУРА

Гладилин А.В., Герасимов А.Н., Громов Е.И. (2010). Совершенствование экономического механизма аграрного производства, Ставрополь: АГРУС, 440 с.

Герасимов А.Н., Громов Е.И., Шаталова О.И. (2013). Ресурсный потенциал как фактор социально-экономического развития СКФО. Экономика и предпринимательство, № 2, с. 477-482.

Григорьева О.П. (2012). Экономико-статистическая оценка уровня жизни населения макрорегионов Российской Федерации. *Экономика и предпринимательство*, № 4, с. 57-60.

Мурдугов В.А., Герасимов А.Н., Громов Е.И., Шаталова О.И. (2012). Совершенствование механизма эффективного функционирования региональных агроэкономических систем, Москва: Колос, 176.

Скрипниченко Ю.С., Еременко Н.В. (2012) Кластерные формирования как перспективные формы взаимодействия субъектов региональной системы аграрной экономики. Экономика и предпринимательство, № 4, с. 93-97.

Тельнова Н.Н. (2011). Анализ структурных изменений в аграрном производстве Ставропольского края. Управление экономическими системами: электронный научный журнал, № 7-31, с. 29.

Шаталова О.И. (2012). Локальные рынки растениеводческой продукции: обеспечение устойчивости развития, моделирование, разработка прогнозных сценариев (на материалах СКФО), Ставрополь: Сервисшкола. 344 с.

REFERENCES

Gladilin A.V. Gerasimov, A.N., Gromov E.I. (2010). Improvement of economic mechanism of agrarian production, Stavropol: AGRUS. (In Russian).

Gerasimov A.N., Gromov E.I., Shatalova O.Yu. (2013). Resource potential as a factor of socio-economic development of the North Caucasus Federal district. Economics and entrepreneurship, № 2, pp. 477-482. (In Russian).

Grigorieva O.P. (2012). Economic and statistical assessment of the level of life of the population of the macro-regions of the Russian Federation. *Economics and entrepreneurship*, \mathbb{N}^{0} 4, pp. 57-60. (In Russian).

Murdugov V.A., Gerasimov A.N., Gromov E.I. Shatalova O.Yu. (2012). Improvement of the mechanism of effective functioning of the regional agro-economic systems, Moscow: Kolos. (In Russian).

Skripnichenko Yu.S., Eremenko N.V. (2012). Cluster formation as promising forms of interaction of the subjects of the regional system of agrarian Economics. Economics and entrepreneurship, N° 4, pp. 93-97. (In Russian).

Telnova N.N. (2011). an Analysis of structural changes in the agricultural production of the Stavropol territory. Management of economic systems: electronic scientific journal, \mathbb{N}^2 7-31, pp. 29. (In Russian).

Shatalova O.Yu. (2012). Local markets crop production: ensuring the sustainability of development, modeling, development of forecasting scenarios (on the materials of the NCFD), Stavropol: Servisshkola. (In Russian).

ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ И ПЛАНИРОВАНИЯ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МАКРОРЕГИОНА

ГРОМОВ Е.И.,

доцент кафедры статистики и эконометрики, кандидат экономических наук, Ставропольский государственный аграрный университет, e-mail: qromei@mail.ru

В статье дана оценка современного социально-экономического положения в стране, которое характеризуется наличием ряда негативных тенденций и кризисных явлений, сдерживающих динамичное развитие и модернизацию. К их числу относятся региональная дифференциация и поляризация, низкие темпы экономического роста и доходов населения, недостаточный уровень развития рыночной и социальной инфраструктуры, невысокая инновационная и инвестиционная активность бизнес-субъектов, ухудшающееся качество жизни населения и экологическая обстановка. Определены методы управления социо-эколого-экономическими системами на уроне макрорегиона, выявлены факторы развития, обоснована необходимость широкого применения методов индикативного планирования, систематизированы принципы планирования в системе управления макрорегионом.

Ключевые слова: социо-эколого-экономическая система; управление системами; факторы устойчивого развития; индикативное планирование; принципы планирования.

THE PRINCIPLES OF MANAGEMENT AND PLANNING OF SOCIO-ECOLOGICAL-ECONOMIC MACRO REGION SYSTEM

GROMOV E.I.,

associate Professor at the Department of Economics and Statistics, Ph.D,
Stavropol State Agrarian University,
e-mail: gromei@mail.ru

In article the assessment of modern economic and social situation in the country which is characterized by existence of a number of negative tendencies and the crisis phenomena constraining dynamic development and modernization is given. Regional differentiation and polarization, low rates of economic growth and the population income, insufficient level of development of market and social infrastructure, low innovative and investment activity of the business subjects, worsening quality of life of the population and ecological situation belong to their number. Methods of control over socio-ecological-economic systems on a macroregion loss are defined, development factors are revealed, need of broad application of methods of indicative planning is proved, the principles of planning in a control system of the macroregion are systematized.

Keywords: socio-ecological-economic system; management of systems; factors of a sustainable development; indicative planning; principles of planning.

JEL classification: R40, R48.

Весьма актуальной научно-исследовательской проблемой при изучении сложных социо-эколого-экономических систем является совершенствование методологических подходов к управлению различными объектами на соответствующих уровнях экономики. Многообразие и отсутствием единого мнения о необходимости дифференцированного или интегрального их применения для разработки и принятия эффективных управленческих решений придает особую важность комплексному изучению существующих научных подходов, реализуемых в управлении. Учеными-экономистами в разное время при решении отдельных задач управления были сформированы различные подходы, среди которых особого внимания заслуживают кибернетический (или системный), синергетический, ресурсный, структурный и воспроизводственно-эволюционный.

Сущность системного подхода в управлении заключается в первоочередности формулирования целей и установление их важности для решения задач управления, установление в соответствии с результатами сравнительного анализа альтернативных вариантов при условии достижения максимального эффекта, а также возможности оценки поставленных целей и средств их достижения на основе количественных методов и критериев. Вместе с тем системный подход не может объяснить поведение динамично изменяющихся систем, которые проявляют признаки неустойчивость, но при этом не распадаются и ликвидируются (Клейнер, 2011. С.93).

В настоящее время считается, что результатом научных изысканий и развития системного подхода выступает синергетический подход. Все природные и общественные системы являются в той или иной степени гомеостатическими, т.е. обладают способностью к поддержанию сбалансированного состояния между своими элементами (или в случае утраты такого состояния быстрого перехода к нему) и поэтому обладают большой устойчивостью к внешним возмущениям. Таким образом, под синергетикой в общем смысле понимается тот же самый системный подход к сложным открытым нелинейным системам. К числу основных категорий неразрывно связанных с данным понятием относят: самоорганизацию, неравновесность, неустойчивость, бифуркацию и катастрофу.

Так, в состоянии сбалансированности элементы системы ведут себя независимо друг друга, но в случае возникновения синергетического эффекта под влиянием воздействий внешней среды подсистемы переходят в неравновесное состояние, в результате чего начинают действовать согласованно, вследствие чего возникает общее (когерентное) взаимодействие и корреляционные связи, в результате система трансформируется в диссипативную, характеризующуюся нарушением симметрии и приростом энтропии. В результате «старая» система с вновь «обретенными» свойствами становится крайне подверженной внешним воздействиям (Митрофанова, 2011. С. 55).

При решении организационно-управленческих проблем на основании синергетического подхода к основным задачам процесса трансформации системы в состояние с другими качественными свойствами, относятся: контроль за параметрами неравновесности; создание целеориентированных подсистем с признаками нового качества (зон нуклеации); стимулирование развития таких подсистем на достижение ими критического уровня, на котором они приобретают способность к необратимому саморазвитию; одновременное подавление роста или переориентация антицелевых подсистем; активная синтезирующая структурно-функциональная синхронизация подсистем различных иерархических уровней.

Другим не менее важным при решении проблем управления социо-эколого-экономическими системами является структурный подход, который основывается на использовании форм, методов и принципов, направленных на достижение оптимального распределения имеющихся ресурсов. Среди наиболее существенных принципов, на которых базируются методологии структурного подхода, можно отметить:

- принцип выявления и решения сложных проблем в результате их дифференциации на совокупность более простых для понимания задач;
- ✓ принцип иерархического упорядочивания, т.е. дробление и представление в виде иерархической древовидной структуры деталей и качеств рассматриваемой проблемы.

Ресурсный подход состоит в исследовании объекта управления на основе синтеза экономической, организационной и управленческой наук, отличительной особенностью также является использование методов моделирования для выявления и описания общих закономерностей для разнообразных процессов, характерных для экономических систем на различных уровнях. Практическая реализация данного подхода предполагает, что на эффективность функционирования объекта управления оказывает влияние в первую очередь не воздействие факторов внешней конкурентной среды, а использование методов управления и коррекционных воздействий, их оптимальное сочетание (Шедько, 2010. С. 27).

В основе воспроизводственно-эволюционного подхода лежит принцип динамичности развития, предполагающий постоянное совершенствование форм, методов, инструментов управления системами для удовлетворения изменяющихся рыночных потребностей. Исследование воспроизводственных процессов ориентировано на регулирование объекта управления, согласование спроса и предложения, потребностей и ресурсов, а также повышение сбалансированности всех системных компонентов, совершенствование внутренних и внешних связей. Воспроизводственный подход к управлению позволяет более объективно определять приоритеты в структуре функционирования объекта, ориентировать механизм территориального управления, рассчитывать потребность в материальных, финансовых и других ресурсах (Лапин, 2012. С. 59).

Относительно недавно стали выделять и кластерную концепцию управления. Кластеры являются ведущим фактором, влияющим не только на экономический рост, но и на повышение конкурентоспособности регионов. Кластерная концепция пришла из-за рубежа, где она успешно реализуется уже многие десятилетия. В зарубежных странах в течение длительного времени осуществляются научные исследования, позволяющие устанавливать закономерности развития экономических кластеров (Гладилин, 2011. С. 39).

Исследование современных подходов к управлению показало, что нет абсолютно универсальных, не лишенных недостатков подходов. Каждый из них направлен на решение определенного круга управленческих проблем, они также дифференцированы по области исследования. В настоящее время наблюдается тенденция смешанного использования нескольких подходов к управлению объектов на различных уровнях, тем не менее, не продолжаются научные изыскания по выработке и внедрению в практику управления единого методологического подхода, ориентированного на создание и принятие адекватных проблемным ситуациям управленческих решений, координацию усилий субъекта управления по развитию объекта.

Таким образом, анализ современных проблем управления на мезоуровне, позволил выявить тенденции и факторы (стимулирующего и противодействующего характера), влияющие на темпы роста и устойчивости социо-эколого-экономического развития регионов. При этом возникла острая необходимость в пересмотре стратегических приоритетов, где одним из ключевых должно стать повышение уровня государственной поддержки и совершенствование форм, методов и инструментов государственного регулирования ситуации на региональном уровне.

Особое место в системе господдержки субъектов пространственных экономических систем принадлежит планированию. Инструментами при этом выступают прогнозы, целевые региональные и отраслевые программы и планы развития на долго-, средне- и краткосрочную перспективу, имеющие рекомендательный характер. Планирование охватывает несколько основных направлений:

- ✓ прогнозирование основных параметров объекта управления, в соответствии с которыми разрабатываются программы и планы стратегического развития, позволяющих установить последствия управленческих воздействий:
- дотации из государственного бюджета на покрытие части расходов бизнес-субъектов, в том числе плановых, например дотации к ценам на продукты питания для снижения расходов потребителей;
- поддержка сфер образования, здравоохранения, охрану окружающей среды, социальную политику, в том числе содействие научным исследованиям по тематике, представляющей интерес для агробизнеса, мерам по защите природы и развитию социальной сферы села;
- ✓ государственный заказ как экономический инструмент государственного регулирования отдельных продуктовых пынков.

Отличительной особенностью разработанных в России за последнее десятилетие региональных и муниципальных стратегий при всем положительном накопленном при этом опыте является их весьма слабая реализационность. С нашей точки зрения, главной причиной этого является слабость или отсутствие соответствующих механизмов. Можно разработать замечательную стратегию, однако без действенного механизма ее реализации она останется лишь документом.

В современных условиях органы государственной власти региона объективно нуждаются в принципиально новом механизме взаимоотношений с бизнес-средой для стимулирования субъектов предпринимательской деятельности и развития локальных продуктовых рынков. Для этого приоритеты при разработке подобных механизмов должны сместиться в сторону рекомендательной модели взаимодействия с бизнесом, а не директивных методов управления. Именно таким требованиям отвечает в первую очередь система индикативного планирования, процессы в рамках которой направлены на поиск оптимального сочетания интересов субъектов и объектов управления, разработку механизма партнерства между государством и хозяйствующими субъектами.

Значение индикативного планирования в первую очередь связано с обеспечением долгосрочной конкурентоспособности. Это — целевая функция, которая обусловливает устойчивое положение объекта управления на рынке. Индикативное планирование направлено на формирование процесса производства конкурентоспособной аграрной продукции при условии оптимального использования и сочетания всех имеющихся ресурсов, что в свою очередь является залогом эффективного развития сельскохозяйственных товаропроизводителей (*Муратов, 2011. С. 17*).

В научной литературе выделяют следующие основные задачи индикативного планирования в системе управления макрорегионом на современном этапе: создание инфраструктуры для формирования информационной базы о рыночной конъюнктуре, об инвестиционной деятельности и других мероприятиях; информирование субъектов бизнеса о значениях целевых показателей, составляющими основу национальных проектов и государственных программ территориального и отраслевого развития; ориентация товаропроизводителей на инновационный путь развития; снижение предпринимательских рисков за счет увеличения вероятности наступления будущих событий и концентрации ресурсов по приоритетным направлениям региональной экономической системы.

Современная социо-эколого-экономическая система макрорегиона является сверхсложной системой, которой приходится управлять в нестабильных трансформационных условиях. Для успешного управления такой системой требуются исследования многофакторных воспроизводственных и социально-экономических процессов, протекающих в макрорегионе, и развитие на этой основе методологии планирования.

Целью системного исследования является формирование эффективной системы индикативного планирования, направленного на обеспечение конкурентоспособности макрорегиональной социо-эколого-экономической системы. При этом задачи индикативного планирования в системе управления макрорегионом можно сформулировать следующим образом: изучение процесса разработки, обоснования и внедрения системы индикативного планирования на всех уровнях управления; исследование механизма отношений, возникающих на всех стадиях воспроизводства в социально-экономических системах в процессе планирования; поиск рациональных путей и способов эффективного решения конкретных хозяйственных задач на основе применения индикативного подхода; изучение и разработка комплексного механизма, позволяющего применять методы и способы воздействия на объекты и субъекты управления посредством индикативного планирования; оптимизация системы и моделей индикативного планирования, доведение методики и процедуры плановой работы до практической реализации; оценка результатов реализации системы индикативного планирования в экономике макрорегиона.

Методика индикативного планирования включает следующие этапы:

1. разработка и уточнение системы нормативно-законодательного и методического обеспечения индикативного планирования;

ERRA ECONOMICUS ♦ 2013 ♦ Tom 11 № 1 Yactb 3

- 2. прогнозно-аналитическое обоснование, выбор приоритетов развития;
- 3. разработка и обоснование индикативного плана социально-экономического развития макрорегиона;
- 4. дезагрегирование целей и индикаторов;
- 5. управление реализацией мероприятий индикативного плана.

Рис. 1. Принципы планирования социо-эколого-экономических систем макрорегиона

Обобщенные принципы планирования, сформулированные с учетом проведенных научных исследований и спецификации социо-эколого-экономических систем на уровне макрорегиона, представлены на рис. 1.

Исследование принципов планирования показало, что они тесно взаимосвязаны между собой, поэтому только комплексное их использование органами государственной власти позволит обеспечить заданную результативность для субъектов системы управления макрорегионом при использовании индикативного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

Герасимов А.Н., Громов Е.И. (2012). Регионально-отраслевые аспекты вступления России в ВТО. *Экономика и предпринимательство*, № 4, с. 26-31.

Терасимов А.Н., Левченко С.А. (2012). Проблемы функционирования и развития региональных социальноэкономических систем. *Экономика и предпринимательство*, № 2, с. 27-31.

Герасимов А.Н., Пьянов А.С. (2013). Особенности функционирования и современные тенденции развития региональных агроэкономических систем. *Экономика и предпринимательство*, № 5, с. 207-211.

Гладилин А.В., Герасимов А.Н., Громов Е.И. и др. (2011). Кластерный подход к развитию пространственнолокализованных систем в аграрном секторе экономики региона: монография, Ставрополь: АГРУС, 116 с.

Часть

Клейнер Г. (2011). Системный ресурс экономики. Вопросы экономики, №1, с. 89-100.

Лапин А. (2012). Конкурентоспособность региональной экономики: проектный подход. Проблемы теории и практики управления, № 7-8, с. 56-61.

Митрофанова И.В. (2011). Регион: эволюция подходов к идентификации и типологизации. Региональная экономика: теория и практика, № 22, с. 51-59.

Муратов А. (2011). Конвергенция управленческих концепций: контроллинг и менеджмент качества. Проблемы теории и практики управления, № 1, с. 13-19.

Шедько Ю.Н. (2010). Программно-целевой метод как инструмент повышения эффективности территориальных социоэкономических систем. *Региональная экономика: теория и практика,* № 44, с. 24-30.

REFERENCES

Gerasimov A.N., Gromov E.I (2012). Regional and branch aspects of Russia's accession to the World Trade Organization. Economy and business, N. 4, p. 26-31. (In Russian).

Gerasimov A.N., Levchenko S.A. (2012). Problems of functioning and development of regional social and economic systems. Economy and business, \mathbb{N}^2 2, p. 27-31. (In Russian).

Gerasimov A.N., Pyanov A.S. (2013). Features of functioning and current trends of development of regional agroeconomic systems. Economy and business, N^0 5, p. 207-211. (In Russian).

Gladilin A.V., Gerasimov A.N., Gromov E.I. etc. (2011). Cluster approach to development of the spatial localized systems in agrarian sector of economy of the region: monograph, Stavropol: AGRUS, 116 p. (In Russian).

Kleyner G. (2011). System resource of economy. Questions of economy, № 1, p. 89-100. (In Russian).

Lapin A. (2012). Competitiveness of regional economy: design approach. Problems of the theory and practice of management, № 7-8, p. 56-61. (In Russian).

Mitrofanova I.V. (2011). Region: evolution of approaches to identification and a tipologization. *Regional economy: theory and practice,* \mathbb{N}^{0} 22, p. 51-59. (In Russian).

Muratov A. (2011). Convergence of administrative concepts: controlling and quality management. Problems of the theory and practice of management, N 1, p. 13-19. (In Russian).

Shedko Yu.N. (2010). Program and target method as instrument of increase of efficiency of territorial socioeconomic systems. Regional economy: theory and practice, № 44, p. 24-30. (In Russian).

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА

ПАРХОМЕНКО Т.В.,

доцент кафедры коммерции, Ростовский государственный экономический университет, e-mail: parkhomenko t@rambler.ru

В работе рассматриваются вопросы, посвященные роли и значимости электроэнергетического комплекса, подчеркивается обоснованная необходимость инвестирования вложений в российский электроэнергетический комплекс, определяется перспектива экономического и логистического планирования контура организационно-экономического обеспечения энергоотрасли.

Ключевые слова: электроэнергетический комплекс; логистическое управление энергосистемами; финансово-инвестиционная привлекательность отрасли.

DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF SOURCING POWER SECTOR DEVELOPMENT IN THE REGION

PARKHOMENKO T.V.,

associate Professor at the Department of Commerce, Rostov State Economic University, e-mail: parkhomenko_t@rambler.ru

The paper discusses on the role and importance of power sector, highlights the need to invest a reasonable investment in the Russian electric power complex, determined the prospect of economic and logistic planning outline the organizational and economic support for the power sector.

Keywords: electric power complex; the energy systems of logistics management; financial and investment attractiveness of the industry.

JEL classification: Q43, Q48.

Позиция России в мировом энергетическом комплексе несомненно является значимой, а для многих государств и определяющей, выявляя факты энергозависимости и определяя Россию важным игроком энергетических рынков, вследствие чего в программах развития и поэтапной модернизации отраслей хозяйственной структуры страны, перехода к экономике инновационного типа, учитывается в первую очередь технико-технологическое, инновационное развитие электроэнергетики, выступающей для национальной экономики приоритетной отраслью.

Опираясь на финансовые и технологические возможности российского энергетического комплекса, следует акцентировать внимание на роли экспортных доходов в бюджете, обеспеченной уникальным положением и ресурсной базой российской энергетики в мировом контексте и в народном хозяйстве.

Роль и значимость электроэнергетического комплекса, эффективность его функционирования в рамках внешнего экспортноориенированного рынка с целью повышения уровня обеспеченности национальной экономики материальными, финансовыми, информационными ресурсами в оптимальном сочетании, предопределяет разработку и реализацию долгосрочной логистической стратегии развития исследуемого сектора экономики. Несомненно, анализ и прогноз развития мировой энергетики, достижения технико-технологического характера, совершенствование инфраструктурного обеспечения выступают определяющими факторами при принятии крупных управленческих и в том числе инвестиционных решений в энергетике.

Развитие отраслей национального хозяйства страны и регионов, непосредственно их финансирование в период адаптации к последствиям глобального экономического кризиса подвержено влиянию закономерностей и тенденций мировой экономики и в значимой степени зависит от внешних факторов.

И в данном контексте, необходимо отметить, что электроэнергетическая отрасль России является не только самодостаточной, но и производит в избытке (9,6% мировой первичной энергии), при этом тратит ежегодно, с целью ввода новых объектов и предотвращения износа технических фондов около 4,5% ВВП на собственные инвестиции. В целях обеспечения стратегического планирования национальных инвестиционных решений определяется целесообразность мониторинга управленческих преобразований и функционирования комплекса в целом, выявляется очевидность тщательного и постоянно логистического, системно-аналитического исследования ситуации на мировых энергетических рынках.

В сфере идей и долгосрочного планирования российские специалисты осознают необходимость поддерживать конкурентоспособность отраслей страны, и инструментарий логистики, посредством построения стратегии фундаментального развития электроэнергетического комплекса на основе постоянства глубокого анализа мировой экономики и энергетики России с учетом модернизации технико-технологических, информационных и финансовых факторов. Сегодня в Российской электроэнергетике насущными являются вопросы пугающего своими темпами и перспективами износа оборудования, проблемы использования альтернативных источников энергии и функционирования свободного рыночного пространства на электроэнергетическом рынке.

Развитие отраслевой логистической инфраструктуры как в России, так и во всем мире замедляет глобальный финансовый кризис, темпы технико-технологической модернизации затруднены. Отраслевые объединения развиваются в затяжной фазе посткризисного восстановления.

Сейчас в экономических кругах уместно выражение, что в последние годы мировая особенность это феномен развития Китая — ситуация когда развивающиеся страны, и это проявляется с 2011 г., догнали развитые страны по доли в мировом ВВП и, что еще более удивительно, обогнали их по объему валовых капиталовложений. В Китае, взрастившем свою экономику на социализме, намечен переход к новой модели экономического роста, прогнозируется возможное удорожание национальной денежной валюты (юань), однако на долгосрочный период составления анализа не вполне ясны перспективы и роль китайской экономики как «локомотива роста», как характеризуют ее национальные экономисты.

В современном общемировом развитии экономических систем можно выделить несколько тенденций, которые непосредственно влияют на стабильность функционирования национальных отраслевых комплексов:

- для развитых стран масштабность и сложность выхода из кризиса во многом связана с наличием проблем в финансово-банковской сфере, так, по данным экспертных агентств «в ходе кризиса списано в убыток более 3 трлн долл. банковского капитала, ужесточены требования регуляторов к кредитованию. Кредитный подъем отстает, а кризис частных долгов превратился в острую проблему суверенных долгов ряда развитых стран ЕС;
- в условиях 2012 г. видна проблема экономики EC «мягкая рецессия», которая сдерживает рост и усиливает бюджетные проблемы многих стран. Даже при условии «организованного дефолта» греческих долгов финансовые рынки с напряжением ждут развития долговых процессов в ряде крупных стран. Мировое управление рисками и проблемами в финансовой сфере проходит новый тест на прочность и долгосрочную устойчивость;
- фактор времени играет невидимую, но все более тяжелую роль в развитых странах домашние хозяйства, компании, банки, бюджеты, политики и СМИ «устали от кризиса» он длится практически 5 лет. Перспективы достаточно сложные и крайне затруднено планирование бюджетов и инвестиций на 2013-2014 гг. Социальный протест уставшего населения играет все большую роль в принятии решений, смене правительств, сужает свободу маневра в экономической политике» 1.

Такова ситуация в мире экономических, политических и социальных тенденций. Подчеркнув ранее обоснованную необходимость инвестирования вложений в российский электроэнергетический комплекс, отметим, что финансовобанковская система Российской Федерации переживает последствия глобального экономического кризиса сравнительно легче, чем большинство развивающихся и даже развитых государств. Насыщенность национального бюджетного обеспечения позволяет поэтапно модернизировать экономику страны. Но государственное финансирование инвестиционных проектов не в состоянии полностью удовлетворить потребности российской электроэнергетики. Возможно, выход видится в привлечении коммерческих инвестиций, в переходе на инновационные способы добычи энергии, в ее более экономном потреблении. Но и это еще не все меры по стабилизации свободного рынка электроэнергии и мощности.

Правительство Российской Федерации обеспокоено положением в отрасли. Организация российского «свободного рынка» электроэнергии существенно отличается от европейских аналогов, и об этом говорят следующие факты. На сегодняшний день в Германии 800 свободных энергосбытовых компаний, в Англии всего 16, но при этом в России 3000 таких организаций. Проблематика исследования данных противоречий, на наш взгляд, не связана с территориальными различиями, внутристрановым устройством и другими факторами, определяющими особенности государств и соответственно их электроэнергетических рынков.

В 2013 г. в Федеральный закон «Об электроэнергетике» вносятся изменения, в части осуществления технологического присоединения к объектам электросетевого хозяйства, которые смогут более полно и правомерно регламентировать взаимоотношения потребителей электрической энергии, сетевых организаций и генерирующих компаний.

Поиск решений предполагает исследование не только технологических, функционально-организационных проблем, но и особенностей инфраструктурного обеспечения предприятий отрасли (в процессе логистического анализа крайне важным для рассмотрения является стартовый период). Изначально социально-политические особенности и связанные с ними риски отражают свое влияние на посткризисном развитии рыночных субъектов и отраслевых объединений.

К социально-политическим мировым особенностям посткризисного состояния рынка электроэнергии и мощности можно отнести решения по атомной энергетике в Японии и Германии, особенности электроэнергетики Ирана.

Япония присоединилась к Германии в списке крупных индустриальных стран, отказывающихся от использования атомной энергии. По статистике Всемирного Банка, это 3-я и 4-я крупнейшие мировые экономики в мире соответственно. До катастрофы на АЭС Фукусима Даиичи в марте 2011 г., Япония вырабатывала около 30% своей

¹ Прогноз развития энергетики мира и России. Электронный ресурс. Доступно на: rosenergo.gov.ru/upload/REA_prognoz.pdf

электроэнергии на АЭС, а в предыдущей стратегии страны было предусмотрено увеличение выработки атомной энергии в полтора раза до 2030 г. Сегодняшнее решение правительства Японии, по сути, опровергает широко распространенный тезис о том, что крупные экономики не могут обойтись без атомной энергии².

В Иране специалистами по атомной энергии были определены 16 наиболее подходящих мест для строительства и поэтапного ввода в эксплуатацию новых атомных электростанций. Однако срок строительства иранских АЭС достаточно продолжителен, так в 2011 г. Иран запустил первую в стране атомную электростанцию под названием «Бушер», чье строительство длилось почти 40 лет. К тому же после ввода в эксплуатацию из-за технических проблем функционирование Бушерской АЭС неоднократно приостанавливалась, производились ремонтно-эксплуатационные работы.

В Иранской экономике масштабные планы развития атомной энергодобычи в ближайшие 15 лет связаны с реализацией плана по генерации общей мощности электричества в 20 тыс. МВт, который планируется реализовать. По экспертным оценкам персидских аналитиков, стране, энергопотребление которой растет стремительно, требуется 20 электростанций атомного типа. Причинами же растущего энергопотребления в Иране послужили рост населения и индустриализация, в результате потребление электроэнергии растет в среднем на 6-7% в год.

Значительные области неопределенности находятся за пределами горизонта экономического и логистического планирования контура организационно-экономического обеспечения энергоотрасли в 5-10 лет и здесь немаловажное воздействие оказывают параметры комплексного развития электроэнергетической системы. Именно на мезоуровне региональных энергосистем необходимо осуществлять сдвиги в экономическом росте и потреблении энергии, учитывая особенности социально-экономического развития, региональные природно-климатические ресурсы и условия, а так же ряд иных факторов.

В результате анализа необходимо подчеркнуть, что развитие стран с низкими доходами обыкновенно сопровождается индустриализацией и повышением энергоемкости, потребления. Так пик энергоемкости ВВП приходится обычно на период, когда доля промышленности наиболее высока, и соответственно развивающиеся страны и страны с переходными экономиками выступают как самые энергоемкие в это время.

Системно-аналитическое исследование энергетических систем мира позволило нам выявить особенности, тенденции их современного состояния и развития:

- доступный потенциал энергосбережения реализован в наиболее экономически развитых странах, поэтому и энергоемкость ВВП в таких государствах наиболее низкая;
- в результате глобализации мировой экономики происходит постепенная унификация технологий, используемых в процессе производства, передачи и реализации электроэнергии;
- постепенное усиление роли государства через косвенные механизмы воздействия, такие как политика в отношении возобновляемых источников энергии (ВИЭ), альтернативных способов добычи электроэнергии.

Относительно специфики использования возобновляемых источников энергии следует отметить, то эта тема для российской действительности не может быть однозначной. Увеличивать использование ВИЭ необходимо, и в связи с этим следует довести его к 2020 г. до 4,5 % от вырабатываемой на территории страны, как в части производства, так и потребления электрической энергии, вырабатываемой на основе использования технологий ВИЭ. Об обосновании законодательноправового поля в рамках организации и внедрения ВИЭ-технологий в России свидетельствует табл. 1.

Таблица 1
Правовая база поддержки ВИЭ через рынки электрической энергии и мощности в России³

	Схема с надбавкой к цене электроэнергии и с сертификатами	Торговля мощностью	
Законодательная база (федеральный закон)	Статья 23.1, пункт 2 и статья 32, пункт 2 Федерального закона «Об электроэнергетике» (с поправками, внесенными ФЗ № 250 от 4 ноября 2007 г.)	Статья 32, пункт 1 Федерального закона «Об электроэнергетике» (с поправками, внесенными ФЗ № 401 от 28 декабря 2010 г.)	
Подзаконные акты	 Постановление об аттестации № 426 от 3 июня 2008 г. Приказ Минэнерго № 187 от 17 ноября 2008 г. Распоряжение НП «Совет рынка» от 3 октября 2008 г. 	Постановление об аттестации, 2008 г.	
Акты, которые необходимо принять для практической реализации схемы поддержки	• Постановление о процедуре определения над- бавки (Правительство)	 Перечень генерирующего оборудования, функционирующего на основе использования ВИЭ (Правительство) Стандартный Договор о предоставлении мощности, выработанной на основеиспользования ВИЭ (НП «Совет рынка») Поправки к Правилам оптового рынка (Правительство) Поправки к стандартному Договору о присоединении к торговой системе оптового рынка (НП «Совет рынка») 	

² Третья крупнейшая экономика мира отказывается от атомной энергетики. Электронный ресурс. Доступно на: www.bellona.ru/ articles ru/articles 2012/japan-faseout.

³ По материалам аналитического доклада «Политика в области развития возобновляемой энергетики: как разбудить Российского великана», подготовленного Международной финансовой корпорацией (IFC) в 2011 г. Доступно на: www.ifc.org/russia/energyefficiency Полный текст доклада: http://www.energosovet.ru/stat726.html.

В соответствии с указанными показателями Федеральное законодательство в области электроэнергетики должно корректироваться далее, формируя у потенциальных инвесторов в сфере ВИЭ и международного сообщества весьма позитивные перспективы, но конкретные меры поддержки разрабатываются очень медленно, так как все еще отсутствует нормативно-правовая база, способная сделать инвестиции в ВИЭ экономически эффективными в России.

ЛИТЕРАТУРА

«Политика в области развития возобновляемой энергетики: как разбудить Российского великана» (2011). Подготовлен Международной финансовой корпорацией (IFC). Доступно на: www.ifc.org/russia/energyefficiency. Полный текст доклада: http://www.energosovet.ru/stat726.html.

Прогноз развития энергетики мира и России. (2012). Электронный ресурс. Доступно на: rosenergo.gov.ru/up-load/REA_prognoz.pdf.

Третья крупнейшая экономика мира отказывается от атомной энергетики. (2013). Электронный ресурс. Доступно на: www.bellona.ru/articles_ru/articles_2012/japan-faseout.

REFERENCES

«Policies to promote renewable energy: how to wake up the Russian Giant» (2011). Prepared by the International Finance Corporation (IFC). Available at: www.ifc.org / russia / energyefficiency. Full text of the report: http://www.energosovet.ru/stat726.html. (In Russian).

Outlook for Energy: Russia and the world. (2012). Electronic resource. Available at: rosenergo.gov.ru / upload / REA_proqnoz.pdf. (In Russian).

The third largest economy in the world abandons nuclear power. (2013). Electronic resource. Available at: www.bellona.ru/articles_ru/articles_2012/japan-faseout. (In Russian).

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В СВЕТЕ КАТЕГОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ (МОДЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ)

цыганенко с.с.,

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южный федеральный университет, e-mail: zeross@rambler.ru

В статье рассматриваются основные вопросы концепции дифференциации уголовного процесса с точки зрения новых методолого-теоретических подходов – теории уголовно-процессуальной стратегии и моделей уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; процессуальная форма; дифференциация; производство по уголовным делам; процессуальный порядок.

DIFFERENTIATION IN THE CATEGORY OF CRIMINAL PROCEDURAL STRATEGY (MODEL APPROACH AND CONCEPTUAL BASES)

TSIGANENKO S.S.,

doctor of Law, Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Southern Federal University,
e-mail: zeross@rambler.ru

In article the basic questions of the concept of differentiation of criminal trial are considered from the point of view of new theoretical approaches – theories of criminal – remedial strategy and models of criminal legal proceedings.

Keywords: criminal legal proceedings; the remedial form; differentiation; trial; the remedial order.

Коды классификатора **JEL**: К10, К14, К42.

Доктрина современного уголовного процесса должна, по меньшей мере, обосновать принципиальные вопросы системно-структурной дифференциации как в общем концептуальном плане, так и в частных актуальных аспектах (*Цыганенко*, 2012). Но, как подметил французский юрист Н. Рулан, «любой прогресс научного знания ведет к подмене старых ошибок новыми». Не избежала этого и теория дифференциации.

Известно, что среди основных направлений судебной реформы в 1991 г. была определена и дифференциация уголовного судопроизводства. Однако ее теоретическое осмысление началось еще задолго до судебной реформы.
Тем не менее, по сути, среди ее исследований длительное время сохранялся подход, обусловленный задачами и направлениями предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Касалось ли это упрощения уголовного судопроизводства, обоснования отдельных процессуальных порядков или процедур либо предусмотрения определенных процессуальных особенностей для возбуждения, расследования и рассмотрения некоторых категорий уголовных дел.

Дифференциация уголовного процесса в настоящее время заслуживает по своему положению отнесения к существенным чертам порядка уголовного процесса. Сравнительный анализ уголовного процесса зарубежных государств показывает, что дифференциация давно приобрела вид устойчивого и системообразующего механизма для уголовного судопроизводства. В странах общего права с публично-состязательным типом уголовного судопроизводства процессуальный порядок помимо связанного с судом присяжных, предусматривает суммарный процесс, а

 $^{^{1}\,\}mathrm{B}$ литературе накоплен уже богатый теоретический материал по вопросам дифференциации.

в уголовном процессе США используется процедура упрощенного порядка рассмотрения некоторых категорий уголовных дел и такая радикальная процессуальная технология как сделка с правосудием. В европейских странах с континентальным типом уголовного процесса дифференциация выражается в различных порядках досудебного и судебного производства по уголовных делам в зависимости от тяжести совершенного преступления и их характера.

Среди современных направлений научных исследований в последнее время все большее значение приобретает модельный подход. В науке модели рассматриваются в качестве специфического средства и формы научного освоения действительности. В этом смысле, как предлагается в теории, модель уголовного процесса есть концептуальное выражение его осуществления на практике, или – уголовно-процессуальная стратегия (Стойко, 2007. С. 23). Ключевыми признаками уголовно-процессуальной стратегии являются цели, принципы и функции уголовного процесса, которые преломляются в уголовной политике в области уголовного процесса (рассматриваются на правовом (уголовно-процессуальном) и социальном (уголовно-политическом) уровнях) (Стойко, 2007. С. 24).

Разработчики этого подхода теоретических исследований, в частности, полагают, что при всем различии авторских подходов, поставленных исследовательских задач и предпочтений выработанные учеными разных стран модели уголовного процесса могут быть объединены в рамках 6 уголовно-процессуальных стратегий (общих моделей): 1) защиты прав и свобод обвиняемого; 2) уголовного преследования; 3) социальной поддержки обвиняемого; 4) социальной поддержки потерпевшего; 5) рациональности и эффективности уголовного судопроизводства; 6) примирения (Стойко, 2007. С. 24).

В свете рассматриваемой темы наибольший интерес представляет стратегия рациональности и эффективности уголовного судопроизводства.

По мнению Н.Г. Стойко, стратегии рациональности и эффективности уголовного судопроизводства соответствует модель «бюрократической» эффективности (*М. Кіпд, Н. Кристи*). Она отражает давление на уголовный процесс органов уголовной юстиции, стремящихся ввести в него ресурсосберегающие правила и процедуры. Основная цель здесь – сократить, оптимизировать издержки и расходы, добиваться того, чтобы уголовные дела обвиняемых (подозреваемых) как можно быстрее и эффективнее рассматривались в суде. Основная функция – управление уголовным процессом. Основные принципы – стандартизация судопроизводства, экономичности и разделение труда, быстрота и простота, нейтрализация и минимизация конфликтов (*Стойко, 2007. С. 24*).

Следует отметить, что и в отечественной теории уголовного процесса прошлого века данное направление было достаточно известно. Так, например, различные предложения об оптимизации порядка уголовного судопроизводства и процессуальной экономии неоднократно обосновывал в своих трудах в 1972-1980-е гг. прошлого столетия П.Ф.Пашкевич и некоторые другие ученые (Пашкевич, 1984). Подобные предложения послужили, в том числе, и поводом для публичной дискуссии о путях развития уголовно-процессуального законодательства СССР в этот период (Пашкевич, 1974).

В то же время, как представляется, данная уголовно-процессуальная стратегия по своему содержанию не может полностью охватывать весь комплекс явлений и тенденций в уголовно-процессуальном праве, связанных с развитием уголовно-процессуальной формы.

Ведь общепризнано, что изменение уголовно-процессуальной формы связано не только с ресурсными факторами, но и с другими условиями деятельности правоохранительных органов – материально-правовыми и процессуальными по своему характеру.

Данное направление, представляет собой отдельную и самостоятельную (новую) уголовно-процессуальную стратегию или модель уголовного процесса под названием дифференциация уголовного судопроизводства. Остановимся в дальнейшем на ряде ее основных признаков.

Сложившаяся в результате кодификации уголовно-процессуального права 1950-1960-х гг. в России система и форма уголовного процесса представляла собой подчиненный общей цели назначения наказания преступнику порядок деятельности органов предварительного расследования и суда, отличающийся широкой степенью унифицированности процессуальной формы.

В концептуальном плане данное положение выражалось в утверждении и развитии представления об уголовном процессе как общем и едином для всех государственных органов и лиц порядке расследования и рассмотрения уголовных дел, обладающем определенным кругом особенностей – специальных правил регулирования процессуальной деятельности (Строгович, 1963; Добровольская, Элькинд, 1976).

Однако, все большее проникновение реститутивных механизмов и начал в область государственного принуждения не могло не затронуть и уголовных процесс.

Поэтому, используемый в условиях экстенсивного развития общественных отношений, входящих в предмет уголовно-процессуального регулирования, в качестве способа коррекции процедурно-процессуальных форм предметно-институциональная специализация норм уголовно-процессуального права, не смог в необходимой мере изменить соответствующие сущности предметные и целевые признаки правовых институтов и отношений.

Связанные с преобразованиями отрасли материального уголовного права, реорганизацией органов уголовной юстиции, изменением содержания правовых задач, развернувшихся на рубеже 80-х – 90-х гг. прошлого столетия в России и изменившие ранее сложившуюся на основе союзного законодательства структуру уголовного судопроизводства, процедурные потребности стали залогом модернизации уголовного процесса. Способом преобразования процессуальных отношений и соответствующих им форм, приведения их в соответствие с новыми условиями

деятельности судов и правоохранительных органов стала дифференциация. Следовательно, отсюда ее понимание как специфического способа (метода) правового воздействия на общественные отношения, складывающиеся в уголовном судопроизводстве, ведущего к использованию в уголовном процессе различных по своему характеру и назначению, но общих – по обязательным условиям применения и природе процессуальных производств и форм. Это обеспечивает разнородную по механизмам и средствам, целям и задачам, но единую по процессуально-правовым категориям структуру уголовного процесса, обеспечивающую в конечном счете участникам производства по уголовному делу защиту их прав и свобод в соответствии с характером и тяжестью мер уголовной ответственности. Таким образом, представление о сущности дифференциации в уголовном судопроизводстве как о формальной автономизации и дроблении (множественности) процессуальных порядков и соответствующих им правовых институтов и отношений не может быть правильным.

На ее основе организация уголовного судопроизводства должна строиться так, чтобы в отношении дел о преступлениях небольшой (в некоторых случаях допустимо и средней) тяжести или уголовных проступков использовались способы сокращенной процессуальной деятельности. Дела о преступлениях средней и более тяжести следует расследовать и рассматривать в порядке, представляющем собой механизм общей процессуальной деятельности, основанной на развернутости судебных гарантий. По делам в отношении особо тяжких и обладающих исключительной тяжестью преступлений должен применяется общий порядок, дополненный системой специальных процессуальных гарантий.

В современный период среди специалистов сложились два подхода к воплощению дифференциации в уголовном процессе. Один из них основан на понимание порядка уголовного судопроизводства, в котором общие правила судопроизводства приобретают наиболее широкое значение, а главные различия в процессуальных формах судопроизводства и соответственно, сама дифференциация, могут соответственно выражаться в положениях о подсудности и о составе суда, в организации обвинения, в правилах об обязательном участии защитника; в процессуальных условиях участия защитника, в порядке предварительного производства, а также в порядке предания суду и судебного рассмотрения дела (Якуб, 1981).

Таким образом, вне зависимости от того, понимается ли процессуальные формы как особенности производства по отдельным категориям уголовных дел, или же через различия в процедуре уголовного судопроизводства либо дифференциацию судебных составов и наличие особых уголовно-процессуальных порядков указанные разногласия не имеют принципиального для сторонников данного взгляда значения.

Очевидно, что данная точка зрения не может в полном объеме отразить картину происшедших изменений в уголовном судопроизводстве.

Достаточно, например, обратиться к положениям о суде присяжных в системе уголовного процесса. Очевидно, что это не просто отдельный вид судебного состава или характеризующаяся своими особенностями процедура, в которой, тем не менее, уголовные дела разрешаются по общим правилам. Поскольку следовало бы признать, что одни и те же общие правила допускают, исходя из ходатайства обвиняемого, раздельное решение основного вопроса уголовного судопроизводства, который в части виновности подсудимого находится в компетенции коллегии присяжных заседателей, а в части квалификации деяния и назначения наказания относится к полномочиям председательствующего по делу судьи, а в другом случае эти же общие правила устанавливают разрешение всех вопросов уголовного дела уже на равноправной основе всем составом суда. Заметим, что разграничение судебных полномочий между присяжными заседателями и судьями-профессионалами — отнюдь не диспозитивно-процессуальный, а глубокий, сущностный принцип построения порядка суда присяжных.

Формальным выходом является признание суда присяжных особым порядком. Но здесь логика вступает в очевидное противоречие со смыслом.

Тем не менее, именно этот традиционный путь и было воплощен в УПК $P\Phi^2$. Недостатки этого метода достаточно существенны. Вместо дифференциации здесь используется «гибридизация» процессуальных форм, т.е. общий порядок уголовного судопроизводства трансформируется под характер и свойства определенных категорий уголовных дел. В частности, подобную операцию претерпело дознание, которое после изменений 2007 г. в полной мере представляет собой относительно упрощенный порядок предварительного следствия.

Для формирования модели дифференцированного уголовного судопроизводства следует рассматривать дифференциацию как способ воздействия на процессуальную форму, ведущий к формированию отдельных видов уголовного судопроизводства (производств), со своей материально-правовой основой, специальными задачами и соответствующим порядком.

Для этого в материальном и процессуальном законодательстве уже имеются необходимые предпосылки, которые необходимо развивать в дальнейшем.

Так, в уголовном процессе на основе УПК РФ 2001 г. существуют не просто различающиеся своими чертами процессуальные производства, а производства двух типов, имеющих специфическое предназначение: 3

² Разработчики УПК РФ приравняли некоторые особенности уголовного судопроизводства к особым формам или порядкам в уголовном судопроизводстве, относя к их числу дознание (глава 32), особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (разд. X), производство у мирового судьи (разд. XI), производство в суде с участием присяжных заседателей (разд. XII), а также особый порядок уголовного судопроизводства (глава 50 − производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних; глава 51 − производство о применении принудительных мер медицинского характера; глава 52 − особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц). См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н.Козак, Е.Б.Мизулина.- М., 2002. С. 63.

³ Указанные положения излагаются по работе: Цыганенко С.С. «Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства». Автореф. дис.... доктора юрид. наук. СПб, 2004. С.16-17.

- 1. Производства по уголовным делам, обусловленные материальным характером правового отношения в качестве своего предмета.
 - 2. Специальные уголовно-процессуальные производства.

Производства по уголовным делам (уголовно-процессуальные производства материального характера) предусмотрены для реализации содержащихся в законодательстве норм материального уголовного права – установления юридического факта, порождающего уголовно-правовое отношение, и его субъекта, других признаков, необходимых для уголовной ответственности и наказания, а также для выражения правовых гарантий в случае установления оснований применения иных мер уголовно-правового воздействия.

Порядки указанного типа образуют основу видов уголовного судопроизводства.

Специальные уголовно-процессуальные производства обусловлены потребностью обеспечения различных процессуальных задач по охране прав и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности, а также реализации предоставленных процессуальным органам в этой связи полномочий. Их формирование и применение обусловлено иными, чем у материальных производств, потребностями. Они не обладают и полностью предметно-функциональными тождественными формами, присущими производству по уголовному делу.

С точки зрения первой группы производств, структуру действующего уголовного процесса составляют:

- 1. Общий порядок уголовного судопроизводства основной вид уголовно-процессуальной деятельности, урегулированный наибольшим кругом правовых норм, содержащихся в уголовно-процессуальном законодательстве. По своим задачам и содержанию это публичный порядок, состоящий из досудебного и судебного производства по уголовному делу, применяющийся во всех случаях обнаружения и регистрации повода и оснований для возбуждения уголовного дела за исключением тех обстоятельств, которые предусматривают применение иного порядка деятельности процессуальных органов. Общий порядок уголовного судопроизводства нормативно выражен в части второй и третьей УПК РФ (ст.140-313).
- 2. Дифференцированные порядки уголовного судопроизводства нормативно выраженные, как обычные по своим правоприменительным задачам и предмету, так и особые, обладающие индивидуально-специфическими признаками, виды уголовно-процессуальной деятельности:
- а) сокращенный порядок вид судопроизводства, специфическими чертами которого является измененная структура частей (этапов) уголовного производства, быстрота, использование меньшего круга процессуальных действий и применение по делам о преступлениях, не представляющих значительной опасности. В то же время этот вид включает в себя следующего рода формы:
 - ускоренные порядки рассмотрения уголовных дел;
 - сокращенные (упрощенные) досудебные производства;
 - сокращенные (упрощенные) формы судебного разбирательства.
 - В УПК РФ этот порядок закреплен как дознание и в виде особого порядка судебного разбирательства;
- б) судопроизводство с усиленными гарантиями прав обвиняемого порядок, применяемый в отношении дел о преступлениях особой и исключительной тяжести, дифференцированный за счет модели суда «с разграниченными полномочиями» для судебного состава. Данный порядок нормативно выражен в разделе XII, главе 42 УПК РФ (ст.ст.324-353);
- в) судопроизводство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних дифференцированный по признаку несовершеннолетнего субъекта уголовной ответственности порядок, в котором общие правила досудебного и судебного производства сочетаются со специальными нормами гарантиями, обеспечивающими защиту несовершеннолетних, подозреваемого, обвиняемого от необоснованного уголовного преследования и осуждения, а также имеющих предупредительный и восстановительный характер. Данный порядок нормативно выражен в главе 50 УПК РФ (ст.ст.420-432) и в ряде других норм;
- г) особый порядок производство о применении принудительных мер медицинского характера вид уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивающий применение специфических мер государственного принуждения в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. Данный порядок нормативно выражен в главе 51 УПК РФ (ст.ст.433-446);
- д) судопроизводство по делам частного обвинения процессуальный порядок, в котором уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в частном порядке, а уголовные дела с частным обвинением рассматриваются, как правило, мировыми судьями.

В общем целом, процесс видообразования не является оконченным. Новый его этап связан с формированием апелляционного производства, который предполагает дальнейшую дифференциацию судебного производства применительно к порядку деятельности суда II-ой инстанции.

С другой стороны, процесс дифференциации не должен подменяться своеобразной процессуальной гибридизацией, вследствие которой происходит эклектичность процессуальной формы (сочетание различных по типу и назначению процессуальных форм).

Представляется, что именно с позиций уголовно-процессуальных производств как видов уголовно-процессуальной деятельности, имеющих свой материальный предмет (выраженный в категории уголовных дел) и соответствующую ему форму деятельности субъектов правоприменения (порядок), будет возможным уяснение сущности дифференциации и ее воплощения в уголовно-процессуальном праве.

Таким образом, современный уголовный процесс, как показывает сравнительный анализ, невозможен без его дифференциации, связанной с применением в регулировании специального метода правового воздействия – дифференциального. Последнее по всем своим качествам есть самостоятельная модель уголовного процесса (уголовнопроцессуальная стратегия). Ее цель – достижение гибкости уголовного процесса. Ее функция – развитие системноструктурной организации уголовного процесса. Ее принципы – диверсификация процессуальной формы, основополагающая роль общего порядка уголовного судопроизводства, формирование видов уголовного судопроизводства на базе уголовно-правовых категорий и признаков с учетом степени сложности уголовно-процессуальной формы.

ЛИТЕРАТУРА

Добровольская Т.Н., Элькинд П.С. (1976). Уголовно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика. М., С.266-276.

Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (2002). Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М., С. 63.

Пашкевич П.Ф. (1984). Процессуальный закон и эффективноть уголовного судопроизводства. М.

Пашкевич П.Ф. (1974). Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать. *Со- циалистическая законность*. № 9. С. 54-56.

Стойко Н.Г. (2007). Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико –правовое исследование англо-американской и Романо-германской правовых систем: Автореф. дисс... доктора юрид наук. СПб.

Строгович М.С. (1963). Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М., С. 61.

Цыганенко С.С. (2012). Вопросы системно-структурной организации уголовного процесса. *TERRA ECONOMICUS*. Т. 10. № 3. С. 109-114.

Цыганенко С.С. (2004). «Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства». Автореф. дис.... доктора юрид. наук. СПб, С. 16-17.

Якуб М.Л. (1981). Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., С. 80-81.

REFERENCES

Dobrovol'skaya T.N., Elkind P.S. (1976). Criminal procedural form, procedure and production. Legal procedure form. Theory and Practice. Moscow. Pp. 266-276. (In Russian).

Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (2002). Ans. Ed. Dmitry Kozak, E.B. Mizulina. Moscow. P. 63. (In Russian).

Pashkevych P.F. (1984). Procedure Act and effektivnot criminal proceedings. Moscow. (In Russian).

Pashkevych P.F. (1974). Procedural forms of criminal proceedings must be differentiated. Socialist legality. No. 9. Pp. 54-56. (In Russian).

Stojko N.G. (2007). Criminal proceedings Western states and Russia: a comparative theoretical and legal research Anglo-American, and Romano-Germanic legal systems: Author. diss ... the doctor of Sciences. St. Petersburg. (In Russian).

Strogovich M.S. (1963). The course of the Soviet criminal trial. Volume 1: Summary of the Soviet science of criminal proceedings. Moscow., p. 61. (In Russian).

Tsiganenko S.S. (2012). Questions of system-structural organization of the criminal process. *TERRA ECONOMICUS*. Vol. 10. № 3. Pp. 109-114. (In Russian).

Tsiganenko S.S. (2004). «General and differentiated orders criminal proceedings.» Author. dis Dr. of Science. St. Petersburg, Pp.16-17. (In Russian).

Jakub M.L. (1981). Procedural form in the Soviet criminal proceedings. Moscow. Pp. 80-81.

ECONOMIC THEORY	
Zumakulova F.S. Contemporary problems of the financial system regulation	5
Shiryaev I.M. Principles and problems of Friedrich August von Hayek's evolutionary	
approach	9
Khachaturian N.S. World experience in creating effective mechanisms of interaction	
between government and business in present conditions	14
ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMIC PRACTICE	
Anopchenko T.Y., Shamardin D.N. The formation and management of industrial	
clusters	19
Galazova S.S., Tsokov A.V. Competitive dynamics of the Russian grocery retailing	24
Nerovnya T.N., Khachirov A.D. The problem of estimation of the multiplicative effects	
from investment in industry	28
Grankina N.G. Evolution of enterprise's goal-oriented marketing activity towards	
the reinforcement of social-oriented priorities	35
Rozhkov V.A. The evolution of the principles and directions of reform of the energy	
sector in the post-reform period	40
Gurova E.A. Features of formation an organization innovative potential	44
Afanesjan M. K. Approaches to enhance the effectiveness of the instruments to reduce	
cross-border pollution	47
Levushkina S.V. The business environment as a condition for sustainable development	
of small and medium-sized businesses	52
Tereshev M.A. The strategic aspects of institutional modernization of commercial	
banks	58
Ovcharenko G.V. Social innovations management in the organizations	62
Babaeva A.A. Positioning Russian multinationals IPO tools in the structure of	
external equity financing	65
REGIONAL ECONOMY PROBLEMS	
Bakkuev E.S. Region as an open system, the role of agro-economic growth	
in the development of regional territorial entities	71
Donchevsky G.N., Shafirov L.A., Karlina A.A. The depressed territories:	
phase sublimation model (concept, hypothesis and research programs)	75
Chumakova I. Yu. Innovative mechanisms of state financial control development in Ukrain	e86
Kaplina A.V. Contemporary role of cluster organizations in forming	
the region financial potential	93
Bezirova Z. H., Zhurtova Z.V. The concept of development of venture investment	
innovation activity of the region	98
Kashnikova T.V. Trends and tools for efficiency increase of social protection	
of the population in the region (on the example of the Rostov region)	103

Grigorieva U.P., Gerasimov A.N., Skrebtsova T.V. System integration as a form of interaction
between the business structures at the present stage of traditional agricultural
regions development of Russia
Kuz'menko V.V., Trysyachny V.I. Conceptual substantiation of chemical enterprises
development in the region114
Gerasimov A.N., Gromov E.I., Shatalova O.I. Diagnostics system
socio-economic situation of the Russian Federation macro-regions117
Klishina Yu.E., Oboturova N.P., Uglitskikh O.N. Monitoring of innovative development
of the North-Caucasian macro region122
Telnova N.N., Ostapenko E.A., Kobozev A.K. Rural households as an object
of management in the innovation economy of the region127
Koroleva N.A. The mega- corporation's resource investment of the zones of
post-industrial growth in-side the regional economy system132
Gladilin A.V., Shatalova OI, Kobozev M.N. Set positioning of local
plant-growing products markets in the macro-economy136
Gromov E.I. The principles of management and planning of socio-ecological-economic
macro region system140
Parkhomenko T.V. Development and implementation of sourcing power sector
development in the region145
ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LAW
Tsiganenko S.S. Differentiation in the category of criminal procedural
strategy (model approach and conceptual bases)149

Научно-аналитическое издание

TERRA ECONOMICUS

2013

Том 11

Номер 1

Часть 3

Сдано в набор 18.02.2013. Подписано в печать 26.02.2013. Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура AficinaSerif. Печать офсетная. Усл. п. л. 27,4. Уч.-изд. л. 26,5. Тираж 558 экз. Заказ № 71. С. 156.

Издательство «Наука-Спектр». 344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская, 90, к. 8. Т. 8(863)269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.